

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Л. А. Шамина

Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке

Ответственный редактор
д. ф. н. М. И. Черемисина

Сибирский хронограф
Новосибирск
2001

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(исследовательский грант № 97-04-06304,
издательский грант № 00-04-16164д)

Рецензенты:

к. филол. наук Н. Б. Кошкарева,
к. филол. наук А. А. Мальцева

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
ISBN 5-87550-145-6

- Ш 12** Монография посвящена структурно-семантическому описанию сложного (полипредикативного) предложения тувинского языка. Основным объектом исследования является важнейший способ выражения смысловых и синтаксических связей между предикативными единицами — оформление причастного сказуемого зависимой части падежными аффиксами. В книге описаны синтетические и аналитико-синтетические конструкции сложного предложения тувинского языка. Показаны конкретные модели каждого типа и их семантика, выявлены типы смысловых отношений, устанавливаемых между моделями.
Работа представляет интерес для специалистов по языкам народов Сибири, общей теории синтаксиса и лингвистической типологии.

© Шамина Л. А., 2001

© «Сибирский хронограф», 2001

ISBN 5-87550-145-6

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена структурно-семантическому анализу сложного (полипредикативного) предложения тувинского языка. Объект исследования — тувинские полипредикативные конструкции, выражающие различные отношения между двумя событиями действительности, представленными предикативными частями предложения.

Тувинский язык в типологическом отношении принадлежит к агглютинативному типу языков, а в генеалогическом плане — к восточнохунской ветви тюркских языков, входя в уйгуро-тукуюскую подгруппу уйгурской группы этой ветви [Баскаков, 1952].

Тувинский язык — это язык современного коренного населения Республики Тыва. Он распространен также на юге Красноярского края России и в Монголии. Кроме этих территорий, тувинский этнос расселен на территории Китая — в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [ЛЭС 1990, 552].

Начало научному изучению тувинского языка было положено в 1861 г. выдающимися востоковедами Н. Ф. Катановым и В. В. Радловым. Н. Ф. Катанов на основе собранного большого фактического материала и непосредственного наблюдения над живой тувинской речью написал первую научную грамматику тувинского языка [Катанов 1903]. Собранный им языковой материал опубликовал В. В. Радлов [Радлов 1907].

Новый период в изучении тувинского языка начинается с середины 20-х годов XX в. в связи с подготовкой и созданием тувинской письменности. С конца 20-х годов и до настоящего времени исследователи в разных аспектах изучали и изучают фонетику и грамматику тувинского языка. Результаты этих работ нашли отражение в монографических исследованиях Ш. Ч. Сата, написавшего грамматический очерк «Тувинский язык» [1955] и описавшего синтаксические функции причастий в тувинском языке [1960], в «Грамматике тувинского языка (фонетика и морфология)» Ф. Г. Исхакова, А. А. Пальмбаха [1961], в исследованиях Д. А. Монгуша [1959, 1963, 1983, 1998] и М. В. Оюн [1983, 1985].

Как теоретическое, так и практическое описание синтаксиса сложного предложения тувинского языка и других языков народов Сибири пока отстает от исследований в области фонетики и морфологии. Кроме якутского языка, в синтаксическом плане детально изученного Е. И. Убратовой [1976] и Н. Н. Ефремовым [1998], эвенкийского [Бродская 1988], и эскимосского языков [Вахтин 1995], сложное предложение (СП) в других языках Сибири специально не изучалось.

Актуальность темы исследования определяется тем, что, хотя и существуют общее описание синтаксиса тувинского языка Ш. Ч. Сата [1966], описания отдельных семантических типов сложного предложения [Шамина 1987, Оюн 1988] и простого предложения [Серээдар 1995], во всем своем объеме синтаксис тувинского языка до сих пор остается неизученным.

Целью этой работы является описание сложного (полипредикативного) предложения тувинского языка, его различных структурных типов и выражаемых этими предложениями отношений.

Основные задачи этой работы состоят, во-первых, в том, чтобы выявить и систематизировать по возможности все структурные модели тувинских полипредикативных конструкций (ППК), во-вторых, классифицировать эти модели по определенным структурным и функциональным типам. Эти задачи предполагают изучение и систематизацию разных типов инфинитных глагольных форм. Классификация СП всегда опирается на два рода признаков: формальный (или структурный) и содержательный, т. е. функционально-семантический. Поэтому особенно важна функционально-семантическая классификация выявленных ППК: описание семантики представленных моделей, определение соответствия между структурными и функциональными типами.

В основу описания положен структурный подход: классификация моделей, объединение их в группы опирается на признаки формального сходства. Семантика выявленных моделей, не будучи классифицирующим признаком, описывается при этом в специальной главе с опорой на существующую семантическую классификацию русского СП.

Классификация, разбиение материала исследования на определенные группы, характеризующиеся определенными признаками, дает нам возможность обнаружить и описать внутреннюю системность объекта исследования: его членение на определенные подсистемы, отношения между ними и т. д.

На основании общих структурных признаков были выявлены взаимно противопоставленные крупные структурно-семантические классы конструкций. С одной стороны, это предложения с присловным придаточным (изъянительные — актантные), характеризующиеся тесной подчинительной связью («сложносаянные») и определительные (примыкание). С другой стороны, выявлены предложения с придаточным, относящимся к главному предложению в целом (расчлененной структуры — обстоятельственные): темпоральные ППК, ППК обусловленности, сравнительно-сопоставительные, характеризующиеся более свободной подчинительной связью частей ППК.

Наиболее свободной связью, близкой к сочинительной, характеризуются ППК со скрепами союзного типа.

Обращая основное внимание на структурную типологию конструкций, мы подразделяем настоящую работу на три главы. В первой главе дано общее представление о сложном предложении, указана специфика тувинского сложного предложения, описаны показатели связи частей СП. Во второй главе представлена собственно структурная типология ППК. При описании структурной типологии ППК мы выделяем два основных признака: 1) устройство сказуемого зависимой предикативной единицы (ЗПЕ); 2) тип спряжения ЗПЕ.

В зависимости от типа инфинитной формы, которая образует сказуемое ЗПЕ, и от дальнейшего ее оформления (показатели грамматического лица, падежа), выделяются следующие синтетические структурные типы: причастно-падежные конструкции, причастно-последложные конструкции, конструкции с формами условного и предельного наклонений, конструкции с деепричастными формами, причастные конструкции с частицами и другими служебными словами, причастные беспадежные (определительные).

Содержание третьей главы составляет функциональная типология ППК. Здесь описана семантическая специфика моделей, выявленных в структурной части, показаны типы семантических отношений, устанавливаемых между моделями: дополнительность, синонимия и т. п., установлено соответствие между определенными структурными типами ППК и определенными функциональными подтипами.

Наше исследование, посвященное в основном одному языку, имеет и определенную типологическую установку. По мере возможности и необходимости к сопоставительному анализу привлекаются данные других тюркских языков Сибири (хакасского, алтайского), приводятся типологические параллели из бурятского и эвенкийского языков.

Настоящая работа является продолжением сопоставительно-типологического исследования строя сложного (полипредикативного) предложения, проводившегося в Институте филологии СО РАН. В работе используется метаязык описания, сложившийся в ходе коллективного сопоставительно-типологического исследования и отраженный в ряде публикаций [Предикативное склонение 1984; Структурные типы 1986 и др.]. При построении теоретической концепции мы опирались на теорию сложного предложения, основы которой были заложены Е. И. Убрятовой в монографии «Исследования по синтаксису якутского языка» [1976] и которая разрабатывалась далее в работах М. И. Черемисиной по проблемам сопоставительно-типологического изучения сложного предложения в языках разных систем [1978, 1979, 1981, 1984, 1987].

Мы описываем материал с позиций синтаксиса сложного предложения. Как в европейской лингвистической традиции, так и в тюркологии эта синтаксическая дисциплина накопила значительно больший, по сравнению с синтаксисом простого предложения, фонд терминов и понятий, позволяющий теоретически осмысливать и описывать интересный нас тип конструкций. Существенно, что почти все основные значения, выражаемые в индоевропейских языках средствами союзных сложноподчиненных предложений, в разных тюркских языках передаются средствами исследуемых причастных и деепричастных конструкций [Яковлев, 1941]. Это еще раз подчеркивает необходимость привлечения для их описания теоретического аппарата синтаксиса СП [Зекох 1976, 69–108, Мещанинов 1978].

Понятийно-терминологический аппарат синтаксиса СП ориентирован на языки европейского типа — на конструкции с союзными средствами связи частей сложного предложения. В языках агглютинативного строя, к числу которых относится тувинский язык, представлены конструкции другого типа — со специальными глагольными формами, в состав которых входят аффиксы, сигнализирующие о наличии синтаксической зависимости между частями сложной конструкции. Передавая характер смысловых отношений между ситуациями, описываемыми в этих частях, они делают союзы совершенно излишними.

В тюркологии многие годы продолжались разногласия, связанные с пониманием объема категории «сложное предложение» и соответственно с вопросом о статусе как предложений с причастными, деепричастными и глагольно-именными оборотами, так и самих этих оборотов. Основные точки зрения, высказанные в ходе дискуссии 1956 г. [Вопросы 1956], наметились значительно раньше. Еще в середине прошлого века М. Казембек [1846] оценил эти конструкции как придаточные предложения.

Дискуссия, ведущаяся на протяжении многих лет, приобрела в значительной мере терминологический характер. Это видно на примере многочисленных наименований обсуждаемых конструкций и их компонентов: «причастный и деепричастный обороты» [Дыренков 1941]; «развитый член предложения» [Насилов 1960]; «потенциальное (квази)предложение» [Дени 1959, Попелуевский 1980]; «сложноподчиненное предложение синтетического типа» [Закиев 1963]; «синтаксический асиндетон» [Соколов 1971]; «сложноспаянные предложения» [Адмони 1982]; «осложненные предложения с синтаксическими оборотами» [Есенов 1983]. Существенно, что независимо от того, как ученые называли эти предложения, инфинитные формы глагола в их составе признаются сказуемыми зависимой части. В результате конструкции, о ко-

торых идет речь, во многих тюркских языках оказались изученными довольно глубоко «как в плане их построений, так и в плане значения входящих в эти конструкции компонентов» [Адмони 1982, 30].

Понимая сложное предложение как специальную форму, выражающую определенные отношения между двумя событиями [Белошапкина, 1977], мы включаем в состав рассматриваемых ППК не только собственно сложные конструкции, но и конструкции, которые не являются сложными: деепричастные моно- и разносубъектные ППК и моносубъектные ППК причастного типа.

Материалом исследования послужила выборка объемом около 15 000 примеров из художественной литературы на тувинском языке, примеры из словарей и грамматик и полевые материалы, полученные автором во время экспедиций в Тувинскую АССР.

Нашими информантами были в основном учителя родного языка, работники радио, врачи, научная интеллигенция, т. е. люди, в одинаковой мере владеющие русским и родным языками. Я искренне благодарна всем, кто помогал мне в сборе и обработке языкового материала во время экспедиций: У. В. Доржу, С. М. Достай, В. С. Мангыр, Е. Б. Ондар, Е. С. Шоолбан, О. С. Шыырап, У. П. Опей-оол, З. Б. Чадамба; студентам и аспирантам кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского государственного университета — Н. Ч. Серээдар, Ч. С. Ондар, Н. Я. Сагаан, А. В. Монгуш, Б. Ч. Ооржак, И. Д. Дамбыраа.

Я благодарна сотрудникам сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН и моему учителю и ответственному редактору М. И. Черемисиной.

Особая благодарность коллегам из Тувы — Д. А. Монгушу, М. В. Бавуу-Сюрюн, преподавателям кафедры тувинской филологии, и студентам филологического факультета Кызыльского государственного педагогического университета.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

1. ПОНЯТИЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современное языкознание определяет язык и каждый из его уровней как систему. Все элементы любого уровня связаны друг с другом разными системообразующими отношениями. Значимость же элемента определяется его местом в системе, а само это место — отношениями данного элемента к другим элементам системы. Эти общие положения нашли применение в фонологии и получили развитие в других разделах языкознания — лексикологии (ср.: семантическая оппозиция, смысловая близость, синонимия), морфологии [ЛЭС 1990, 539].

На синтаксическом уровне языка принято различать три «уровня» объектов (различающихся степенью сложности своей структуры): словосочетаний, простых и сложных предложений.

Сложное предложение — особая, отличная от простого предложения единица языка. Подобно лексеме или морфеме, это знак, т. е. двухсторонний семиотический объект, имеющий план содержания и план выражения. План содержания СП как единицы языка — это отношение между двумя событиями. План выражения — структурная схема, или образец, по которому носители языка строят и понимают открытое множество фраз. Фраза — речевая репрезентация языковой единицы — предложения [Черемисина 1981, 3–22].

Сложное предложение — синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух предикативных частей, каждая из которых эквивалентна простому предложению в том смысле, что содержит собственный предикативный узел. Предикативный узел может быть выражен подлежащим и сказуемым или одним сказуемым с личным оформлением, указывающим на определенный или неопределенный субъект действия. Но сложным предложение является в том случае, если каждая предикативная часть имеет свой субъект и свой предикат. Если же предикаты частей различны, а субъект общий, предложение называется полипредикативным моносубъектным (МСК) [Черемисина 1979].

Принципиальное отличие сложного предложения от простого состоит в том, что СП предназначены выражать отношения между событиями, т. е. представлять события во взаимной связи и обусловленности. Простое предложение — прямой, естественный, адекватный способ представления отдельного события.

Определенное отношение между событиями, когда оно осознано как особое отношение и закреплено в речевой практике коллектива посредством особой формы сложной (полипредикативной) конструкции, составляет синтаксический смысл этой конструкции.

Доржу ол бугу ажыл доозул=ган соонда, Мартаажыктан айтырган (МК, «Т. ч. ы.», 91).— После того как вся эта работа закончилась, Доржу расспросил Мартаажыка.

Синтаксический смысл «после того как», общий для всех фраз данной конструкции, соотнесен с определенным показателем связи, а именно с тем, что предикат зависимой предикативной единицы, представляющей событие, принимает форму прошедшего времени на *=ган* в сочетании с послелогом *соонда*: *=ган соонда*.

Тем самым структура сложного предложения определяется тремя компонентами: в нем выделяются два компонента, представляющие два события, и третий компонент, выражающий отношение между ними. Именно от этого третьего компонента зависит и структурный, и содержательный (семантический) тип сложного, а также моносубъектного полипредикативного предложения.

Поэтому показатель синтаксической связи частей является важнейшим компонентом всякого полипредикативного предложения. Это важнейший классифицирующий и типологический признак СП. Тем самым объект классификации — сложное (полипредикативное) предложение понимаем как состоящее только из двух предикативных частей, т. е. как синтаксический бином.

Части СП могут быть и предикативными, и полипредикативными, и «полупредикативными», т. е. не отвечающими всем требованиям, которые предъявляются к предикативным единицам как частям СП.

Если предложение устроено таким образом, что обе его предикативные части ориентированы на одно, общее для них, подлежащее, в какой бы части оно ни находилось, это предложение не является собственно сложным.

Главный признак, отличающий осложненные предложения этого типа от собственно сложных состоит не в том, что зависимые предикаты имеют здесь инфинитивную форму — такую форму могут иметь и зависимые предикаты сложного предложения. Дело в том, что при их предикатах нет собственной позиции подлежащих. Действия, названные зависимыми предикатами, относятся к тому же самому субъекту, к которому отнесено и главное действие.

В строении частей СП и простых предложений отмечается много общих моментов: в СП те же члены (компоненты), что и в простом предложении. Предикативные части СП могут быть двусоставными и

односоставными, определенно-личными или неопределенно-личными, могут быть полными или неполными. Однако наряду с признаками, объединяющими простое предложение и предикативные части СП, последнее характеризуется и существенным своеобразием.

1. Простое предложение в качестве сказуемого содержит так называемые «финитные», т. е. конечные формы глаголов. Их состав известен — это формы времени и наклонения.

2. В монофинитных предложениях одна из частей — вторая — сохраняет структурное подобие простому предложению. Но первая часть организуется качественно иначе, в соответствии с другими принципами. Эта препозитивная предикативная единица в составе монофинитного сложного предложения самой своей формой выражает и факт своей «несвободы», и характер зависимости, связывающей ее с другой предикативной частью [Предикативное склонение 1984]. Она не может употребляться самостоятельно.

Важнейшая структурная особенность предикативной части, построенной по принципу зависимой предикации, заключается в том, что в роли сказуемого здесь используются определенные типы инфинитных форм глагола.

Предикативные отношения между подлежащим и сказуемым зависимой части выражаются с помощью личных показателей сказуемого, координированных в лице с подлежащим. В этой роли выступают две системы показателей: в одних случаях те, которые используются и при спряжении финитных глаголов, в других — те, которые используются для выражения посессивных отношений.

Если СП формируется как объединение двух простых предложений, то есть обе части «наследуют» от простых предложений финитный тип предикативной организации, такое СП можно назвать «бифинитным». Если же в процессе формирования СП происходит направленная перестройка одной из предикативных единиц, ведущая к утрате ею финитности, то СП оказывается монофинитным.

Предикативные единицы в составе бифинитных СП не заключают в себе показателя связывающего их отношения. Отношения, которые устанавливает между ними говорящий, должно выражаться отдельно, дополнительными средствами — линейными показателями связи (союзами). Союз сохраняет относительную автономность: он соотносится со знаменательным компонентом в целом. За этим знаменательным компонентом мы сохраняем термин «предикативная единица» (ПЕ), а объединение ПЕ с показателем связи называем зависимой предикативной единицей (ЗПЕ).

Показатели связи, выраженные служебными словами (послелогоми, служебными именами), называются аналитическими. СП бифинитного типа, части которых связаны аналитическими показателями (союзами), также называются аналитическими.

То, как организованы части в системе СП, важно, потому что от этого зависит характер синтаксической связи. Синтаксическая связь — это формальное выражение определенных содержательных синтаксических отношений.

Результаты структурной классификации не всегда непосредственно совпадают с результатами семантической классификации СП, ориентированной на обобщенные синтаксические смыслы. Поэтому в исследовании СП должны быть представлены оба подхода. Первой рассматривается структурная классификация, т. к. она опирается на наблюдаемые структурные признаки. Такими признаками выступают: тип инфинитной формы (причастие, деепричастие, формы косвенных наклонений) и показатель связи (падеж, послелог).

Зависимое сказуемое в составе ППК принимает определенную падежную форму или сочетается с послелогом. В последнем случае глагольная форма может выступать в форме одного из косвенных падежей (управляющие послелогии). Но послелог может сочетаться с падежно не оформленным причастием (примыкающие послелогии). Третью разновидность составляют сочетания изафетных послелогов с причастными формами в родительном падеже.

Таким образом, с точки зрения структурной организации ППК важными оказываются следующие формальные структурные особенности.

Во-первых, важно, какую конкретную форму принимает зависимое сказуемое (падежную или послеложную).

Во-вторых, важным признаком ППК является ее способность или неспособность формировать фразы с собственным субъектом ЗПЕ (разносубъектность — моносубъектность). В тувинском возможны моносубъектные конструкции, в которых факт моносубъектности выражается нулевым личным показателем у сказуемого ЗПЕ (=ø). Может выражаться моносубъектность аффиксом лично-притяжательного типа (субъект может быть 1-го или 2-го л.).

В-третьих, важным является место личного оформления: так, в послеложных конструкциях личное оформление может принимать глагольный компонент, но может и послелог (служебное имя).

В-четвертых, важным структурным признаком моделей ППК является грамматическая характеристика подлежащего зависимой части — возможность генитивного оформления зависимого подлежащего (наряду с неопределенным падежом).

Функционально-семантическая классификация СП в разных языках мира более универсальна, в то время как в структурной классификации совершенно отчетливо раскрывается своеобразие каждого языка.

Мы рассматриваем СП тувинского языка, опираясь на структурно-функциональную классификационную схему, которая имеет целью установить соответствие между определенными структурными типами ППК и определенными функциональными типами (подтипами). Тем самым функциональный тип понимаем как множество форм, объединенных содержательной функцией, т. е. собственным синтаксическим смыслом [Черемисина].

Функция ЗПЕ в составе ППК сопоставима с функциями членов простого предложения. По своей семантике ЗПЕ являются такими же членами предложения, но имеющими предикативный характер, и предстают они в составе более сложной конструкции.

В частности, обстоятельственные конструкции временной семантики имеют структурную организацию, отличную от изъяснительных, определительных, а также, хотя и в меньшей мере, от других обстоятельственных, например от причинных, конструкций и т. п. Поэтому термин «функциональный тип» можно понимать в узком и широком смысле.

В узком смысле это понятие (функциональный тип) подразумевает синтаксические функции, которые выполняют разные члены простого предложения, например обстоятельства времени, причины и др. В широком смысле функциональный тип выделяется по признаку той роли, которую выполняет ЗПЕ относительно главной: обстоятельственные (куда входят временные, причинные, условия, уступки и пр.), определительные, дополнительные и т. д.

Каждый из этих типов характеризуется ярко выраженной структурой, формальной спецификой. Поэтому их с полным основанием можно назвать не просто функциональными, но и структурно-функциональными (или структурно-семантическими) типами.

Так, например, согласно той роли, которую выполняет зависимая часть относительно главной, выделяется тип обстоятельственных конструкций. Внутри этого типа различаем более частные функциональные типы, в частности причины, времени, условия и др. А внутри функционального типа, например, временных конструкций представлены множество функциональных подтипов: одновременность/разновременность, внутри разновременности — следование, предшествование и пр.

Каждому крупному функциональному типу соответствует определенное множество моделей, конкретных структурных форм. Такие множества, соотносительные с одной широкой функцией, составляют подсистемы в рамках общей системы. Содержательные отношения ме-

жду моделями можно оценить как синонимию, которая на следующем этапе становится материальной базой дальнейшей дифференциации смыслов, закрепление за формами, исходно принятыми за синонимы, разных дополнительных, дифференцирующих их значений.

Функциональная семантика СП, тип отношений, связывающих два события, в определенной мере прогнозирует, предопределяет способ синтаксической связи частей и конкретные средства ее выражения.

Типы предложений с определенными, взаимосвязанными, координированными признаками как формальной организации, т. е. характера синтаксической связи, так и содержания, т. е. характера синтаксических смыслов, функций, называем структурно-функциональными типами.

Материалы тувинского языка позволяют наметить такие общие структурно-функциональные типы (схема 1).

Схема 1.

2. СТРУКТУРА ПРЕДИКАТИВНОГО УЗЛА ЗПЕ

Предикативный узел (ПУ) — сложная синтаксическая структура. В его организации важную роль играют выражение как предиката, так и субъекта.

Формальная специфика предикатов ЗПЕ в тувинском языке связана с использованием в этой роли инфинитивных форм. Формальная специфика выражения субъекта в системе зависимой ПЕ связана с разными возможностями личного оформления неконечного сказуемого и со своеобразием падежного оформления.

Инфинитивные формы глагола. Все формы глагольного слова в лингвистической традиции делятся на финитные (окончательные) и инфинитивные (срединные или именные). Эти два основных класса выделяются и в тюркских языках [Кузнецов 1982, 4]. В тюркологии именные формы глагола традиционно понимаются как род, куда входят причастия, деепричастия, инфинитивы, масдары, имена действия. Поскольку эти формы в разной мере приобретают именные свойства, предпочитаем термин «инфинитивные формы глагола». К числу инфинитивных форм тувинского языка относим причастия, формы косвенных наклонений, деепричастия.

В алтаистике причастием принято называть лишь ту глагольную форму, которая способна выступать в атрибутивной функции. На самом деле под термином «причастие» обычно понимается не столько форма глагола, сколько производная основа глагола, от которой образуется четыре типа форм, характеризующихся своими парадигмами [Структурные типы 1986, 40].

Причастие — полифункциональная форма, способная выполнять четыре типа синтаксических функций: конечного сказуемого, неконечного (срединного) сказуемого, определения при существительном, первого (знаменательного) компонента аналитической конструкции сказуемого.

Другие инфинитивные формы глагола не ориентированы на роль сказуемого в простом предложении. Глагольные формы, выполняющие функцию сказуемого (финитного и зависимого), могут не функционировать в роли определений и потому не попадать в списки причастий. Их называют именами действия, реже — причастиями. В тувинском языке это форма на *=гу дег*, используемая в роли зависимого сказуемого определительных конструкций [Оюн 1988, 5].

Ол ол-бо кыдыынче көрүнген: хол чедип=ки дег черде аасче кааптар, өс эдип=ки дег шаңгыр-даа кат чок (АД, 63). — Осмотрелся по сторонам: на расстоянии, куда бы можно достать рукой, нет даже зеленой незрелой ягоды, чтобы можно было поесть.

Ядро системы причастных форм тувинского языка составляют три причастия: прошедшего времени на *=ган*, настояще-будущего на *=ар* и еще не совершившегося действия на *=галак*. Они выполняют все четыре функции: конечного и зависимого сказуемых, определения и первого компонента аналитической конструкции сказуемого.

Каждой из этих основ соответствует своя парадигма дальнейшего формоизменения. Так, аффиксы причастий прошедшего времени на *=ган* и будущего времени на *=ар* омонимичны финитным формам прошедшего времени на *=ган* и будущего на *=ар*. Но в роли финитных сказуемых этим формам соответствует парадигма финитного спряжения — изменение в аспекте лица.

В функции зависимого сказуемого эти формы приобретают другую парадигму формоизменения — парадигму предикативного склонения, то есть изменение по падежам (склонение) и по лицам (спряжение) [Убрятова 1976; Предикативное склонение 1984].

Оттуп кэ=эр=ө=ге, хүн элээн өрүлөп келген бооп-тур (СС, ТК, 306). — Когда он проснулся, оказывается, солнце высоко поднялось.

Употреблённые в функции определения, они остаются неизменяемыми — не спрягаются и не склоняются (имеют нулевые показатели грамматического лица и падежа).

Оон даитыгаа машиназының чанынга тур=ган=ө=ө чолаачыга чедде берген (СС, ТК, 291). — Потом подошел к шоферу, который стоял рядом с машиной на улице.

В предикативном склонении максимально полно участвует причастие на *=ган*, активно употребляется причастие на *=ар*. Причастие на *=галак* образует только одну форму местного падежа с временным значением и мало употребительно. В предикативное склонение втягивается форма на *=бышаан*, традиционно оцениваемая как сопроводительное деепричастие [ГТЯ 1961, 336]. Она способна принимать показатель грамматического лица и аффикс винительного падежа.

Шөлде ажылда=вышаан=ым=ны канчап билдип? — Откуда ты узнал, что я до сих пор работаю в поле? [Монгуш 1963, 148].

В тувинской грамматике описаны причастия, выполняющие только определительную функцию: *=ыган*, *=кчы*, *=ачы*. Но все эти формы оторвались от системы глагола и представляют собою либо отглагольные прилагательные, либо существительные, обозначающие действие как постоянный признак предмета: *тургузукчу* 'созидающий', 'строитель' [ГТЯ 1961, 313].

Деепричастная система тувинского языка представлена шестью формами: *=n*, *=a*, *=гаш*, *=кала*, *=бышаан*, *=пайн*. Они выражают различные смысловые отношения зависимого действия к главному.

В структурном отношении тувинские деепричастия представляют собой формы, не осложненные личными и падежными аффиксами, — они не спрягаются и не склоняются. Исключение — формы «деепричастного типа»: =гыже, =са, — имеющие парадигму спряжения (=са и =гыже) и склонения (=гыже). Основные значения этих форм — темпоральные. В зависимости от семантики глагольной основы, от которой образована деепричастная форма, а также от семантики финитного глагола на фоновую семантическую базу могут накладываться значения из серии обусловленности. Они передаются теми же формами, что и отношения во времени.

Обратим внимание на соотношение понятий «инфинитная форма глагола» и «инфинитное сказуемое». Понятие «инфинитное сказуемое» шире и охватывает не только глагольные (деепричастные и причастные) формы, но и именные в предикативном употреблении: существительные, прилагательные, имена наличия/отсутствия и т. п. Зависимое сказуемое может быть представлено аналитическими формами и аналитическими конструкциями.

В тувинском языке основа сказуемого зависимой ПЕ может быть синтетической или аналитической. Синтетическая основа сказуемого придаточной части выражается одной словоформой: *кел=ген=им=де* 'когда=я=пришел'. Аналитическая основа сказуемого выражается сочетанием деепричастия на =п или =а со вспомогательным глаголом: *Тv=дир + V^{всп.}*. Вспомогательный глагол — в причастной форме с теми показателями, которых требует соответствующая модель сложного предложения.

В конструкциях с аналитической формой основы зависимого сказуемого в качестве второго грамматического компонента широко используются вспомогательные глаголы процессной семантики: длительности (*тур=* 'стоять', *олур=* 'сидеть', *чыт=* 'лежать', *чор=* 'идти') — и глаголы непроцессной семантики: завершенности, краткости (*кал=* 'оставаться', *каг=* 'оставлять', *көр=* 'смотреть', *кел=* 'приходить', *ал=* 'брать', *бер=* 'давать' и др.).

Для конструкций с аналитической формой основы зависимого сказуемой ПЕ характерна аспектуальная характеристика длительности действия (с глаголами *тур=*, *олур=*, *чыт=*, *чор=*) и недлительности (со всеми остальными глаголами).

Сарыг бүрү кидин түлүк тоглап дүжү=п тур=да, Седипейниң чүрээ дөстүмзэн (Д, ЧЧ, 4). — В то самое время, когда опали желтые листья, не выдержало сердце Седипея.

Здесь сказуемое ЗПЕ выражено аналитической основой *тоглап дүжү=п тур=да* 'осыпаясь падали когда'.

Другой тип представляют конструкции, в которых к простой (синтетической) морфологической конструкции зависимого предиката, т. е. к причастию (с падежным аффиксом или без), может прибавляться аналитический показатель (последлог), обычно уточняющий, а иногда и существенно модифицирующий значение формы.

Колхоз даргазы далаштыр=ар орта, дүн ортузундан бээр аъттаныптым (Тыва дыл, 165). — Как только председатель колхоза поторопил, в полночь я отправился в путь.

Здесь семантика быстрой смены событий передается последлогом *орта* 'как только'.

Төрзэн бизик чок бол=ган ужун, моол бизик ажыглап турган (Тыва дыл, 165). — Так как были бесписьменными (букв.: не имели родной письменности), пользовались монгольской графикой.

Причинная семантика передается с помощью сочетания предиката *чок* 'нет' и причастия прошедшего времени на =ган от глагола *бол=* 'быть' с последлогом *ужун* 'так как'.

Средства выражения субъекта в зависимой ПЕ. Формальное выражение зависимого субъекта и предиката имеет свои особенности в каждом языке. Некоторые языки допускают выражение характеристик субъекта дважды (в подлежащем и сказуемом), но не делают его обязательным (ср., например, в русском языке: 'я пиш=у' и 'пиш=у'). Другие языки не допускают такого двойного выражения субъекта (например японский) [Алпатов 1981, 68–69]. Отдельные же языки требуют обязательного выражения субъекта в подлежащем и сказуемом.

В языках алтайской типологической общности также отмечаются различные способы выражения субъекта в зависимой части СП. Так, например, для эвенкийского языка личное оформление зависимых сказуемых является регулярным и обязательным [Бродская 1977, 39]. В бурятском языке достаточно, если субъект зависимого действия будет выражен один раз: либо субъектным членом, либо аффиксом притяжения. При этом, если подлежащего ЗПЕ во фразе нет, то личное оформление зависимого сказуемого обязательно, если же оно есть, личное оформление зависимого сказуемого факультативно [Скрибник 1988, 27].

Специфика тувинского языка состоит именно в том, что предикат зависимой части в обстоятельственных ППК всегда имеет личное оформление: аффиксальное в 1-м и 2-м лице, а в 3-м лице, как правило, нулевое. Независимо от того, имеется ли во фразе отдельно выраженное подлежащее, субъект зависимого действия обязательно выражается личными аффиксами зависимого сказуемого или (в 3-м лице) их значимым отсутствием.

Силер чугаала=п тур=унар=да, корреспондент бижий шаап алыр (Тыва дыл, 167).— Когда вы будете говорить, корреспондент быстро запишет; *Мен отту=п кэ=эр=им=ге, өг ишти чырый берген турган* [СТ, 287].— Когда я проснулся, в юрте было светло.

В этих примерах субъект зависимого действия выражен дважды: формой личного местоимения 1-го лица =мен, 2-го лица =силер, аффиксами =им, =унар в составе зависимого предиката. Следует отметить, что личные местоимения 1-го и 2-го лица подлежащего факультативны.

Мөгелер девир=ир=ө=де, эзир ийикпе азы дас өттүндүр девир боор чүве болган (Ак-көк, 27).— Когда пляшут борцы (в национальной борьбе), ведь они танцуют, подражая либо орлу, либо грифу.

Здесь зависимый субъект выражен отдельной грамматической формой подлежащего мөгелер 'борцы' и, поскольку это 3-е л., у зависимого предиката нулевой показатель (ө).

Хээлиг боова көр=ген=им=де, ам-даа ол болган чорук сагыжымга бо-ла кире дүжүп келир-дир ийин (Ак-көк, 24).— Когда я вижу фигурную пова (пресную лепешку), все еще в голову приходит эта история.

Здесь грамматическое лицо выражено аффиксом 1-го лица ед. ч. =им. Это разносубъектная ППК.

В моносубъектных фразах подлежащее вообще может отсутствовать.

Кырган-авамнын суурунга кел=ген=им=де, оон ыды-биле ойнаарын-га ынак турган мен.— Когда я приезжал к бабушке в деревню, я любил играть с ее собакой.

Здесь субъект обоих действий выражен морфологическим показателем =им и аналитическим постпозитивным личным показателем мен 'я'.

До сих пор мы говорили о структурной организации конструкций синтетического (причастно-падежного) типа. Подчеркнем еще раз, что в этих конструкциях предикат ЗПЕ регулярно сочетается с подлежащим в прямом падеже и оформляется обязательным показателем грамматического лица. Это значит, что формы зависимого сказуемого спрягаются подобно тому, как спрягается финитная форма прошедшего времени на =ды, в парадигме которой 3-е лицо не имеет личного показателя.

Парадигма спряжения глагола в ПП

ед. ч.
1-е л. кел=ди=м 'я пришел'
2-е л. кел=ди=ң 'ты пришел'
3-е л. кел=ди=ө 'он пришел'

Парадигма спряжения глагола в ЗПЕ

ед. ч.
кел=ген=им=де
'когда=я=пришел'
кел=ген=иң=де
'когда=ты=пришел'
кел=ген=ө=де
'когда он пришел'

мн. ч.

1-е л. кел=ди=вис 'мы пришли'
2-е л. кел=ди=нер 'вы пришли'
3-е л. кел=ди=ө 'они пришли'

мн. ч.

кел=ген=ивис=те
'когда=мы=пришли'
кел=ген=инер=де
'когда=вы=пришли'
кел=ген=ө=де
'когда они пришли'

Яркая специфическая особенность тувинского языка состоит в том, что зависимое сказуемое регулярно оформляется аффиксами грамматического лица, т. е. спрягается. Понятие спряжения в традиционной лингвистике связано с представлением о глаголе и его изменении по лицам. В современных грамматических исследованиях границы этого термина расширились. В него включены такие аспекты глагольного словоизменения, как изменения по наклонениям и временам. Кроме того, понятие спряжения (парадигмы) перенесено из морфологической сферы в синтаксис простого предложения [Грамматика-70, 402, и др.]. В этом случае в качестве объекта спряжения может рассматриваться не только глагольное слово, но и все возглавляемое глаголом синтаксическое построение.

В контексте нашего исследования объектом спряжения целесообразно считать не форму глагола-сказуемого зависимой части, а ее структурный минимум — предикативный узел. Мы понимаем спряжение ЗПЕ как систему форм, объединенных тождеством семантики и противопоставленных друг другу в аспекте грамматического лица. Ср.: кел=ген=им=де 'когда=я=пришел'; кел=ген=иң=де 'когда=ты=пришел'; кел=ген=ө=де 'когда=он=пришел'.

Но спряжение ЗПЕ в аспекте грамматического лица не ограничивается соответствующим изменением словоформы зависимого сказуемого — в нем активно участвует и подлежащее. Поэтому мы принимаем в качестве объекта спряжения не инфинитивную форму сказуемого, а ее сочетание с формой, представляющей субъект названного глагольного формой действия или состояния.

Некоторые инфинитивные формы (например деепричастия), выступающие в роли предикативной вершины, в тувинском, как и в других тюркских языках (кроме якутского), личных аффиксов не принимают вообще. Они считаются неспрягаемыми, в отличие от многих бурятских, эвенкийских, нанайских деепричастий.

Однако конструкции с этими формами могут иметь собственный субъект, отличный от субъекта главного действия (разносубъектные конструкции), т. е. формировать собственный предикативный узел. Отсутствии собственного подлежащего при неспрягаемом деепричастии в

тувинском языке означает, что оно употреблено в ориентации на субъект главной ПЕ — моносубъектной конструкции.

Моносубъектные фразы могут строиться не только по моделям ППК с деепричастной зависимой частью. Спрягаемые причастные формы и формы косвенных наклонений — условного на *=са* и предельного на *=гыже*, выступая в качестве предикатов зависимой части моносубъектных ППК, получают те показатели лица, которые соответствуют субъекту главного действия. Это подлежащее оказывается, таким образом, общим для обеих частей.

Оглум чаи тур=ган=θ=да, дүне ыглаар чүве. — Когда мой сын был маленьким, (он) часто плакал по ночам; *Оглум шеригден чедит кел=ген=θ=де, кезек ажылдаан кижси.* — Когда мой сын вернулся из армии, (он) некоторое время работал.

Здесь общий субъект двух действий — 3-е лицо. Более интересны случаи, когда таким общим субъектом являются 1-е и 2-е лицо. В этих случаях сказуемое ЗПЕ может получать грамматические показатели соответствующего лица — 1-го или 2-го.

Көдээге чуртта=п тур=увус=та, бо-ла аннаар турган бис. — Когда мы жили в деревне, мы часто ходили на охоту.

Это МСК. Сказуемое зависимой ПЕ оформлено аффиксом 1-го лица мн. ч. *=увус* 'мы'.

Но сказуемое ЗПЕ может получать и нулевое личное оформление, по типу 3-го лица, и это воспринимается как показатель отнесенности данного действия к субъекту действия, выраженного сказуемым главной ПЕ.

Кремльче кир=ер=θ=де, Кызыл шөлдү тавартыр кирген бис (БХ, 8). — Когда (мы) шли в Кремль, мы прошли через Красную площадь.

Здесь сказуемое зависимой ПЕ имеет нулевое личное оформление. Ср. еще:

Сөөлү шылгалдам дужсаа=гыже=θ, кино безин барбайн турдум. — До тех пор пока (я) сдал последний экзамен, даже в кино я не ходил. *Ол номну уду=гуже=θ номчудум.* — Я читала эту книгу, пока не заснула=я.

Во фразах не временной семантики возможна третья модель оформления зависимого предиката — посессивным аффиксом 3-го грамматического лица *=ы*.

Мен самбынга санаар=ы=н=га үр өөрөнгөн мен. — Я долго учился считать на счетах.

Типы спряжения в тувинском языке разнообразны. Охарактеризуем коротко те признаки парадигм, по которым возможно их различие и взаимное противопоставление. Мы выделяем четыре таких взаимно противопоставленных признака, а именно:

1) наличие/отсутствие в парадигме спряжения притяжательного аффикса 3-го грамматического лица *=и/=ы*;

2) обязательность/факультативность оформления причастного компонента аналитической формы зависимого сказуемого аффиксом родительного падежа;

3) различие позиций личного показателя в словоформе зависимого сказуемого: его может принимать причастие или служебное имя;

4) падеж субъекта зависимой ПЕ: прямой (неопределенный)/родительный.

Рассмотрим на конкретных примерах принцип действия выделенных признаков.

Удумзура=й бэ=эр=им билек, эжиимни улус соктады. — Только-только я задремал, в дверь постучали.

Предикат зависимого ПЕ выражен сочетанием деепричастия на *=й* основного глагола и причастия настоящего времени на *=ар*, оформленного личным показателем *=им*, с послелогом *билек* 'как только'.

Силер бажындан үн=ер=иңер билек, күштүг чабс эгелээн. — Как только вы вышли из дома, пошел сильный дождь.

Здесь предикат ЗПЕ оформлен аффиксом 2-го лица мн.ч. *=иңер*.

Эртенги хүн барыын сыннар бажынга дээ=п кэ=эр=и билек, күске алгырган (СС, А, 14). — Как только лучи солнца коснулись вершины западных хребтов, мышь закричала.

В последнем примере предикат ЗПЕ, представленный причастно-послеложной конструкцией *Тv=ар=ы билек*, оформлен аффиксом 3-го лица *=ы*.

Особенность конструкции с послелогом *билек* состоит в том, что здесь, в отличие от рассмотренных выше причастно-падежных ППК, наблюдается последовательное оформление причастной формы в 3-м лице. Субъект зависимого действия представлен формами в прямом падеже: личным местоимением 2-го лица мн. ч. *силер* 'вы' и существительными *хүн* 'солнце' и *эртенги хүн* 'лучи солнца'.

Появление в парадигме спряжения этой конструкции аффикса 3-го лица посессивного типа отличает ее от парадигмы спряжения финитной формы на *=ды*. Мы выделяем ее в особый тип. Типы спряжения, таким образом, мы определяем в зависимости от того, получает ли причастие специальный показатель 3-го лица. В связи с этим охарактеризуем общее положение, существующее в тюркологии относительно личных аффиксов.

В тюркологической литературе различают два вида личных аффиксов финитных сказуемых: аффиксы «первой категории» (первого типа), восходящие к полной форме личных местоимений — *мен, сен*, и аффик-

сы «второй категории» (второго типа), которые происходят от притяжательных аффиксов [Серебренников, Гаджиева 1979, 154].

Показатели второго типа используются в спряжении прошедшего времени на =ды и условного наклонения, в парадигме которых 3-е лицо имеет нулевое оформление: *кел=зи=м=зе* 'если я пришел', *кел=зи=н=зе* 'если ты пришел', *кел=зе=ø* 'если он пришел'.

Наряду с такой парадигмой в тюркских языках Сибири встречается несколько иная парадигма, которую можно проиллюстрировать спряжением алтайской формы «незаконченного настоящего» времени индикатива [Дыренкова 1941, 197]:

ед. ч.	мн. ч.
1-е л. <i>мен бар=а=дыр=ым</i> 'я иду (туда)'	<i>бис бар=а=дыр=ыбыс</i>
2-е л. <i>сен бар=а=дыр=ың</i>	<i>слер бар=а=дыр=ыгар</i>
3-е л. <i>ол бар=а=дыр=ы</i>	<i>олор бар=а=дыр=ы</i>

Как видим, в парадигме лично-предикативного спряжения используется тот тип личного оформления, который характерен для имени в роли второго члена изафетного сочетания — оформление притяжательным аффиксом, в частности, маркирование 3-го лица аффиксом =и/=ы.

Таким образом, аффиксы, материально тождественные притяжательным, используются и в спряжении финитных глаголов. Притяжательные аффиксы не считаются предикативными, но тем не менее они довольно активно «проникают» в систему спряжения.

Характерной чертой финитного типа спряжения является, по нашему мнению, нулевое оформление 3-го лица. Поэтому, если в парадигме спряжения отсутствует специальный показатель 3-го грамматического лица, мы говорим о лично-финитном типе спряжения: *кел=ген=им соонда* 'после того как я пришел', *кел=ген=иң соонда* 'после того как ты пришел', *кел=ген=ø соонда* 'после того как он пришел'. Объект спряжения здесь — инфинитная, причастно-последложная форма, но тип спряжения — лично-финитный.

Если же причастие получает показатель 3-го грамматического лица, мы говорим о притяжательном типе спряжения: *кел=ир=им билек* 'как только я приду', *кел=ир=иң билек* 'как только ты придешь', *кел=ир=и билек* 'как только он придет'.

Почти все причастно-падежные конструкции темпоральной семантики имеют парадигму спряжения лично-финитного типа. По этому же типу могут спрягаться конструкции со служебными именами. Последовательно парадигму спряжения притяжательного типа реализует одна временная конструкция с послелогом *билек*. Единичные случаи оформ-

ления в 3-м лице по притяжательному типу спряжения отмечены с послелогом *бээр* и *чедир*.

Заслуживают внимания некоторые особенности спряжения ЗПЕ в конструкциях, где предикат ЗПЕ выражен формами причастия в сочетании со служебными именами. Спряжение таких ЗПЕ может осуществляться как по финитному, так и по притяжательному типу. Остановимся на них подробнее.

Предикативный узел ЗПЕ в конструкциях этого типа организован по принципу изафета. Традиционно изафет трактуется в тюркологии как форма именного притяжательно-определяющего сочетания. Основным значением изафетной конструкции признается выражение отношений принадлежности, которые связывают субъект обладания, названный в первой линейной позиции, и объект обладания — линейно второе имя. Например: *Мэң холум* 'моя рука', *оол=дуң тон=у* 'пальто парня'. В этом примере первое имя стоит в форме родительного падежа, второе оформлено показателями грамматического лица субъекта обладания: =ым — 1-е лицо, =ы — 3-е лицо. Конструкцию этого типа {N₂ + N //} тюркологи называют 3-м изафетом, в противопоставление 2-му изафету — без генитивного оформления первого имени.

Существенно, что отношения, выражаемые изафетными конструкциями, могут связывать и связывают не только слова, называющие обладателя и предмет обладания. Этим способом выражаются также многие другие содержательные отношения: части и целого, отношения людей по родству, свойству, подчиненности; отношения между предметно-мыслимым свойством и его носителем (например, *ием=ниң эргим=и* 'доброта матери=моей'), а также отношения исполнителя действия или носителя состояния и того действия, которое он исполняет, или состояния, которое он испытывает (ср. семантическую характеристику отношений «отражения» на материале тунгусо-маньчжурских языков в работе В. А. Аврорина [Аврорин 1960, 31–92]; термин «отражение» соответствует тюркологическому термину «изафет»).

Приведем некоторые примеры подобных отношений, выраженных двумя именами: *кадарчы=ның өлүм=у* 'смерть пастуха'; *уруг=нуң төрүттүн=ген=и* 'рождение ребенка'; *мөггелер=ниң хүреж=и* 'борьба борцов' и др.

В случае, когда притяжательные отношения связывают слова, называющие действие и его исполнителя, семантика именного притяжательного сочетания вплотную смыкается с семантикой предикативного узла. Первый член изафета выражает грамматический субъект, второй член — действительный признак, приписываемый субъекту-носителю. Сочета-

ние типа 'смерть пастуха' трудно интерпретировать иначе, чем тот факт, что пастух умер (умирает, умрет; может, должен умереть).

В сфере полипредикативного синтаксиса мы сталкиваемся со специфическими грамматическими ситуациями. Во-первых, по изафетной схеме оформляется ПУ именно зависимой части. В этом случае позицию первого члена сочетания занимает субъект действия или состояния, позицию второго — глагольная причастная форма, обозначающая действие или состояние. Эта форма сохраняет модально-временное, аспектуальное, залоговое значение, а с помощью личных показателей передает и значение грамматического лица. Таким образом, изафетная схема используется для организации ПУ зависимой части.

Вторая специфическая ситуация связана с тем, что форму изафета принимает сочетание причастия со служебным именем. В этом случае схема изафетного сочетания используется для выражения формальных отношений не между субъектом и предикатом, не между именами субъекта обладания и объекта обладания и даже не между определением и определяемым. Здесь перед нами один член предложения, и изафетная схема используется для выражения формальных отношений между компонентами аналитической формы этого члена предложения — сказуемого зависимой части.

Ынча дэ=эн=им=ниц соо=н=да, бистерже изиг суг чашкан чүве дег, чадырныц бир чарыныче халыжа берген бис (СТ, 44).— После того как=я=сказал (букв.: сказывания=моего после=него), нас словно ошпарили, в другой угол юрты отскочили мы.

Здесь *ынча дэ=эн=им=ниц*, 'так сказал=я' (букв.: 'того, что так сказал=я'), соответствует первому члену изафетной конструкции. Только выражен этот член не именем существительным, а зависимой предикативной формой (основа глагола *де=* в форме прошедшего времени на *=ган* (*дээн* ← *де=ген*)) с посессивным аффиксом 1-го лица *=им* и с аффиксом родительного падежа *=ниц*. Первый член изафета, выраженный такой предикативной формой, представляет не предмет, не лицо, а событие, после которого совершилось действие: 'того, что сказал=я' — в конце его.

Формально-грамматически вся эта морфолого-синтаксическая конструкция выступает определением к существительному *сон* 'конец' (служебное имя *соо=н=да*). Служебное имя имеет притяжательный аффикс 3-го лица, который выражает соотносительность служебного имени с причастием как вершиной целой предикативной конструкции, выступающей как имя события. Кроме притяжательного аффикса, служебное имя получает показатель местного падежа, который выражает подчинение всего предшествующего целого следующей далее ПЕ.

Мен силер чору=ур=унар=нын мурн=ун=да, ынаар чеде бээр мен.— Я прежде того как вы уедете, приду туда.

Здесь первый член изафета выражен зависимой ПЕ: *силер чору=ур=унар=нын* 'того, что вы уедете'. Субъект зависимого действия выражен формой личного местоимения 2-го лица мн. ч. *силер* — в прямом падеже. Служебное имя *мурнунда* соотносено с данной ЗПЕ как с именем факта, события. На факт этой соотносительности указывает посессивный аффикс 3-го лица *=ун* в составе служебного имени.

В тувинском языке эти конструкции (аналитические формы зависимых сказуемых) регулярно сочетаются с подлежащим в прямом падеже. Родительный падеж подлежащего ЗПЕ здесь принципиально возможен, но встречается редко.

Формы сказуемых ЗПЕ в этих конструкциях оформляются обязательными показателями грамматического лица, материально тождественными посессивным аффиксам, т. е. спрягаются. Показатель грамматического лица может занимать разную позицию в словоформе зависимого сказуемого: им оформляется либо причастный компонент, либо служебное имя.

Если показатели лица принимает на себя причастие, то послелог имеет нулевое личное оформление, например: *алгырынт=ар=ым орта* 'как только я закричал', — где *=ым* при причастном предикате — показатель 1-го лица.

Если показатели лица принимает на себя служебное имя, то возможны два варианта: причастие может не иметь показателя лица, например: *кел=ген=θ соо=м=да* 'после того как я пришел'. Второй вариант — когда причастие получает оформление аффиксами 1-го и 2-го лица, а служебное имя имеет показатель 3-го лица: *кел=ур=им мурн=у=н=да* 'прежде чем я приду'.

С нашей точки зрения, существенно, какую падежную форму принимает причастный компонент (зависимая ПЕ) перед служебным именем, т. е. снабжается ли он показателем родительного падежа: *кел=ген=и=ниц соо=н=да* — с родительным падежом причастия (схема «3-го изафета»), формула: {Tv=прч/!=ниц ↔ N/!=да} и *кел=ген=им=θ соонда* — без показателя родительного падежа (схема «2-го изафета»), формула: {Tv=прч/!=θ ↔ N/!=да}.

Сказанное представим как исчисление возможностей, воспользовавшись шестнадцатиклеточной решеткой Вейтца [Арнольд 1966, 104].

Таблица 1.

Возможные модели спряжения ЗПЕ

Тип спряж.	Притяжательный тип спряжения		Лично-финитный тип спряжения		S^2
$P^2_{=им}$	+	-	-	-	$S^2_{=0}$
	*	-	-	-	$S^2_{=им}$
$P^2_{=0}$	*	*	*	*	
	+	+	+	+	$S^2_{=0}$
	// причастие	// служебное имя	// причастие		

Символы и обозначения:

$P^2_{=0}$ — сказуемое ЗПЕ (причастие) в неопределенном (нулевом) падеже,

$P^2_{=им}$ — сказуемое ЗПЕ (причастие) в родительном падеже,

$S^2_{=0}$ — субъект ЗПЕ в неопределенном падеже,

$S^2_{=им}$ — субъект ЗПЕ в родительном падеже,

Знак + маркирует наличие моделей данного типа спряжения,

Знак * означает редкое употребление моделей данного типа спряжения,

Знак — показывает, что такие модели не встречены,

// причастие — показатели грамматического лица принимает причастие,

// служебное имя — показатели грамматического лица принимает служебное имя,

Знак // маркирует притяжательный тип спряжения ЗПЕ.

3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРЕДИКАТИВНЫМИ ЕДИНИЦАМИ

Части сложноподчиненного предложения (предикативные единицы) в тувинском языке связываются преимущественно теми же самыми способами, которыми связываются слова — члены простого предложения.

Связь между предикативными частями сложных предложений бывает подчинительной или сочинительной.

Подчинительные связи (подчинение) — это ведущий тип синтаксических связей между компонентами предложения. Подчинение имеет место между членами словосочетания и вне словосочетания — в составе как простого, так и осложненного и сложного (полипредикативного) предложений. Подчинение — это зависимость, направленная в одну сторону: один из двух компонентов господствует, другой подчиняется, в частности, принимая определенную форму или занимая определенную позицию, чем выражает свое подчиненное положение. В составе словосочетания подчиняющий компонент независим, но в составе предложения он сам может зависеть от какого-то третьего компонента.

Подчинительные связи в тувинском языке представлены двумя основными типами: управлением и примыканием. Согласования как подчинительной связи в тувинском языке нет. Оно представлено лишь как один из аспектов двусторонней связи между подлежащим и сказуемым, но это уже не подчинение, а координация. Двусторонний характер имеет и связь, называемая изафетом.

Управление. В сложноподчиненном предложении отношения управления часто связывают главную часть с придаточной. Управление может быть обязательным и непредсказуемым, если придаточная часть, ее именное или причастное сказуемое, принимает аффиксы того падежа, которого требует сказуемое главной части. Такие отношения наблюдаются в сложных предложениях изъяснительного типа, в главной части которых выступают предикаты определенных лексико-семантических групп. Это, во-первых, глаголы с семантикой оперирования информацией: получения информации, ее хранения, передачи другим лицам, потери ('узнавать', 'спрашивать', 'знать', 'помнить', 'сообщать', 'забывать' и т. п.), которые требуют оформления придаточной части винительным падежом.

Харымның каржы болганым билеп ордум (Суван, 49). — Я знал, что мой ответ был резким (жестоким).

Во-вторых, это эмотивные глаголы типа 'радоваться', 'завидовать', 'тосковать', требующие дательного падежа, и типа 'брезговать', 'стыдиться' и др., требующие исходного падежа.

Багай кеттинип алганымдан оол ыядып турган. — Мальчик стеснялся того, что он плохо одет.

В-третьих, это предикаты, требующие от первой части притяжательного оформления — в соответствии с ролью подлежащего, которую выполняет эта предикативная единица, получающая нулевое падежное оформление.

Чурум дугайында чугалажып турарымыс кончуг-ла четтүг-дүр (УТЯ, 129). — Очень справедливо, что мы говорим о дисциплине (букв.: мы говорим о дисциплине (то), очень справедливо. *Тараа быжарымыс элек* (ТРС, 611). — Еще рано для созревания хлебов (букв.: хлеба созревают (то), еще рано).

Формы дательного, местного, исходного падежей зависимой части также широко используются в тувинском языке для передачи обстоятельственных значений, чаще всего временных и причинных, а в сочетании с послелогами — и целого ряда других.

Дательный причины:

Оон ыңай хары келбеске, мен база-ла ыттавайн бардым. — Так как затем ответа не последовало, я тоже замолчал.

Условия:

А шак ынчалдыр кызып как=пас=ка, хырның кажсан-даа тотпас болгай (СС, А, 49).— А вот когда (если) так не постараться, живот твой никогда не насытится ведь.

Как управление мы рассматриваем и синтаксическую связь между формантом *-биле* и глагольно-именной формой с посессивным аффиксом. Так, например, оформляется сказуемое зависимой предикативной единицы в ППК обусловленности:

1) причинная семантика

Оолдуг бол=ган=ын-биле байыр чедирип тур мен.— Поздравляю тебя с тем, что у тебя родился сын.

Мен корт=кан=ым-биле алгырыпкаш, адыгның холун салыптым (О. Сегленмей, «Аңчы», 48).— Я, вскрикнув оттого, что испугалась, отпустила лапу (букв.: руку) медведя.

2) целевая семантика

Биске дузала=ар=ы-биле келгеннер (ГТЯ, 438).— Они пришли, чтобы нам помочь.

«Ам хоржок эвесе он» деп бодааш, чору=ур=у-биле эргиле бергенimde, соомда Идам-Сүрүңнүн үнү дыңдалы-дыр (СТ, А, 105).— «Сейчас, наверно, нельзя» — подумал я, (и) когда повернулся, с тем чтобы уйти, услышал за собой голос Идам Сюрюна.

Посессивный аффикс причастия уже не позволяет говорить, что данная словоформа выступает «в форме основы» — она выступает в той форме, которой требует от нее в данной конструкции *-биле*.

Примыкание. Примыкание как формальный способ подчинения используется в ППК для присоединения придаточного определительного к определяемому им слову в составе главного предложения.

Ооң кадар=ган=ө чылгызы база хорамча чок, онча-менди болуп келген (МК, «Т.ч.ы.», 5).— Табуны, которые он пас, также были без убытка, в полной сохранности.

Эмчиниң айты=п бер=ген=ө мергежилгелерин дүн-хүн-даа дивейн кылырынга Булат белен болду (Суван, 33).— Те упражнения, которые врач показал, Булат каждый день был готов делать.

Такому морфологическому (синтетическому) подчинению Е. И. Убрятова противопоставила аналитическую, союзную связь, которую она оценила как сочинение (независимо от смысла СП) [Убрятова 1976, 274].

Следует сказать о порядке расположения частей ППК в тувинском языке.

В синтетических ППК зависимая часть предшествует главной. Сказуемое в каждой части занимает конечную позицию. Функции подчини-

тельных союзов выполняются падежными аффиксами, послелогоми и служебными именами, замыкающими придаточное предложение.

В определительных ППК зависимая ПЕ может предшествовать главной ПЕ, может располагаться внутри главной ПЕ.

Позицию внутри главной ПЕ занимают некоторые типы ППК со скрепой *ден*.

В аналитических ППК темпоральной семантики зависимая ПЕ предшествует главной ПЕ. Союз *кажсан* 'когда' ставится в начале придаточного предложения.

В ППК обусловленности (причина, следствие) зависимая ПЕ следует за главной ПЕ. Союзы (*чуге дизе, чуге дээрге* 'если сказать, почему, то', *ынчангаш* 'поэтому') ставятся в начале придаточного предложения.

В условных ППК союз *бир эвес* ставится в начале зависимой ПЕ, предшествующей главной ПЕ.

Причастное предикативное склонение. Грамматический механизм, который определяет возможности использования падежей при конструировании сложных (полипредикативных) предложений разных структурных и функциональных типов, называем вслед за Е. И. Убрятовой «причастным предикативным склонением»: предикативная единица выражает свое зависимое положение при помощи падежных аффиксов, которые присоединяются к определенным глагольным формам. О «склонении» предложений писали давно: Н. И. Фельдман, которая развила точку зрения Н. И. Конрада о склонении предложений в японском языке [1952]; Яковлев [1948], в тувинском (уряняхском) — Н. Ф. Катанов [1903]. Н. Ф. Катанов отмечал, что «для обозначения в придаточном предложении времени такого действия или состояния, которое происходит одновременно с действием главного предложения или незадолго до них, сказуемое придаточного предложения (по обращении в склоняемую форму) ставится в местном падеже или получает за собой слово *шагда* 'в то время, когда'» [Катанов 1903, 923].

Е. И. Убрятова отмечала, что склонение причастий — особый механизм, отличный от склонения существительных [1976, 102–142]; она указала на индивидуальный характер сочетаемости каждого причастия с падежными аффиксами и семантическую специфику причастных форм.

Эта проблема исследовалась в работах М. И. Черемисиной [Черемисина 1981, 14], в коллективных монографиях «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» [1984] и «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986].

Среди конструкций причастного предикативного склонения выделяются две подсистемы: с управляемыми и неуправляемыми (обстоя-

тельственными) ПЕ. В управляемых сказуемое ЗПЕ принимает форму того падежа, которого требует управляющее слово и занимает обязательную, актантную позицию при нем. Главная часть без зависимой становится недостаточной: в ней находится сильноуправляющий предикат, валентность которого в рамках главной предикативной единицы (ГПЕ) не замещена.

Способностью управлять предикативными единицами обладают предикаты определенных семантических групп. Сложные предложения, придаточная часть которых выступает в роли подлежащего, дополнения, сказуемого, определения, устроены иначе, чем сложные предложения обстоятельственного типа. В них придаточная часть относится к одному слову в главной части, распространяя или конкретизируя его. Это нерасчлененные сложные предложения.

Нерасчлененные СП представлены двумя крупными типами. Один тип составляют предложения с управляющими актантами, другой — предложения с определительными отношениями.

Предикативные отношения между подлежащим и сказуемым зависимой части выражаются с помощью личных показателей сказуемого, координированных в лице с подлежащим. В этой роли выступают две системы показателей: те, которые используются и при спряжении финитных глаголов, и те, которые используются для выражения посессивных отношений.

В синтетических полипредикативных конструкциях (присловных) сказуемое ЗПЕ получает личное оформление с помощью притяжательных аффиксов. Оно строго обязательно в составе предикативных актантов: здесь аффиксами снабжаются все личные формы, включая 3-е л. Субъект в составе предикативных актантов закономерно принимает форму родительного падежа.

Формальный аппарат исследования. В работе применяется формальный аппарат описания моделей ППК, представленный в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986].

Символы словоформ:

N — существительное, V — глагол, Adv — прилагательное, T_v — основа глагола, T_N — основа существительного и т. д.

Падежи существительных и предикативных причастий и прилагательных обозначаются аффиксами или цифрами. Символ «пад.» обозначает падежный показатель:

- (1) =*o* — именительный (основной),
- (2) =*nyц* — родительный,
- (3) =*ga* — дательный,

- (4) =*ny* — винительный,
 - (5) =*da* — местный,
 - (6) =*dan* — исходный,
 - (7) =*bile* — творительный,
 - (8) =*че* — направительный,
- N_i — любой (некоторый) падеж.

Вариативность падежных форм в рамках модели выражается дефисом: N₁₋₂ — допустимые форм родительного падежа при обычности неопределенного, N₂₋₁ — наоборот.

Символы форм глагола:

- T_v=fin — финитная форма глагола;
 прч — причастие; конкретные формы: T_v=ган, T_v=ар и т. д.;
 дпр — деепричастие; конкретные формы: T_v=гаш, =пайн и др.

Позиция личных аффиксов в словоформе глагола — //, притяжательных — //!.

Запись T_v=прч//=пад обозначает, таким образом, причастную словоформу с личными показателями.

Запись T_v=ган//=да обозначает определенную причастно-падежную форму, способную принимать личные аффиксы.

Знак = используется для морфемного разбиения словоформ в тех случаях, когда это необходимо для целей анализа; нерасчлененность начальной части словоформы не означает ее нечленимость.

Символом □ обозначается закономерно опускаемая по требованиям конструкции синтаксическая позиция.

Связи между словоформами или ПЕ передаются следующими символами: ↔ — координация, ← — управление, ⇔ — изафет, ⇒ — согласование. Знак примыкания ~ ставится лишь в тех случаях, когда мы хотим обратить особое внимание на этот способ связи, в остальных случаях используется простое соположение единиц.

Во многих случаях при описании модели необходимы семантические уточнители ее компонентов, например, N_{вин}^S — имя в винительном падеже со значением субъекта действия, V^{он} — глагол оперирования информацией, L^{он} — лексема с оценочным значением, независимо от частеречной принадлежности. Семантические символы пишутся надстрочно в отличие от подстрочных грамматических, ср.: V^{кауз.} — глагол с элементом каузативности в семантике, V_{кауз.} — глагол в форме каузативного (побудительного) залога.

Приведем для примера формальную запись одной из моделей:

$$[(N_2=) \leftrightarrow T_v=прч=//!=_{вин}] + (N_1= \leftrightarrow V_{фин}^{он}).$$

Здесь ЗПЕ имеет форму винительного падежа, которой управляет глагол оперирования информацией в главной части. Форма зависимого сказуемого — любое из причастий с аффиксом притяжения и показателем винительного падежа. В модели возможно собственное подлежащее в форме родительного падежа, что обусловлено его зависимым статусом. Однако действие ЗПЕ может принадлежать и субъекту управляющего глагола, поэтому символ подлежащего — имя в определенной падежной форме, связанное с глагольной формой отношениями координации, — взят в круглые скобки, обозначающие, что в данной формуле обобщены моносубъектный и разносубъектный варианты модели.

Символы синтаксических конструкций: ПЕ — предикативная единица, ППК — полипредикативная конструкция, ГПЕ — главная предикативная единица, ЗПЕ — зависимая предикативная единица.

Семантические символы: S — субъект, Ob — объект, ОИ — оперирование информацией, ЭМ. — эмотивная семантика, ОЦ. — оценочная семантика.

Глава 2.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

1. ОБОБЩЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Основным грамматическим значением сложного предложения является синтаксическое отношение между составляющими его предикативными единицами, отражающее отношение между событиями, которые описываются этими ПЕ. Синтаксические отношения между ПЕ выражаются разными средствами связи. В русском языке главным выразителем отношений между частями сложного предложения является союз. Союзной связи противостоит бессоюзная связь, которая выражается отсутствием союза; в этом случае отношения между событиями выражаются в устной речи интонацией, на письме — выбором определенных пунктуационных знаков: двоеточие, тире, запятая.

Русские союзы делятся на подчинительные (их большинство) и сочинительные. В соответствии с этим сложные предложения делятся на сложноподчиненные и сложносочиненные. По характеру выражаемых отношений сложносочиненные сравнительно четко противопоставляются сложноподчиненным. В составе сложноподчиненных одна из частей материально тождественна простому предложению и осознается как главная, тогда как другая включает в себя средство связи — союз, маркирующий ее как зависимую. Во всем остальном зависимая часть строится так же, как и простое предложение, содержит в себе те же компоненты, которые возможны в простом предложении.

В тувинском, как и в других алтайских языках, положение совершенно иное. Здесь как раз использование союзов сведено к минимуму. Относительно широко используются только простейшие сочинительные союзы: *база*, *болгаиш* — соединительные союзы, соответствующие русскому 'и', противительный союз *харын*, соответствующий русскому 'но', разделительный *азы* — 'или'. Подчинительных союзов почти нет. Но идет процесс их формирования на базе межфразовых скреп, восходящих к падежным и падежно-последовательным формам местоимений: *чүге дизе* 'потому что', *бир эвес* 'если', *оон ужун* 'потому', *оон бээр* 'с тех пор', *оон соонда* 'после того', *харын-даа* 'но' и т. п.

Главным средством выражения связи частей в сложноподчиненном предложении в тувинском языке является использование в качестве сказуемого зависимой части инфинитивных глагольных форм, то есть прежде

всего причастий и деепричастий. Особо важную роль в этой системе играет специфический грамматический механизм (аппарат) зависимой предикации.

Главная суть зависимой предикации состоит в том, что сказуемое зависимой части принимает здесь определенную инфинитную форму, в которой глагол не может быть сказуемым главной части. Этот признак является внутренним, неотъемлемым признаком, органической характеристикой именно зависимой части сложного предложения. Такая маркированная форма сказуемого делает избыточным, ненужным использование «внешних» показателей типа союзов [Черемисина 1979, 24].

Выполняя, подобно русским союзам, формальную роль показателей «непростоты» предложения, инфинитные формы глаголов в тувинском языке выполняют и функцию семантических маркеров, определяя структурно-семантический тип зависимой части и всего сложного предложения в целом. Каждая инфинитная форма глагола имеет собственную грамматическую семантику, свой круг значений, обладая способностью выражать темпоральные, причинные, целевые, условные, уступительные, заместительные, компаративные и некоторые другие отношения между частями.

Основное ядро сложных предложений в тувинском языке составляют такие предложения, в которых сказуемое зависимой части выступает в причастных формах. Это, с одной стороны, придаточные определительные, примыкающие к определяемому существительному в составе главной части. В составе этих конструкций причастные сказуемые зависимой части выступают в неизменяемых, неспрягаемых формах. С другой стороны, причастные зависимые сказуемые (сказуемые ЗПЕ) представлены в широком круге конструкций, изъяснительных и обстоятельного типа, где они выступают в формах предикативного лично-притяжательного склонения, принимая показатели и падежа, и лица.

Формы предикативных причастий нередко сопровождаются послелогами, уточняющими или изменяющими семантику самих падежных форм, и служебными именами, которые требуют от причастий либо родительного падежа (которого в простом предложении они требуют от существительных, сочетаясь с ними по схеме «3-го изафета»), либо не требуя падежного оформления.

Косвенно-падежное, послеложно-падежное или послеложное оформление, которое принимает на себя сказуемое зависимой части, относится ко всей зависимой предикативной единице. Разные падежные и падежно-послеложные формы выражают разные отношения ЗПЕ к главной части.

Таким образом, в структурном отношении сложное предложение тувинского языка отличается от русского сложного предложения. Задача исследования состоит в том, чтобы осмыслить эту специфику и выявить все типы форм, участвующие в выражении отношений, передаваемых сложными предложениями тувинского языка.

В лингвистических описаниях все сложные предложения принято делить на «присловные», которые характеризуются тем, что зависимая предикативная единица распространяет собою одно какое-то слово в составе главной части, и двучленные, в составе которых зависимая ПЕ соотносится со всей главной частью как с единым целым [Грамматика-70, 694].

Присловные предложения, в свою очередь, делятся на два типа, в соответствии с тем, что представляет собою то слово в составе главной части, которому подчиняется ЗПЕ.

1. Это может быть любое существительное в составе предложения, нуждающееся в определении: подлежащее, дополнение, обстоятельство или определение, — а также именной компонент именного сказуемого, к которому относится определяющая его предикативная единица. Определение, выраженное предикативной единицей, как и выраженное существительным, может либо примыкать к определяемому имени, либо сочетаться с ним по принципу изафета.

Примыкающая ЗПЕ не принимает никаких грамматических показателей и не требует таковых от компонентов зависимой части. Изафетное определение может принимать или не принимать аффикс родительного падежа, требуя от определяемого имени посессивного оформления (в 3-м лице).

2. Это может быть сказуемое главной части, которое управляет ЗПЕ. В этом случае ЗПЕ выполняет синтаксическую функцию актанта, т. е. обязательного дополнения (прямого или косвенного) или подлежащего. Сложные предложения этого типа строятся по моделям простых предложений, но роль одного из актантов выполняется предикативной единицей.

Отношения, связывающие части сложных предложений этой конструкции, называются изъяснительными: зависимая часть изъясняет содержание той психической деятельности, о совершении которой говорит главная часть [Черемисина, Колосова 1987, 66]: что я знаю? чему рад? чего я боюсь? Сложные предложения, выражающие эти отношения, называются изъяснительными.

К числу изъяснительных сложных предложений относятся и конструкции, которые строятся по особой модели с аналитической скрепой, этимологически представляющей собою деепричастие глагола говорения (*den*). Эта скрепа формирует несколько типов изъяснительных

сложных предложений, сказуемое главной части которых имеет семантику мысли, речи или чувства, объектом которого является событие, названное зависимой частью, вводимой этим служебным словом. В русском языке его аналогом является частица 'мол'.

Изъяснительные отношения формально и содержательно противостоят отношениям обстоятельственного характера, которые выражаются сложными предложениями нерасчлененной структуры.

В составе изъяснительных сложных конструкций зависимая предикативная часть структурно необходима, поскольку она занимает позицию обязательного актанта. Он отвечает сильной валентности управляющего глагола. В составе же нерасчлененных сложных предложений ЗПЕ выполняет роль сирконстанта, то есть формально необязательного предикативного обстоятельства.

2. СЛОЖНОСПАЯННЫЕ «ОДНОЧЛЕННЫЕ» ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИСЛОВНОЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТЬЮ

Присловные предложения представлены, с одной стороны, изъяснительными, с другой — определительными ППК. Объединяет эти конструкции структурно-семантическая недостаточность придаточной части. Различаются названные конструкции функцией придаточной части в составе СП: актантная функция управляемой изъясняющей части и функция определения к одному из именных компонентов главного предложения.

2.1. Структурные типы

изъяснительных полипредикативных предложений

Изъяснительными называются такие сложные предложения, главная и придаточная части которых связаны изъяснительными отношениями. Содержательная специфика изъяснительных отношений состоит в том, что предикативные единицы, связанные таким образом, принадлежат разным уровням рефлексии: придаточная часть представляет какое-то событие действительности, а главная часть выражает какую-либо психическую операцию — восприятие, мысль, чувство, эмоциональное отношение или оценку, направленную на событие действительности, представленное зависимой, придаточной частью.

Изъяснительное предложение отличается от сложных предложений других типов тем, что две его части, главная и придаточная, по-разному соотносятся с действительностью. Придаточная часть просто отображает некоторое событие действительности.

Этот особый, специфический характер отношений между конституирующими компонентами изъяснительных конструкций во всех язы-

ках отличает изъяснительные конструкции предложения от предложений всех других типов.

Смысловое содержание предложения или предикативной части в составе сложного называют термином «пропозиция». Пропозиция придаточного, отражающая события действительности, называется диктумной, а пропозиция главной части, отражающая обработку представления об этом событии сознанием, называется модусной [Арупонова 1988, 101–199].

Главная часть изъяснительных предложений всегда передает субъективное восприятие человеком событий объективной действительности, «обработку» объективной информации человеческим сознанием. Поэтому модусные пропозиции, соответствующие главной части сложного изъяснительного предложения, не могут существовать в форме самостоятельных простых предложений. Предложения типа: *мен уттум* 'я забыл' возможны только в диалоге, в ситуации, когда собеседникам известно, о чем идет речь: 'что я забыл, что всем ясно'.

Придаточная часть изъясняет, т. е. делает ясным, понятным содержание главной. Поэтому такие отношения между частями и называются изъяснительными. Придаточное изъяснительное непосредственно подчиняется сказуемому главной части, выступая при нем в качестве обязательного сильно управляемого предикативного дополнения, прямого или косвенного, или предикативного подлежащего. В соответствии с этим оно оформляется показателями падежей винительного, дательного или исходного, которые принимает на себя сказуемое придаточного. Структурная формула таких ППК:

$$\{(N_{1/2} \leftrightarrow Tv = \text{прч} = /!) = \text{пад}\} + (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}}^{\text{уп}})$$

Силер=нид чор=ба=ан=ынар=га, мен дыка өөрүп тур мен. — Вы еще не уехали=тому, я очень рад.

Сээн эрте чоруй барган=ың=га, бие хомудан арттывыс. — Ты рано ушел=тому, мы жалели.

Формула первой ППК: $\{(N_2 \leftrightarrow Tv = \text{ба} = \text{ан} / \text{=} \text{ынар} /) = \text{га}\} (N_1 \leftrightarrow V^{\text{уп}})$.

Формула второй — $\{(N_2 \leftrightarrow Tv = \text{й} V = \text{ган} / \text{=} \text{ың} /) = \text{га}\} (N_1 \leftrightarrow V^{\text{уп}})$.

Выполняя роль предикативного подлежащего, придаточное не принимает падежного аффикса; соответствующее падежное значение передается отсутствием падежного показателя. Финитный глагол — глагол оперирования информацией или эмотивный глагол, имеющий залоговый показатель (voice — 'залог'):

$$\{(N_1 \leftrightarrow Tv = \text{прч.} = /!) = \emptyset\}, (N_3 \leftrightarrow V_{\text{voice}}^{\text{он}})$$

Чась дамдыларынын дүжүп тур=ар=ы тода дынна=л=ып тур. — Было ясно слышно (то), как падают капли дождя.

Формула подлежащих ППК с именным финитным сказуемым:

{{(N₁ ↔ Tv=прч.≠!/)=θ}, (N₃ ↔ L^{оп})}

Аалчыларнын кээп тур=ар=ы эки. — Гости приходят, (то) хорошо.

Словоформа зависимого сказуемого в подлежащих ППК заканчивается притяжательным аффиксом, который передает грамматическое значение лица производителя действия.

В дальнейшем изложении мы не будем приводить формулы моделей полностью, ограничиваясь структурой их конструктивного центра — зависимого сказуемого.

Для модусных пропозиций, получающих выражение в составе сложных предложений, где придаточное выступает в позиции дополнения, общим является личный характер субъекта: только человек способен выражать свои мысли и чувства в языковой форме. Следовательно, в позиции подлежащего в таких предложениях выступают местоимения, чаще всего личные, но иногда других типов. Личные местоимения-подлежащие 1-го и 2-го лица могут опускаться, поскольку эти значения четко выражаются личными формами сказуемого.

Мурнунда адыгжыгаиштан курт=кан=ым=ны аңаа чугаалапкан кижси болгай мен (Сынак, 60). — Я ведь рассказал ему о том, что очень испугался первого медвежонка.

Здесь нет отдельно выраженного подлежащего.

Подлежащие могут выражаться и существительными, называющими людей как именами собственными, так и нарицательными (терминами родства, половозрастными именованями, названиями профессий, родов занятий и др.).

Оолдуң ада-иези кениниң кажсан кел=ир=ин билит анкаш, арага-хымызын, аьжын-чемин белеткеп эгелээр (К-Л, ТЧБУ, 26). — Родители парня, узнав, когда невеста приедет, начнут готовить еду, араку.

Кускуннарны «тывалаар» деп чүвени огду адазындан билит алган (СС, ТК, 220). — Сын от отца узнал от том, что, мол, вороны «говорят» по-тувински.

Модусные пропозиции, выражаемые главной частью изъяснительных сложных предложений, противопоставлены друг другу и семантически, и формально. Пропозиции интеллектуального оперирования информацией противостоят пропозициям эмоционального отношения к этому событию, а те и другие вместе — оценочным пропозициям. Каждый из этих трех типов представлен более частными группами значений.

В тувинском языке содержательному своеобразие изъяснительных конструкций соответствуют и яркие особенности их формальной организации. Характер модусного предиката предопределяет не только семантическое своеобразие разных изъяснительных сложных предложений, но и соответствующие семантическим типам структурные модели

конструкций. С этой точки зрения прежде всего важна синтаксическая форма зависимой части и передаваемый ею специфический характер формальной связи частей.

Конструктивной вершиной изъяснительной полипредикативной конструкции в целом является ее конечное сказуемое. В этой роли выступают глаголы определенных лексико-семантических групп. Конечными предикатами могут быть также прилагательные и устойчивые обороты, выражающие разного рода оценки, выносимые под разными углами зрения.

В соответствии с формально-семантическими типами предикатов различаются и взаимно противопоставленные формально-семантические типы изъяснительных сложных предложений, образующие собственную систему.

В этой системе структурные модели изъяснительных предложений с глагольными сказуемыми четко противопоставлены структурным моделям конструкций с неглагольными (именными) конечными сказуемыми. Модели конструкций с глагольным конечным сказуемым, противопоставленные друг другу, образуют свою систему. В основе этих противопоставлений усматриваются отношения залогового типа.

По этому основанию модели с переходными глаголами в роли конечных сказуемых противопоставлены моделям с непереходными глаголами в этой роли.

При переходных глаголах зависимая диктумная предикативная единица выступает в позиции прямого объекта психического действия, принимая грамматическую форму прямого дополнения. Это глаголы оперирования информацией, среди которых глаголы чувственного восприятия, глаголы с семантикой получения, хранения, обработки, утраты информации и др.: *бил* = 'знать', *көр* = 'видеть', *дыңна* = 'слышать', *оралдаш* = 'стараться', *бода* = 'думать', *эскер* = 'замечать', *ут* = 'забывать', *сагын* = 'помнить', *энде* = 'угадывать', *айтыр* = 'спрашивать', *күзе* = 'желать', *де* = 'говорить', *минни* = 'чувствовать', *сөглө* = 'передавать', *сүмелеш* = 'советоваться'.

При непереходных глаголах — а это множество составляют эмоциональные глаголы, выражающие эмоциональное отношение субъекта сознания к диктумному событию, — зависимая предикативная единица принимает форму дательного или исходного падежа. Это глаголы *амыраар* 'радоваться', *өөрүүр* 'ликовать', *таарзынар* 'быть довольным', *чоргаарланьыр* 'гордиться', *магадаар* 'восхищаться', *ажынар* 'сердиться', *дарныр* 'обижаться', *хорадаар*, *өкпелээр* 'быть недовольным, отказываться', *хараадаар* 'сожалеть', *көрбестээр* 'возненавидеть', *хомудаар* 'жалеть', *мунгараар* 'огорчать' (*кудараар*, *сырыннаар*, *ундараар*);

дүвүрээр 'тревожиться', *хөлзээр* 'беспокоиться', *ыядыр* 'стыдиться', *өскелээр* 'бояться (о детях)', *чүдексинер (азаргаар)* 'брезговать', *адааргаар* 'завидовать', *ыглаар* 'плакать', *каттырар* 'смеяться', *мактаар* 'хвалять', *чаңчыгар* 'привыкать', *эптежир* 'мириться с кем-либо', *кордаар* 'надеяться, рассчитывать на кого-либо', *идегээр* 'надеяться', *бүзүрээр* 'верить', *кайгаар* 'удивляться', *алаңзыыр* 'недоумевать', *чөпсүнер* 'соглашаться', *ойталаар* 'отказываться'.

Как переходные, так и непереходные глаголы, формирующие изъяснительные конструкции, системно противопоставлены глаголам, образованным от тех же корней, но снабженным залоговыми аффиксами.

В тувинском языке регулярно используются три непереходных глагола с разными залоговыми аффиксами, производные от самых употребительных переходных глаголов восприятия и оперирования информацией: *билир* 'знать', *биндирер* 'становиться ясным', *көөр* 'смотреть', *көстүр* 'виднеться', *дыннаар* 'слышать', *дынналыр* 'слышаться'.

При этих глаголах позицию подлежащего занимает придаточное, выступающее как предикативное имя диктумной ситуации, а субъект психического действия вытесняется или оттесняется на задний план.

От непереходных эмотивных глаголов при помощи каузативных аффиксов образуются регулярные залоговые производные, четко противопоставленные исходным глаголам своей субъектно-объектной ориентацией: диктумное событие выступает здесь в роли активного начала, провоцирующего эмоциональную реакцию субъекта. Соответственно, зависимая диктумная предикативная единица занимает синтаксическую позицию предикативного подлежащего, а субъект эмоции смещается в объектную позицию.

Таким образом, конструкции с залоговыми производными переходных и непереходных глаголов сближаются по признаку синтаксической роли и формы придаточной части, которая выступает как предикативное подлежащее. По этому признаку данные конструкции (модели) объединяются с моделями изъяснительных конструкций с именными предикатами.

Именные конечные сказуемые в изъяснительных предложениях — оценочные прилагательные и эквивалентные им выражения — связываются с диктумной предикативной единицей отношениями координации. Эта предикативная единица выступает в форме прямого падежа и выполняет функцию предикативного подлежащего. Поэтому конечное именное сказуемое в предложениях этой модели не может принимать собственно-личных форм 1-го и 2-го лица.

Предложения с конечными сказуемыми этого типа выражают оценку. Оценка является особой формой переработки информации о мире. Она выносится субъектом сознания, человеком, под тем или иным уг-

лом зрения. Например, самая общая оценка: *эки* 'хорошо', *багай* 'плохо'; *багай эвес*, *чүгээр* 'неплохо, сносно'; оценка с точки зрения истинности: *шын* 'правда', *шын эвес*, *меге* 'ложь'; с точки зрения легкости или трудности: *белен*, *чиик* 'легко', *берге* 'трудно', *берге эвес* 'нетрудно'. Оценки нередко выносятся с точки зрения эмоционального восприятия: *коргунчуг* 'страшно', *өөрүшкүлүг*, *өөрүнчүг* 'радостно', *тааланчыг*, *таптыг*, *чаагай* 'приятно', *аар-берге*, *ырма-сынчыг*, *ажыг-шүжүг* 'горе', *ажыг* 'горько'.

Таким образом, среди изъяснительных предложений выделяются такие, в составе которых диктумное придаточное выступает в позиции прямого или косвенного дополнения и принимает соответствующую форму, — это собственно изъяснительные сложные предложения. В предложениях же с оценочными именными сказуемыми, а также с глагольными сказуемыми, выраженными глаголами с залоговыми аффиксами, диктумная часть выступает в позиции и в форме предикативного подлежащего.

Формальное устройство сложных изъяснительных предложений характеризуется некоторыми особенностями по сравнению со сложными предложениями, в которых зависимая предикативная единица выполняет сирконстантные (обстоятельственные) функции.

Важные особенности организации придаточной части, изъясняющей главную, обусловлены тем, что это управляемая предикативная единица, подвергающаяся синтаксической номинализации. Номинализацией называется преобразование независимого простого предложения в предикативное имя обозначенного события [Предикативное склонение 1984, 62].

Предикативный узел зависимой части сложного изъяснительного предложения организован по структурной схеме изафетной конструкции, которая имеет много общего с предикативным узлом. Так же как предикативный узел, она служит выражению двусторонних, взаимных синтаксических отношений между компонентами.

Изафетная конструкция допускает две формы первого компонента: здесь возможны родительный падеж или именительный (неопределенный). В тюркологии существует мнение, что использованием формы родительного падежа выражается определенность, выделенность, конкретность посессора, — субъекта посессивных отношений, тогда как неопределенный падеж выражает неопределенность этого представления [Майзель 1957].

При использовании этой конструкции для выражения отношений зависимой предикации в тувинском языке используются обе возможности.

Оон амыран тур=ар=ы=ның ужур=у база-ла билдингир (Сур., 58).— Причина=его того, чему он радуется, тоже ясна.

Хуралбай бир-ле чүве айтырар бодаан, ынчалза-даа үнү-даа үнмейн барган, чогуз чүнү айтыр=ар=ы=ның ужур=ун-даа тыптаан (Сур., 51).— Хуралбай что-то хотел спросить, но и голос пропал, да и не понял сути того, о чем хотел спросить.

А актар биле кызылдарның ылаңгыя оларның Тывада кел=ген=и=ның дугай=ын=да чугаалаар чонну кичээндириккен (Сур., 30).— А насторожили народ разговоры о белых и красных, особенно о том, что они пришли в Туву.

В составе ЗПЕ субъектный член в родительном падеже факультативен, а предикат обязательно оформляется аффиксами 3-го л. =ы и род. п. =ның. Изафетное сочетание выступает как единый комплекс тесно спаянный вследствие двусторонней связи между компонентами. Аффикс 3-го л. у второго компонента цементирует изафетную конструкцию: показателя родительного падежа может не быть, но лично-притяжательное оформление обязательно.

2.2. Структурные типы полипредикативных предложений с определительной ЗПЕ

Полипредикативные предложения с определительной зависимой частью в структурном отношении представлены несколькими типами. Эти предложения в семантическом отношении всегда представляют собою объединение двух сообщений (пропозиций), касающихся одного и того же предметного участника. Строя полипредикативное предложение, говорящий выбирает то из них, которое содержит более актуальную в данный момент информацию, и оформляет его так, как должно строиться простое предложение. В составе полипредикативного предложения оно становится главным, подчиняя себе второе сообщение.

Подчиненная (зависимая) часть определяет то слово, которым назван объект, общий для обеих пропозиций,— лицо, предмет или абстрактное понятие. Способы, которыми достигается такое объединение, могут быть разными. Основной, самый типичный для тувинского языка способ формальной организации полипредикативных предложений с определительной зависимой частью связан с использованием причастий, которые, с одной стороны, выступают в качестве предикатов зависимой предикативной единицы, с другой — являются определениями к тому существительному, которое называет общего участника объединяемых пропозиций. Это существительное называют определяемым именем (ОИ).

Сүүр кырынга тур=ган=ө кижиле ам демдектей көрүп алганы кызыл базага хаяларлыг кертиле артынга чортуп келген (К.К. У-Х., 8).—

Человек, который стоял ^{сам} у порога, подъехал к подножию ступенчатых красноватых скал, на ~~уступах~~ ^{ступенях} которых в ~~лиственничном~~ ^{лиственничном} молодняке ~~паслись~~ ^{паслись} козули.

Общий предметный участник обоих сообщений бывает представлен только в главной части существительным, реже местоимением. Это слово может быть любым ее членом: подлежащим, дополнением, обстоятельством, сказуемым или субстантивным определением к другому существительному. Его грамматическая форма, в частности падеж, определяется его ролью в этой главной части. К этому существительному, каким бы членом главного предложения оно ни было, и относится придаточная предикативная часть.

Сложные предложения с присловной зависимой предикативной частью в структурном отношении отличаются от предложений, где зависимая предикативная часть относится ко всей главной части в целом. Эта их особенность состоит в том, что общий участник двух сообщений в смысловом отношении принадлежит обоим частям, но в тувинском языке, как и в других тюркских языках, в составе придаточной части ему соответствует лишь пустая позиция, называемая лакуной [Структурные типы, 207–229; Оюн 1987].

Предикат зависимой ПЕ в определительных ППК тувинского языка может оформляться нулевым показателем грамматического лица = \emptyset (в финитной парадигме спряжения) или посессивным показателем =ы/=и в 3-м лице (лично-притяжательная парадигма спряжения). При этом подлежащее имеет форму родительного падежа =ның.

Эрес Херел=диң удурт=кан=ы бригадага келгеш, кижилернин ажылажи-биле таныштым (КК, Ырл., 378).— Приехав в бригаду, (которой) руководит Эрес Херел, я познакомился с работой людей.

Предикат главной ПЕ получает личное оформление соответствующими показателями грамматического лица =ым. Или, как в следующем примере, предикат главной ПЕ оформляется «дейктическим элементом местоименного происхождения чүве 'вещь'». Этот элемент Э. А. Грунина называет рефлексом пратюркского состояния, а тип спряжения — лично-местоименным [Grunina 1996, 109].

Кылаштай ал=бас=ө уруг бистин интернадывыска чок тур=ган чүве болгай (Суван, 26).— Не было ведь в нашем интернате ребенка, который не мог ходить.

Это предложение, если рассматривать его как самостоятельное, не является самодостаточным, потому что в нем не хватает подлежащего. Однако это не самостоятельное предложение, а предикативная часть сложного, и в составе сложного недостающий компонент есть — это ОИ. Формально оно принадлежит главной части, но содержательно обя-

зательно проецируется в зависимую часть, является ее потенциальным (имплицитным) членом. Его отсутствие в формальной структуре придаточной части обрекает эту часть на структурную неполноту. Тувинские причастия, выступая в функции определений, сохраняют все валентности, свойственные глаголам, в том числе и подлежащую валентность. Эти отношения можно показать на следующих конкретных примерах.

Оларнын маргыж=ын ор=ган айтырыын район төвүндөн совхоз директорунче долга=п кел=ген=ө дарга дем-не шийтирлеп каапкан (ТТ, ТК, 254). — Вопрос, о котором они спорили, давно решил начальник, который звонил из райцентра директору совхоза.

ОИ — *айтырыын* 'вопрос'. Оно принадлежит главной части в качестве прямого дополнения, подчиненного глаголу *шийтирлеп каапкан* 'решил'. ОИ определяет зависимая предикативная единица *Оларнын маргыж=ын ор=ган* 'о котором они спорили'.

ОИ выступает в качестве дополнения, принимая форму винительного падежа. Именно к нему относится определяющая предикативная единица. Но в составе самой определяющей части выражения *айтырыын* нет. Ему соответствует лакуна, с которой в данном предложении связывается функция дополнения. Однако такое совпадение действительной формы ОИ в главной части и потенциальной формы, которую ОИ занимало бы в составе зависимой части, совершенно необязательно.

Ак-Довуракты эртип чыд=ар=ө орук=та чүктер шөйлүп чоруй барган. — По дороге, которая идет через Ак-Довурак, тянулись обозы. Здесь в главной части есть собственное подлежащее — *чүктер* 'обозы' и локализатор со значением трассы *орук=та* 'по дороге'. Компонент *Ак-Довурак=ты* воспринимается как орудие. В простом предложении слово *Ак-Довурак* приняло бы форму творительного падежа: *Ак-Довурак биле эрткен орук* 'по дороге через Ак-Довурак'.

Функции ОИ в составе главной части и соответствующей ему лакуны в составе определяющей зависимой предикативной части не зависят друг от друга, поэтому тут возможны любые сочетания.

Садтыңбажындан куду бат=кан=ө орук=ту эдерип баткан (СС, ТК, 13). — Следовали по тропинке, которая шла сверху сада вниз. (букв.: Сверху сада вниз идущей тропинкой следовали). Здесь общий участник обеих пропозиций назван, словом *орукту*. В составе главной предикативной части оно выполняет функцию прямого дополнения и выступает в форме винительного. В составе зависимой части этого слова нет, но, восстановив то самостоятельное предложение, на базе которого построена эта предикативная часть, мы увидим, что слово *орукту* войдет в него как подлежащее: *орук садтың бажындан куду бат=кан*. — Тропинка шла сверху сада вниз.

В зависимости от того, каковы роли ОИ в главной и зависимой пропозициях, существенно зависит весь характер полипредикативной конструкции. По этому основанию выделяются основные крупные типы (подлежащее, дополнение, обстоятельство, определение) в соответствии с функцией ОИ в составе главной части [Оюн 1985, 17; Структурные типы 1986, 207–209]. Поскольку определительные ППК специально исследовались в названных работах, я на них специально останавливаться не буду. Основные модели определительных ППК представлены в этих трудах структурными формулами:

$(S \leftrightarrow T_v = \text{прч}) N_{i...}^s; (N_2 Sb \leftarrow T_v \text{прч} = /) N_{i...}^{Ob}; N^{\text{служ}} / 3\text{-е л.} / N^S \leftrightarrow T_v = \text{прч}) N_{i...}; (N_i^s = / 3\text{-е л.} / \leftrightarrow T_v = \text{прч}) N_{i...}; (N_2 \leftrightarrow T_v = \text{прч} / /) (N_{i...})$ [Структурные типы 1986, 212–213].

3. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ СИНТЕТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ («РАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ») С ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТЬЮ

В предложениях расчлененной структуры придаточная часть соотносится не с отдельной лексемой в главной части, как в присловных СП, а со всей главной частью. В систему предложений расчлененной структуры входят предложения, которые передают временные отношения между событиями, предложения, выражающие отношения обусловленности, и предложения, выражающие отношения компаративной семантики. Эти семантические типы СП представляют подсистему неуправляемых (обстоятельственных, сирконстантных) СП. Семантика таких сложноподчиненных предложений (СПП) выражается причастно-падежной формой зависимого сказуемого и не зависит от строения и лексического наполнения главной части, как в управляемых СПП.

Важной особенностью обстоятельственных СПП тувинского языка по сравнению с управляемыми (актантными) является строение зависимой части, точнее, ее предикативного узла. Подлежащее здесь выражается формой неопределенного падежа, сказуемое получает обязательное личное оформление лично-финитного типа спряжения, т. е. с нулевым показателем в 3-м лице.

3.1. Причастно-падежные ППК

В тувинском языке в причастном предикативном склонении обстоятельственного типа участвуют следующие причастные формы: причастие будущего времени на *=ар*, причастие прошедшего времени на *=ган*, причастие ожидаемого времени на *=галак*. Все эти формы имеют отрицательные пары: *=бас*, *=ба=ан*, *=ба=алак*. Последняя употребляется

только во временных конструкциях. Из семи падежей тувинского языка (неопределенный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, направительный) в данном типе задействованы четыре: местный (=da), дательный (=za), исходный (=dan) и творительный с показателем -биле. Следует сказать, что в тувинской грамматической традиции не выделяется творительный падеж. В ГТЯ отмечен послелог -биле, соответствующий русскому творительному падежу: *карандаш-биле бижирир* 'писать карандашом' [1961, 438].

Центр системы обстоятельственных конструкций составляют причастно-падежные ППК, выражающие отношения событий во времени. На базе этих форм формировались специальные синтаксические конструкции, выражающие отношения обусловленности: причинно-следственные, условные, уступительные.

Падеж, чаще других передающий в тувинском соотносительность событий во времени, — это местный с показателем =da. Эту падежную форму принимают все три причастия. Семантика этого падежа — в данном его использовании — общая временная соотносительность, которая в конкретных фразах уточняется в зависимости от грамматических форм сказуемых главной и зависимой части и от лексического состава фраз.

Кроме местного падежа, временная соотносительность событий может передаваться дательным падежом (=za). Эту форму принимает только одно причастие на =ар.

С выражением следования, причины, цели связан творительный падеж с показателем -биле.

Исходный падеж с показателем =дан используется крайне редко. Гораздо шире его употребление в причастно-последложных конструкциях, в которых участвуют послелоги *ангыда* 'кроме', *бээр* 'с тех пор', *өске* 'кроме', *кадына* 'кроме'. Возможен он также в конструкциях причинной семантики и в конструкциях, выражающих отношения сравнительно-сопоставительного типа.

Введем определение терминов «фраза» и «модель», которыми мы пользуемся.

Фразу понимаем как отрезок текста, содержащий некоторое сообщение, т. е. как речевую реализацию предложения.

Термин «модель» употребляем, когда речь идет о языковой сущности, об эталоне, образце или программе, в соответствии с которой строятся фразы или их части [Черемисина 1980]. Модели реализуются во фразах. Термин «модель» предполагает уточнение: модель какого синтаксического объекта? В центре нашего внимания будут модели полипредикативных конструкций. Они состоят из предикативных частей, предикативных единиц, которые тоже строятся по определенным моде-

лям, разным для главной и зависимой ПЕ. Отдельным компонентам синтаксических конструкций (ПЕ и их компонентам) соответствуют свои модели. В контексте нашего исследования важны модели предикативных узлов в составе ПЕ, особенно ЗПЕ, и модели сказуемых, особенно сказуемых зависимой части.

Представляем модели формулами, которые строятся из оговоренных заранее символов, указывающих на существенные признаки данной модели [Структурные типы 1986].

Конструкции с местным падежом ЗПЕ. Формы местного падежа от разных причастий образуют отдельную модель со своей, присущей этой модели семантикой. Этой формой передается в тувинском языке основное темпоральное отношение — общая временная соотносительность событий.

Модель общей временной соотносительности образуют формы на *ган=да* и *=ар=да* 'когда': $[(N_1 \leftrightarrow) T_V = \text{прч} // = \text{да}]$ [ГПЕ]. Круглые скобки обозначают, что в модели имеется позиция собственного подлежащего ЗПЕ, координирующего с зависимым сказуемым, и при построении моносубъектной фразы эта позиция может не заполняться.

Поскольку анализируемые обстоятельственные ППК являются бинами, выражающими связь двух событий посредством формы сказуемого зависимой части, устройство главной части для модели не значимо. Конструктивным центром этих моделей является зависимое сказуемое. Поэтому, как уже было сказано выше, для представления модели достаточно указать только его форму — например, $T_V = \text{ган} // = \text{да}$ 'когда'.

Модель $T_V = \text{ган} // = \text{да}$ 'когда'. Причастие прошедшего времени на =ган не сохраняет свое абсолютное временное значение, а имеет значение относительного времени. Финитный глагол может быть в плане прошлого, настоящего или будущего.

Келдирткеннер олуруп=кан=да, оон мурнунда ырактан көрүп турган кижилер ам тергелерже сөктүп четкилээш, оларны хүрээлей туруп, байырлажып эгелээннер (СТ, 111). — Когда отъезжающие расселись, люди, до сих пор стоявшие поодаль, хлынули к телегам и, обступив их, стали прощаться (план абсолютного прошедшего).

Здесь сказуемое ЗПЕ образовано от глагола процессной семантики *олур=* 'сидеть'. Сказуемое главной части выражено аналитической формой =n =геннер: *байырлажып эгелээннер* 'стали прощаться они'. Действие, передаваемое формой сказуемого зависимой ПЕ, ориентировано в план прошлого и носит единичный характер.

Келдирткеннерни армияже чорудуп эгелэ=эн=де, Дерзиг-Аксынын тараачыннары кандыг-даа ажыл кылырын каапканнар (СТ, 8). — Когда

началась отправка призванных в армию, крестьяне Дерзиг-Аксы всякую работу бросили (план абсолютного прошедшего).

Еще примеры: *Биче када безин, хостуг бол=ган=да, буганы арта ха-лааи, ол ирей кадайнын казанаанга баар мен* (СТ, 68).— Даже ненадолго, когда бываю свободен, через канаву перепрыгнув, к этим старикам в избушку иду я; *Аңгыр-оолдун солун чугаазын дыңнакса=ан=да, эжи-мейлеп чанньыр* (СС, А, 16).— Когда захочет послушать интересный рассказ Аңгыр-оола, слезно умоляет. *Хуреш=кен=де октавайн канчаар* (СТ, 48).— Когда борешься, как не побороть (повалить).

В рассмотренных примерах в главной части сказуемое в форме настоящего-будущего времени на =ар: *баар* 'идти', *чанньыр* 'умолять', *канчаар* 'как поступить'. Формой на =ган=да выражается действие обычное, повторяющееся в расширенном настоящем времени.

Форма на =ган=да также выражает регулярное действие, если событие, описываемое в главной ПЕ, носит многократный, повторяющийся характер, а ее сказуемое выражено формой многократного вида на =гыла.

Чолдак-Степан меңээ таварыш=кан=да, мээң-биле чугаалашкыла-ар апарган (СТ).— Чолдак-Степан, когда встречался со мной, обычно заговаривал со мной.

Модель $T_v=ар//да$ 'когда'. Модель общей временной соотнесенности образует также формы на =ар=да.

Сарыг-Сеп чор=ум=да, Бора-Хопуй сулар уруун биске ажылдадып көр - дээн чүве ийин (СТ, 47).— Когда я была в Сарыг-Селе, Прокопий говорил, давай дочь твою к нам на работу (план прошедшего).

Действие носит единичный характер.

Еще примеры:

Чаа чуртка өгнү тиг=ер=де эжиин мурнуу чүкче көрүндүр азы хүн үнер чүкче углап өгөп каар (К-Л, ТЧБУ, 37).— Когда на новом месте ставят юрту, делают двери на юг или туда, откуда всходит солнце (план настоящего). Действие обычное (многократное).

Дуу мээң таалынымны үн=ер=иң=де ап алыр сен - деп меңээ сым-ранды (СС, А, 210).— «Возьмешь мою сумку, когда будешь выходить», — прошептал мне (план будущего).

Как видим, в зависимости от форм главного сказуемого действие зависимой ПЕ в этой модели понимается либо как действие единичное в прошлом, либо как расширенное настоящее, обычное, либо как действие, ориентированное в план будущего времени.

В конструкциях с аналитической формой основы сказуемого зависимой ПЕ важной является аспектуальная семантика глагола, с помощью которого образована та или иная форма. Так, например, в семанти-

ке глагола *бээр* (*бер=*) 'давать' заложена идея начала действия или его законченность, если он сочетается с деепричастием на =а/=е [ТРС, 132].

Боова-боорзак быжыра бер=ген=де, кухняда кочалдар, чалгыйлар тудуп алган караңыйнып-ла турар (СТ, 99).— Когда начинает стряпать боова-боорзак, на кухне среди котлов, чаш мелькает.

Здесь в главной части форма настоящего времени. Действие, выраженное в зависимой ПЕ, носит характер обычного, повторяющегося: 'всегда, когда начинается стряпня, мелькает, суетится на кухне'.

Бодун өлү бер=ген=иң=де чандыраар мен.— Когда ты сам умрешь, (тогда) отпущу я (хозяин говорит батраку — Л.Ш.). В главной ПЕ форма будущего времени, действие зависимой ПЕ также ориентировано в план будущего.

Модель $T_v=галак//га$ 'когда еще не'. Образуется формой местного падежа причастия еще не осуществившегося действия на =галак, =галак=та, в которой также заложена семантика общей временной соотнесенности 'когда еще не'.

...аьттыг кижси ыра=алак=та, карабинин олче дорт углап шыгаай берди (СТ, 143).— Когда всадник еще не удалился, он целился в него из карабина (план прошлого); *Чаъс кел=гелек=те, чер дөгүн алыр дээш, аьдымны үргүдүп, дүрген-дүрген чоруп олур мен* (Сам., 45).— Когда дождь еще не начался (пока не начался), чтобы доехать до места, коня подгоняя, быстро-быстро еду я (план настоящего конкретного); *Тараа амдызында быш=калак=та сизген кезилдезин бүрүн дооскан турар ужурулг бис* (Тыва дыл, 168).— Пока пшеница еще не поспела, мы должны закончить сенокос (будущее должностное).

Модель $T_v=ба=ан=да$ 'пока не'. Вхождение отрицания в формулу модели общей временной соотнесенности расширяет выразительные возможности этой модели. Так, форма =баанда образует модель со значением предела во времени 'пока не'.

Силер кел=бэ=эн=инер=де хуралды эгелевес бис.— Пока вы не придете, мы собрания не начнем.

Здесь отрицание содержится и в главной, и в зависимой ПЕ (т. е. смысл сказанного при снятии отрицания: 'после того, как вы придете, начнем собрание'). Событие главной ПЕ последует только после совершения зависимого события. Ср. еще: *Бодум одун=ма=ан=ым=да, мени оттурбас силер.*— Не будите меня, пока я сам не проснусь.

Если в главной части сказуемое в положительной форме, то семантика, передаваемая формой =ба=ан=да, существенно меняется. Главное событие предшествует зависимому, осуществляется раньше, пока не наступило зависимое.

Барык унунга удуг хар киир чаг=ба=ан=да, динчилер чанып келгилээн (КК, I, 36).— Пока еще не выпал большой снег, в долину реки возвращались охотники на белок; *Дөргүнек арыгынын ыяжынын бүрүзү четчип саглай=ба=ан=да, адашкыларнын өгери барааннажып көстү бээр турган* (Там., 206).— Отец с детьми (семья=его) наблюдали, пока не появятся (букв.: созревают) листья на деревьях в лесу Доргунека.

Как видим, значение предела во времени зависит от того, положительную или отрицательную форму имеет главное сказуемое. Если в главной ПЕ положительная форма, то устанавливается конечный предел главного действия, оно должно наступить до того, как наступит зависимое. В случае с отрицанием в главной части для совершения события в ГПЕ устанавливается начальный предел, оно может осуществиться только после совершения события зависимой ПЕ. И в первом, и во втором случаях временная соотнесенность устанавливается между моментами совершения двух действий. Однако модель =ба=ан=да реализует еще одну семантическую возможность: 'когда еще не'.

Дуьш чет=пэ=эн=де, Севил халдын кирип келген.— Севил прискакал на коне, когда еще обед не наступил; *Паи хайнын чет=пэ=эн=де, карактары кызыл-кызыл хамык бөрүлөр чыглып кээп-тир* (Ак, 49).— Когда еще не закипел котел, собралось много красноглазых волков.

Здесь форма на ба=ан=да от глагола *чедер*= 'достигать' передает значение уверенно ожидаемого действия: оно еще не совершилось, но обязательно совершится.

Форма на =ба=ан=да от глагола *четтик*= 'успевать' передает значение 'не успел...как'. Событие главной ПЕ мгновенно следует за зависимым событием. Временной разрыв между действиями настолько близок, что, можно сказать, главное действие вписывается, налагается на временной отрезок, в котором протекает действие зависимое.

Угбашкылар үр-даа хөөрежип четтик=пэ=эн=де, Чылбактын эштери маннажып келген (ЕТ, 93).— Сестры еще не успели наговориться, как товарищи Чылбака прибежали (т. е. они (товарищи) застали их в момент разговора); *Ынчалза-даа олар чунун-даа ужурун билип ап четтик=пэ=эн=де-ле, кожсай кончуттунуп үнген* (Сур., ЧЧ, 15).— Но они еще не успели ничего понять, как бай начал ругаться.

Приведем примеры, в которых выражена семантика еще несовершившегося действия: *Мен садыгжыдан акшам артыын ап четтик=пэ=эн=им=де-ле, бир бичии оол садып алган чүвемни сегирип алды.*— Я еще не успел получить сдачу (прежде чем получил), как вдруг какой-то мальчишка схватил мою покупку. Здесь форма =баанда-ла передает значение 'прежде чем'. Событие главной ПЕ опережает зависи-

мое событие. Эта модель реализует семантику предшествования события главной ПЕ зависимому.

Кроме названных выше темпоральных значений, форма на =баанда может выражать значение условия, причины:

Барып-барып сен октап шыда=ва=ан=ың=да, а менде чүү боор (ТРС, 92).— Если (раз/когда) даже ты не смог побороть, я тем более (не смогу).

Здесь в составе зависимого сказуемого — модальный глагол *шыда*= 'мочь', от которого образована форма =ба=ан=да.

Модель бар/чок=да 'когда есть/нет'. Форму местного падежа принимают также имена наличия *бар* 'есть', *чок* 'нет', выполняющие функцию зависимого сказуемого.

Мен чогу=ум=да, оларны бо кончуг Мангыр чейсен, Дагыр хүндү, Херик бошка суглар будап кааптар деп барганнар ышкаш-тыр (КК, I, 338).— Когда меня нет, их этот хитрый Мангыр чейсен, Дагыр хюндю, Херик бошка, кажется, хотят запутать; *Мурнунда чылдарда Анай-Кара бар=да, амыр чүве болгай* (КК, I, 338).— В предыдущие годы, когда была Анай Кара, было легко.

В функции сказуемого ЗПЕ встречаются (хотя и редко) имена существительные и прилагательные в форме местного падежа:

Хар улуг=да кылаштаары берге.— Когда много снега, трудно ходить.

Конструкции с дательным падежом ЗПЕ. Общая временная соотнесенность в тувинском языке может быть выражена формой дательного падежа. Но эту форму принимает только одно причастие будущего времени =ар.

[(N₁↔) T_v=ар//=га] [ГПЕ]. Форма =ар//=га образуется как от простых знаменательных глаголов, так и от аналитических, в которых вторым компонентом выступают процессные глаголы *тур*=, *олур*=, *чыт*=, *чор*=. Падежный аффикс присоединяется в этом случае к полной, а не усеченной основе: *тур=ар=га*.

Модель T_v=ар//=га 'когда':

Лена чорупт=ар=га, Чылбакка дыка-ла сырыннанчыг болган.— Когда уехала Лена, Чылбаку очень тоскливо было; *Даваа-биле чугаалаж=ыр=ым=га, амырап хөөрежир болду* (ОСО, 192).— Когда я разговаривал с Даваа, он был радостно оживлен; *Каң-оолду ынчан кө=өр=ум=ге, сеткилимниц ханызынга киир кээргенчиг болду.*— Когда я тогда увидел Кан-обла, мне было (стало) жаль его до глубины души; *Карактарынче кө=өр=үвүс=ке соок болгаи шириин көөр болган.*— Когда мы посмотрели в (его) глаза, холодно и сурово смотрели они.

Форма на =ар//=га передает значение конкретного заверщенного действия в прошлом.

Аналитическая форма $T_v=n=ap//=ga$ передает значение действия в процессе его совершения:

Тонум кеди= n тур= ap = $ым$ = $га$, холдарым болгаиш балдырларым сириңейнип турар мындыг (СС, А, 56).— Когда я надевал пальто, руки= $мои$ и колени этак дрожали; Ам бөгүн Анай-Хаакты топтап көрү= n тур= ap = $га$, харын-даа ол Чылбактан элээди кылдыр көстүп, ооң чоокта чаа-ла сүүреш эгиннери шокар чаңгай хөйлеңин өттүр борбайты көстүп, хөрээ бедип, ооң шимчээшкини безин бүзүрелдиг болган (ЕТ, 62).— Когда сегодня внимательно смотрел на Анай-Хаак, не только старше Чылбака она выглядела, ее недавно острые плечи выглядели округленными, через тонкую (прозрачную) блузку груди возвысились, даже ее походка была уверенной; Оон-на ол кавыны көрү= n чору= $ур$ = $ум$ = $га$, ындыг үңгүр-ле долу (СС, А, 68).— Потом же, когда осматривал все поблизости, таких норок оказалось полным-полно (много); Ам бода= n олур= $ар$ = $ым$ = $га$, Хаважык дидим-не турган-дыр ийин (АД, 122).— Как я думаю сейчас, Хаважык был смелым; Оон дыңна= n тур= $ар$ = $ывыс$ = $ка$, байның таразын оорлапкан адашкылар болган.— Как мы слышали потом, (это) были отец с сыном, украсившие пшеницу у бая.

Кроме рассмотренных выше случаев употребления формы на $=ap//=ga$, в тувинском языке довольно широко распространена аналитическая конструкция (АК), где последним компонентом выступает предикат в форме на $=ap//=ga$: {Бир + $V^{воспр.}$ + $T_v=ap//=ga$ }. Эта АК сказуемого передает миративное значение неожиданности завершеного (разового) действия. Первым компонентом такой АК выступает сочетание лексем *бир* 'один' с глаголами чувственного восприятия и внутреннего состояния: *көөр* 'смотреть', *миннир* 'чувствовать', *бодаар* 'думать' и др. Заклочительный компонент этой АК — форма на $=ap//=ga$ образуется от глаголов движения: *келир* 'приходить', от глаголов бытия *олур* 'сидеть', а также и от глаголов восприятия: *дыңнаар* 'слышать', *көөр* 'смотреть', *миннир* 'чувствовать'. Обязательным условием для АК, выражающих значение неожиданности, является наличие в ее составе глагола восприятия или внутреннего состояния. Этот глагол может занимать любую позицию в составе АК: быть первым компонентом, вторым или третьим.

Шак ынчаар аксымнап-аксымнап, бир хая көрнүп $kэ=эр=им=ге$, Фомичини оранчок мурнай берип-тир-ле мен (Орук, 105).— Так вот спеша, когда повернулся= $я$, оказалось, я далеко впереди Фомича; Чанчык боданып чыткаш, бир миннип $kэ=эр=ге$, ол чарыкта бир теректин хөлегези союп чедип келген бооп-тур.— Чанчык лежал в задумчивости; когда он вдруг очнулся, оказалось, что тень тополя (который стоял) на

той стороне подползла к нему; Амыр-Мерген бир боданып олур= $ар=га$, аалдан үнгеле үш үе эрткен, кырган ада-иезин-даа уткан бооп-тур.— Когда Амыр-Мерген однажды задумался, то оказалось, что с тех пор, как он выехал из аала, прошло много (букв.: три) времени, и он даже забыл своих старых родителей; Бир-ле дүне отту чашта= n кел= $ир$ = $им$ = $ге$, Сүрүңмаа бар шаа-биле ыглаан чыдыр (СТ, 12) — Однажды ночью, когда я проснулся, оказалось, Сюрюңма лежит, изо всех сил плачет; Бир дыңна= $ар$ = $ывыс$ = $ка$, Кызылдың механизация училище-зинде өөрени берген болган (АД, 121).— Как мы слышали, учится в Кызылском училище механизации.

Это же значение неожиданности завершеного действия передает АК { $V^{воспр.}$ + $T_v=ap//=ga$ }, т. е. без лексемы *бир*:

Миннип $kэ=эр=им=ге$, угларым кырымче суг куткан турлар (СС, ТК, 61).— Когда я опомнился, оказалось, дети мои на меня воду брызгают; Ылчан оттунп $kэ=эр=им=ге$, эжимниң рюкзанын аксы өрттенген чыдыр (СС, ТК, 148).— Когда я проснулся, оказалось, рюкзак (букв.: отверстие рюкзака) моего друга горит; Маң-биле барып, инектерни ончалап $kө=өр=үм=ге$, хамык мунар шарылар чок (ССА, 32).— Бегом прибежав, наличие коров когда проверив, посмотрел= $я$, оказалось, всех верховых волов нет.

Следует подчеркнуть, что все рассмотренные модели с формой на $=ap//=ga$ формируют преимущественно разнособъектные ППК. Моно-субъектные фразы встречаются, хотя крайне редко.

Бир мин= $ир$ = $им$ = $ге$, аал чанында тей кырында үнүп келген чор мен (СС, А, 57).— Когда я опомнился, оказалось, что я взошел на горку около юрты; Ол хиреде, бир миннип бодап тур= $ар$ = $ым$ = $га$, шуугаан тур мен (Дам., 74).— На самом деле, когда я опомнился, оказалось, я болтаю.

Здесь в зависимой ПЕ синтетический показатель грамматического лица $=им$ принимает форма на $=ap//=ga$. В главной ПЕ предикат имеет аналитическое оформление постпозитивным показателем *мен* 'я'.

Сравним другой пример:

Оон мен кыс шаам чеди= n $kэ=эр=ге$, сенээ кадай болурундан ойталап шаг болду= $м$ чоп.— Когда я повзрослела (букв.: девушка примерно= $я$ достигла), твоей женой быть= $я$ отказывалась долго ведь.

В этом примере показатель грамматического лица принимает числительное приблизительного счета *шаа* 'примерно, около', выступающее первым компонентом аналитической конструкции зависимого сказуемого {*шаа*= $м$ чеди= n $kэ=эр=ге$ }. Заклочительный компонент сказуемого — форма на $=ap=га$ имеет нулевое личное оформление. В главной ПЕ сказуемое оформлено синтетическим показателем 1-го грамматического лица $=м$ (*болду*= $м$).

Семантика общей временной соотнесенности, передаваемая формой на =ар//га, в конкретных фразах уточняется в зависимости от грамматических форм сказуемых главной и зависимой части и от лексического состава фраз. Эта синтаксическая форма может выразить и последовательность событий, и полную или частичную одновременность. Вхождение частицы -даа сдвигает базовую семантику этой формы в область значений обусловленности.

Модель $T_v=ар//га-даа$ 'хотя':

Бо болза мээн бодумнуц өөредип алган өөреникчим-дир дээр=им=ге-даа, мени тоовас болган (УХ-49, 138).— Хотя я и сказал, что это ведь мой ученик, которого я сам обучил, на меня никто не обратил внимания; Авашкылар хөөрөжип, дыка үр мана=ар=га-даа, Илдирмаа келбээн (Белек, 26).— Хотя мать с сыном долго ждали, разговаривая, Илдирма не вернулась; Бо ырларны ырлаар дэ=эр=ге-даа хоржсок болган, үн үнмэс (УХ-49, 22).— Хотя хотелось спеть эти песни, не получалось, не было голоса; Кадыглан=ыр=ым=га-даа, чымчактан=ыр=ым=га-даа дөмей-ле, үзе-үзе шапкаш бодунуу-биле аажылап оорар, чарбыттынар мындыг (ОСО, 210).— Хотя я сурово, хотя мягко поступаю, все равно, прервав, делает по-своему, предъявляет претензии (обвиняет), вот так вот; Чагс ча=ар=га-даа, чер эки шыгываан (ШЧС, 176).— Хотя шел дождь, хорошо землю не промочил.

Частица -ла также модифицирует базовую семантику формы =ар//га и выражает сокращенный временной интервал между событиями: 'как только'.

Модель $T_v=ар//га-ла$ 'как только':

Мен боолант=ар=ым=га-ла, кодан мацнап чоруй барган.— Как только я выстрелил, заяц убежал; Машина тура дүж=ер=ге-ле, уруглар черже халчыл дүжүп эгелээн.— Как только машина остановилась, дети стали прыгать на землю; Күштүг чагс чай бэ=эр=ге-ле, бо херим буступ барып ужар.— Как только пойдет сильный дождь, этот забор развалится.

В этих фразах выражено значение близкого следования события главной ПЕ за событием зависимой ПЕ.

Модель $T_v=бас=ка$. Отрицательная форма передает значение обусловленности (причинное, условия).

Оон ынай харыы кел=бес=ке, мен база-ла ыттавайн бардым (СТ).— Затем (поскольку) ответа не последовало, я тоже замолчал; А шак ынчалдыр кызып как=пас=ка, хырның кажсан-даа тотпас болгай (СС, А, 49).— А вот когда (если) таким образом не постараться, живот твой никогда не насытится ведь.

По модели общей временной соотнесенности оформляются вводные предложения: сактырымга 'как мне помнится' (букв.: 'вспомню когда я'), бодаарымга 'по-моему' (букв.: 'когда я думаю'); көөрүмге 'как мне видится' и т. п. Ср.: биригээр (өскээр) чугааларга 'другими (иными) словами'; шынын чугааларга 'правду сказать'.

Исследование показало, что причастно-падежные конструкции с местным и дательным падежом сказуемого ЗПЕ характеризуются единым способом выражения субъекта зависимой части. Субъект может быть выражен лексически — формой прямого падежа и морфологически — аффиксами грамматического лица лично-финитного типа спряжения, т. е. с нулевым показателем в 3-м л. Возможны сочетания обоих способов (двойное выражение субъекта). Оформление зависимого сказуемого аффиксами лица является обязательным.

Семантика формы на =ар//га маркирована выражением значения неожиданности (адмиративности), разовости действия.

Конструкции с исходным падежом ЗПЕ: $[(N_{1-2} \leftrightarrow) T_v = прч!/=дан]$ [ГПЕ]. В обстоятельственных ППК тувинского языка исходный падеж используется редко.

Эта форма встречается в конструкциях с причинным значением. Причем оформляются исходным падежом как глагольные, так и именные формы сказуемого. Аффикс исходного падежа принимает либо сама именная форма, либо приименная связка бол= 'быть'.

Причинные ППК. Модель $T_v = ган!/=дан$ 'оттого, что; из-за того, что'.

Хөлүн эрттир мацнапкаш, хөлчөк дерит=кен=ин=ден бузу бурулан тур! (УХ-49, 132).— Запарился оттого, что сильно вспотел, пробежав изо всех сил; Чаагай чемиш үн=ген=ин=ден тарааның бажсы сыгыла берген-дир (СТ).— Оттого, что полные зерна взошли, просо голову согнуло; Күштүг чагс чаап эгелэ=эн=ин=ден кээп шыдавадым.— Я не смог прийти, оттого что начался сильный дождь; Хар дүрген эрип кал=ган=ын=дан чер кургап эгелээн.— Из-за того, что снег быстро растаял, земля начала сохнуть; Сен дүрген кылаштап чора=ан=ың=дан мен сенээ четпейн бардым.— Оттого, что ты шел очень быстро, я не смог тебя догнать; Заводта суг арыглаар чүүлдерниц үрел=ген=ин=ден хамык балык өлген-дир.— Из-за того, что на заводе сломалась водоочистительная система (техника), вся рыба погибла.

Модель $T_v = н ал=ба=ан!/=дан$ 'из-за того, что'.

Сээд мынчага чедир белегкени=н ал=ба=ан=ың=дан бис автобус-тан озалдап болур бис.— Оттого, что ты до сих пор не собрался, мы можем опоздать на автобус.

Модель $T_v = бас!/=дан$ 'оттого, что'.

Ол болза чүве бил=без=ин=ден, бүдүүлүүндөн ынчап турганы то- даргай (ОСО, 190).— Он делает (поступает) так оттого, что он не знает, от своей примитивности, (то) ясно.

Модель N/!=дан 'оттого, что'.

Бөгүн соок-тур, хар аагын=дан ынчап тур боор (ТРС, 27).— Види- мо, оттого, что выпал снег, сегодня холодно; Өннүктер өөрүшкү=ден, оон ыңдай хөлзээнин=ден таптыг хөөрөжип албас болган (Там., 61).— Друзья от радости, также от волнения не могли путем разговаривать; Туттунган балыктын күштүүн=ден четки үстү берген.— От силы пойманной рыбы порвались сети.

Модель N/A бол=ган=ын=дан 'из-за того, что'.

Сээң кортук бол=ган=ын=дан ол бугу чүве багай болганы ол-дур.— Это получилось плохо оттого, что ты трус; Балыктын улуг бол=ган=ын=дан мен ону уштуп безин чадап каан мен.— Из-за того, что рыба была такая большая, я не смог даже вытащить.

Сравнительно-сопоставительные ППК. Исходный падеж в тувинском языке, как и в большинстве тюркских языков, выражает идею сравнения (эталон сравнения).

Модель T_v =прч/!=дан L^{компар.} 'чем... лучше'. В составе ППК присутствует компаративный предикат эрте 'раньше', дээрэ 'лучше' и др.:

Ооң келирин мана=ар=ын=дан боду чорааны дээрэ.— Чем ждать то- го, что он вернется, лучше самому поехать.

Здесь качественная характеристика предпочтения главного действия усилена лексическим компонентом дээрэ 'лучше'. Эталон сравнения в исходном падеже перерастает в конструкцию иного качества — пред- почтения. В подобных конструкциях могут употребляться и другие пре- дикаты:

Бистин манап тур=ган=ывыс=тан ол эрте келген.— Он приехал раньше, чем мы ждали.

ППК признака. Модель T_v =прч/!=дан. Еще одно значение, пере- даваемое исходным падежом — распознавание по признаку:

Истерниң аажок ханы бол=ган=ын=дан ол кижги аар чүктүг чо- раан-дыр дээрзин даап билип кагдым.— По тому, какие были глубокие следы, я догадался, что человек нес тяжелый груз; Ыттын баштай ха- лып чедип кел=ген=ин=ден ачавыс олчалыг кел чыдар-дыр дээрзин би- лип каан бис.— По тому, что собака бежала впереди, мы поняли, что отец идет с добычей; Бо кижги чадырны бистин улустарывыстын шуттузунун кыл=ыр=ын=дан өскээр кылыр кижги-дир.— Этот человек ставит шалаш не так, как делают все наши (от того как делают наши люди, иначе).

Ср. как.: Хазинезі агаа тогын тiп көнi тiбинче, хычырганынаң даа сизiнерге кирек. — Свекровь, работай, мол, прямо не говорит, по тому, как она ворчит, можно догадаться (об этом).

Каз.: Түйе аксақ екенiн қайдан бiлдiң?— Ызi бiр жаққа ауыға- нына бiлдiм. — Откуда ты узнал, что верблюд хромой? — Я узнал по тому (признаку), что след его заваливался на одну сторону

Итак, исходный падеж в обстоятельственных причастно-падежных ППК употребляется преимущественно в конструкциях обусловленности и сравнительно-сопоставительных. Для этих целей используются формы причастия прошедшего времени на =ган (в основном в причинных) и будущего времени на =ар. Сказуемое ЗПЕ обязательно оформляется аффиксами лично-притяжательного типа спряжения (с показателем =ы в 3-м л.). Субъект зависимого действия может быть выражен подлежащим в прямом или родительном падеже.

В конструкциях сравнительно-сопоставительного типа наблюдается варьирование причастных форм, выступающих в роли сказуемого зави- симой ПЕ,— здесь возможны и форма на =ар и на =ган.

Во временных конструкциях этот падеж без послелога не использу- ется.

В хакасском же языке он используется часто в конструкциях с се- мантикой близкого следования: Паскир оларның хырына килерiнең Клаша, аны холтишаң хаап, тананаң хости орын тирген.— Как только Паскир подошел к ним, Клаша, его под руки схватив, место рядом усту- пила.

Предикативный узел всех рассмотренных конструкций с исходным падежом причастия организован по модели управляемых ППК с притя- жательными аффиксами в 3-м лице. Во временных же обстоятельствен- ных конструкциях с дательным и местным падежом причастия аффик- сами грамматического лица оформляется зависимое сказуемое 1-2-го лица, в 3-м лице оно имеет нулевой показатель. Субъект действия в темпоральных ППК имеет нулевую форму неопределенного падежа.

Конструкции с творительным падежом -биле. Сочетания этого показателя с причастием на =ар формируют сказуемое зависимой ПЕ различных семантических типов.

Модель T_v=ар/!/-биле 'чтобы':

Биске дузала=ар=ы-биле келгеннер.— Они приехали, чтобы нам по- мочь.

Модель T_v=ар/!/-биле 'как только':

Даң адын кэ=эр=и-биле, куштар ырлажы бээр.— С наступлением рассвета птицы запоют.

Субъект зависимого действия (если он выражен отдельным подлежащим) получает нулевой показатель неопределенного падежа. Сказуемое зависимой ПЕ последовательно оформляется аффиксами 3-го грамматического лица притяжательного типа спряжения.

В отрицательной форме причастия на =ган этот показатель может иметь значение причины.

Модель Т₃=ба=ан/!-биле 'оттого что':

Үр үе иштинде шай-даа, сүт-даа, хойтпак-даа иш=нэ=эн=и-биле аштааш, пат боорда тендирип чоруур улус-тур, билдин бе? (СТ, 12).— Оттого что долгое время ни чая, ни молока, ни хойтпака не пили, изголодались, еле-еле шатаемся мы, понимаешь?

Н. Ф. Катанов указывал, что «биле и предшествующее ему в именительном падеже причастие прошедшего времени, снабженное иногда притяжательными местоимениями аффиксами» [Катанов 1903], передают условные или уступительные значения. В наших материалах таких примеров нет, воспользуемся примерами автора:

Эт бар бол=ган=ы-биле дой болбас.— Хотя мясо есть, (но это) не пир; *Адаң кел=ген=и-биле уруум кортпас-тыр.*— Если отец твой и придет, мой ребенок не испугается его.

Заметим, что в приведенных фразах в главной части также присутствует отрицание, что, на наш взгляд, способствует появлению значения обусловленности.

3.2. Причастно-последложные ППК

В тувинском языке широкое распространение имеют ППК, в которых в состав зависимого сказуемого входят послелого. Послелого в тувинском (шире — в тюркских языках) неоднородны по своему составу и конструктивным свойствам. Мы используем этот термин более широко, объединяя в этом понятии собственно послелого и служебные имена.

Служебные имена, или «послелого именного происхождения» [Убратова 1976, 167], в тюркских языках сочетаются с предшествующим им существительным изафетной связью. При этом первый компонент получаемого сочетания может быть или в прямом, или в родительном падеже.

По значению и функции служебные имена близки к собственно послелогам. Однако между ними есть и различия. Они заключаются в том, что послелого — неизменяемые слова, тогда как у служебных имен, наоборот, формы падежа варьируют — в основном в рамках пространственных значений, образуя целые серии. Кроме того, различаются они типом синтаксической связи. Собственно послелого обнаруживают

связь управления или примыкания, связь же между служебным именем и знаменательным компонентом всегда изафетная.

Собственно послелого модифицируют значения падежей. По характеру синтаксической связи в тюркологии принято различать послелого управляющие, примыкающие и изафетные — служебные имена.

Группу управляющих послелогов, т. е. сочетающихся с определенной падежной формой причастия, уточняя и конкретизируя падежную форму, составляют послелого: *сонгаар* 'после того, как', *бээр* 'с тех пор, как', *өске*, *башка*, *ангыда* 'кроме', управляющие исходным падежом причастия; *чедир* 'до', управляющий дательным падежом; *ужун* 'по причине'; *билек* 'как только', — сочетающиеся с причастием в нулевой падежной форме (в нулевой форме неопределенного падежа) и обязательно требующие оформления посессивным аффиксом 3-го л. =ы.

Большая группа послелогов относится к примыкающим, т. е. сочетается с падежно не оформленными причастными формами. Послелого здесь являются единственным средством выражения грамматического значения: *орта*, *дораан*, *соон дарый* 'как только'; *хире* 'примерно'; *эрте*, *бурунгаар* 'прежде'; *эзугаар* 'согласно'; *ышкаш* 'подобно'; *дег* 'словно'; *болгаш*, *боорга* 'так как'; *дээш* 'за'; *ояар*, *олчаан* 'с тех пор, как'; *тудум* 'по мере того, как'; *кылдыр* 'так'; *болза* 'если'; *дөмей* 'подобный'; *дизе* 'чтобы'; *эртип* 'хотя'.

Изафетными названы послелого именного происхождения. Они сочетаются с формами прямого и родительного падежей, образуя конструкции изафетного типа. При этом обязательным является посессивное оформление второго компонента этого сочетания.

В сфере ППК изафетные послелого выражают прежде всего темпоральные отношения: *мурнунда*, *бетинде*, *бертинде* 'перед тем как'; *мурнуу чарыында*, *соонда*, *сөөлүндө* 'после того как'; *аразында*, *дургузунда-ла* 'пока, в течение того времени'; *шаанда* 'пока не'; *санында-ла* 'в то время, когда'; *үеде*, *өйде* 'когда'. Другая, меньшая группа послелого выражает отношения обусловленности: *хараазындан*, *ужурунда*, *уламында* 'по причине'; *хире*, *хирезинде*, *эртип* 'хотя'; *орнунга* 'вместо'. Особый тип семантических отношений — делиберативные (темы сообщения) — передает служебное имя *дугайында* 'о, об'.

Все причастно-последложные конструкции тувинского языка мы делим на две группы: 1) ППК с падежно не оформленным причастием; 2) ППК с причастием в форме одного из косвенных падежей.

Важным классификационным признаком этих конструкций является локализация показателей грамматического лица в составе сказуемого ЗПЕ.

В причастно-последложных (собственно последлоги) падежно не оформленных конструкциях показателями грамматического лица оформляется причастие. В последложных конструкциях со служебными именами показатели лица получает либо причастие, либо служебное имя. Вторым важным признаком, различающим эти два типа конструкций, является тип личного оформления (тип спряжения) зависимого сказуемого: лично-финитный или притяжательный. Лично-финитный тип характерен для ППК с падежно не оформленными причастиями. Притяжательный — для ППК с причастием в косвенном падеже.

Последлоги тувинского языка обнаруживают разную способность сочетаться с предшествующей инфинитной формой. Заметим, что из трех причастий сочетаются с последлогами только два — на =*ар* и на =*ган*. Многие последлоги употребляются только с какой-то одной формой причастия, некоторые последлоги сочетаются с обеими формами, выражая разные семантические типы отношений.

Конструкции с фиксированной формой причастия при последлоге. Эта группа ППК представлена двумя подгруппами: ППК с падежно оформленными причастиями и ППК с падежно не оформленными причастиями.

ППК с причастием в нулевой падежной форме (неопределенный падеж). Среди последлогов, сочетающихся с определенной формой причастия, оказались в основном последлоги темпоральной семантики. В темпоральных причастно-последложных комплексах между последлогом и грамматической формой сочетающегося с ним причастия наблюдается своего рода семантическое согласование. Например, служебное имя *мурнунда* 'перед тем как' ориентировано на действие в будущем и сочетается только с формой на =*ар*. Но в составе аналитической конструкции сказуемого зависимой ПЕ не только форма на =*ар* утрачивает значение будущего времени, но и все построение, ею образованное. Семантика зависимого действия, выражаемая этим сочетанием, зависит от семантики события главной части и им обуславливается, т. е. для темпоральных конструкций характерно относительное время зависимой части, фиксирующее стабильность временных форм. Подобное семантическое «согласование» наблюдается в сочетаниях с последлогами всех типов; и собственно последлогов, и примыкающих, и изафетных.

Группа моделей с причастием будущего времени на =*ар*. Служебные имена *мурнунда*, *бетинде*, *бертинде* выражают предшествование события главной ПЕ зависимому событию, *аразында* — одновременность, *билек*, *орта* — следование. Сочетаются они с формой причастия на =*ар* и не сочетаются с формами на =*ган* и =*салак* (последняя вообще не сочетается ни с какими последлогами).

Модель $T_v=ar//\emptyset$ мурнунда 'перед тем как, прежде чем как':

Ол чорупт=ар=ы=нын мурнунда база чагаан (УХ-49, 33).— Он, перед тем как отправиться, тоже наказал; *Ол чорукка Москва университетинге өөрөн=ир=и=нин мурнунда-даа, соонда-даа чаяанныг оолдун журналист ажылы дузалаан* (УХ-61, 105).— Эта поездка в Московский университет, перед тем как учиться, после очень помогла в журналистской работе одаренного парня; *Шугум чазаарда шыгаар, шууга=ар мурнунда боданыр деп чүве бар болгай...* (УХ-61, 51) — Ведь говорят так (=здесь: поговорка): линейку когда строгаешь — целься, перед тем как болтать — подумай.

Модель $T_v=ar\emptyset$ бети//де 'перед тем как':

Бодумнуң келген херээмниң дугайын чугаала=ар бет=им=де силерге чүү херектин билеп алган болзумза аа, дарга? (УХ-61, 17) — Перед тем, как сказать о своем деле (по какому делу я пришел), я бы хотел узнать, что вам нужно, дарга?

Здесь служебное имя оформлено грамматическим показателем 1-го лица =*м*. *Шугум чазаарда шыгаар, шуугаар бет=ин=де боданыр* (ТРС, 581).— Линейку строгаешь — проверяй, говорить начинаешь — подумай (перед тем как говорить).

Модель $T_v=ar\emptyset$ берти//де 'перед тем как':

Силерниң чору=ур берт=инер=де, мен эртежик чедип келир мен.— Я приду туда раньше, чем вы уедете. Показатель 2-го лица =*инер* у служебного имени — *бертинерде*.

Модель $T_v=ar\emptyset$ орта 'в тот момент; как только':

Шульц хол боозу-биле арнын кэ=эр орта, ол кижси былдай дүшкеш, куруг орнун аттырган (Там., 91).— Как только Шульц замахнулся ружьем, этот человек, уклонившись, в пустое место вынудил выстрелить; *Айдың ай бедип үнүп кэ=эр орта, мээс хамаанчок, арга ишти безин чырый берген* (Там., 137).— Как только взошла светлая луна, не только солнечная сторона, но даже внутри леса стало светло.

Модель $T_v=ar//\emptyset$ билек 'как только':

Чылбар-оол чедип кэ=эр=и билек, улус ону долгандыр кижси хана кылдыр турупкан (ШК, Б, 229).— Как только приехал Чылбар-оол, люди окружили его живой стеной (вокруг него стеной стали); *Кыш дүж=ер=и билек, оон чанынга аът-хол-даа шоолуг келбестээн* (ШК, Б, 177).— Как только наступила зима, даже лошади к нему (сюда) перестали приходиться; *Марш ыры төн=ер=и билек, баштак ыры чаңгыланы берген* (ШК, Б, 255).— Как только закончилась песня марша, шуточная песня раздалась.

Последлог *билек* сопровождает инфинитную форму на =*ар* и передает значение быстрого следования. Это причастие утратило здесь семантику

будущего времени, временной план зависимого действия задается главной частью. Причастие оформлено посессивным показателем =и (3-е л. ед. ч.).

Группа моделей с формой причастия на =ган:

Модель T_v =ган//=ө сөөлүндө 'после того как':

Сен бажыңче кир=ген=иң сөөлүндө безин сени чедип кээр деп чүгесе, бүзүревейн турдум.— Даже после того как ты зашла домой, я не верил тому, что ты пришла.

Модель T_v =ган//=ө соонда 'после того как':

Эдиски белен бол=ган соонда, Амыргалаар аңны чорупкан (Там., 96).— После того, как была изготовлена (охотничья) трубочка, Амыргалар отправился охотиться; *Аар-саар чүүлдерни кезек чугаалажып олур=ган соонда, Самбуу Шутовтарның херээнге дээй каапкан* (Там., 98).— После того как говорили о мелких делах Аар-саар, Самбу затронул дело Шутовых; *Сен тайылбырла=ан=ың соонда, шунту билдингир.*— После того, как ты объяснил, все понятно; *Харэрэ=эн соонда, суг тырмыла бээр* (Дунзаа, 28).— После того как снег растаял, вода начала спадать; *Ынчан Эрес бир-ле чүве чугаалаан дег бол=ган соонда, Анай-кысты ол баскаш, кудургай куду дап берген* (КК, Ырак, 323).— Тогда Эрес, после того как будто что-то сказал, обойдя Анай-Кыс, вниз по склону подался; *Совхозтун тускай эртемниглери чора=ан соонда, ферманың саанчылары аразында чугаа кылганнар* (УХ-61, 68).— После того как посетили специалисты совхоза, среди доярок фермы состоялся разговор.

Модель T_v =ган//=ө ояар 'с тех пор как':

Тонну садып ал=ган=ың ояар кетпедиң бе? — Ты не надевал пальто с тех пор как ты (его) купил?; *Долзат Араптановның оглу өөренип чоруп=кан ояар-ла, оларның бажыны база-ла чалгааранчыг, хос кендигиргей чүве апарган* (АД, 6).— С тех пор как сын Долзат Араптановны уехал учиться, их дом тоже стал скучным, пустым; *Кежээ чыт=кан ояар, олчаан турбаан-дыр* (ШК, Б, 205).— С тех пор как лег вчера, не вставал.

Модель T_v =ган//=ө тудум 'по мере того как':

Күскүхүн дуртузу кыскала=ан тудум, аш-туренги, көк-хырын уруг-дарыгга улам узун кылдыр сагындырып турган (К, 125).— По мере того как короче становился осенний день, бедным, голодным детям казалось, что день стал еще длиннее.

Модель T_v =ган//=ө соон дарый 'после того как; как только':

Директор-биле чугаалаш=кан=ың соон дарый, бухгалтерияга кире дүш.— Сразу как только поговоришь с директором, зайти в бухгалтерию; *Ол, Агылыгда аалдарга Тывага хувискаал өөскэ=эн соон дарый*

көстүп келген (КК, Ырж., 13).— Он появился в аалах Агылыга вскоре после того как в Туве совершилась революция.

Модель T_v =ган=ө дораан-на 'сразу, тут же':

Филиппов кирип кел=ген дораан-на кадайында барган (Там., 86).— Филиппов как только вошел, жене сказал.

Модель T_v =ган=ө олчаан 'с тех пор, как':

Кел=ген олчаан чагаа албадым (ТРС, 319).— С тех пор, как приехал, я не получал письма.

Модели с послелогоми *дораан* и *олчаан* реализуются только в моно-субъектных конструкциях. Зависимое сказуемое показателей грамматического лица не принимает. Встречаются эти модели довольно редко.

Модель T_v =ган//=ө ёзугаар 'в соответствии с чем-л.; так, как':

Мындаа маа ол кудаларывыс-биле аазажып дугуруш=кан=ывыс ёзугаар, уруувусту аппарып дүжүрүп бээр-дир бис (Сам., 28).— Как мы и условились со сватами, в условленное время дочку мы привезем к вам; *Мен силерниң чугаала=ан=ынар ёзугаар кылдым* (ТРС, 204).— Я поступил так, как вы мне сказали; *Кожазының өөнүң артынга чеде бергеш, чугаалажып ал=ган=ы ёзугаар дүн кужу өттүнүп, сыгыргылаан* (ЕТ, 6).— Оказавшись за юртой соседа, как и договорились, начал свистеть, словно ночная птица; *Чылбак ол кежээ зиттери-биле чугаалаш=кан=ы ёзугаар эрте удуп чыдып алган* (ЕТ, 44).— Чылбак в этот вечер, как и договорились с друзьями, лег спать пораньше.

В роли сказуемого ЗПЕ здесь обычно выступают глаголы речи.

Исследование показало, что сочетание служебного имени *соонда*, *сөөлүндө*, послелогов *олчаан*, *дораан*, *соңгаар*, *соон дарый* с причастием прошедшего времени на =ган — единственно возможное сочетание служебных имен с семантикой следования во времени. Послелогом *билек*, *орта* 'как только' сочетаются только с формой причастия будущего времени на =ар.

ППК с причастием в форме косвенных падежей. Группа послелогов, сочетающихся с определенным причастием в форме исходного падежа, формируют ППК сравнительно-сопоставительной семантики.

Модель T_v =ган//=дан башка, T_v =ган//=дан аңгыда, T_v =ган//=дан өске:

Оон аңгыда, өрээл ашта=ар=ын=дан башка, ол бодунуң кичээлдерин кылыр ужурлуг.— Кроме того, что ему нужно убрать в комнате, он должен сделать уроки; *Бажыңга онаалга кыл=ыр=дан аңгыда ол садыг база кылаштаар болгаш шала чуур.*— Кроме выполнения домашнего задания, он еще ходит в магазин и моет пол; *Шак мынчааар олурар болгаш мана=ар=дан башка (аңгыда), биске чүү-даа артпаан-дыр.*— Нам ничего не оставалось, кроме как сидеть и ждать; *Чайын ажылдап алган*

демги акиал=ар=ың=дан башка, бисте оон ыңдай чүү-даа чок-тур.— Кроме тех денег, которые ты заработал летом, у нас больше ничего нет; Дыштаньр хунн=ер=ден ангыда, ол хуннун-не ажылында.— За исключением выходных дней, он все время на работе; Өднүг саазыннар кезип ал=ган=ын=дан (кескенинден) ангыда, олар чүнү-даа кылыксавааннар.— Они ничего не хотели делать, кроме того, что вырезали цветную бумагу; Кижичи=ир=ин=ден болгаи иж=ер=ин=ден ангыда, ол ажылдаар база ужурлуг.— Кроме того, что человек ест и пьет, он еще должен работать.

Темпоральную семантику выражают ППК с послелогом *чедир* 'до', управляющим дательным падежом причастия.

Модель T_v=ар/!/=-га чедир:

Ай үн=ер=ин=ге чедир эрик кырынга олурганнар.— До того как появилась луна, они сидели на берегу.

Конструкции, допускающие варьирование причастных форм при одном послелого. Эта группа ППК также представлена двумя подгруппами: ППК с падежно оформленными причастиями и ППК с падежно неоформленными причастиями. Каждая из них, в свою очередь, подразделяется на две подгруппы в зависимости от того, влияет ли на семантику ППК варьирование причастных форм при послелого или нет. Соответственно, выделяем подгруппы: ППК с вариативными причастными формами, влияющими на семантику конструкции, и ППК с вариативными причастными формами, не влияющими на семантику конструкции (свободное варьирование).

1. Подгруппа с варьирующими падежно неоформленными причастиями, оказывающими влияние на семантику конструкции в целом. Такие модели представлены группой послелогов с семантикой обусловленности (причина или цель): *ужун, төлээде, биле, дээш*. Модели с указанными послелогом различаются временными формами причастий. Так, например, форма прошедшего времени на =ган с послелогом *ужун* выражает причинную семантику. Сочетание же этого послелого с причастием на =ар передает целевые отношения.

Относительно этимологии послелого *ужун* (үчүн) высказывались разные точки зрения. Основная мысль сводится к тому, что в его структуре различают два компонента, из которых первый является именной основой (уч~үч~ич) ('конец', 'цель') или глагольной (учу~учи~үчү~үчи) с разным лексическим содержанием. Второй компонент — морфологический (аффикс отыменного образования глаголов -i-ü) [Щербак 1987, 92].

Модель =ган/!/=-ө ужун 'так как, из-за того, что':

Сен бистиң-биле кады чор=ба=ан=ың ужун, аза бердивис.— Из-за того, что ты не пошел с нами вместе, мы заблудились; *Төрээн бизиңи чок бол=ган ужун моол бизик ажыглап турган* (СТ, 170).— Так как не было своей письменности, брали (пользовались) монгольским письмом; *Мээн турам-биле чорут=кан=ым ужун, оортан чоруткан хөлөчктерниң ужун бүү-ле хемдикчилерниң кырынче диргелип олурар чоннун килениңиң ужун кожай мени канчап-ла кааптар ирги?* (СТ, 136).— За то, что я самовольно ушел, за то, что ушли от него работники, за то, что надвигается на всех насильников народный гнев, что (за все это) сделает со мной хозяин?

Как видим, послелог *ужун*, сочетающийся с формой на =ган, формирует две конструкции причинной семантики — общей причины и санкции (за что?). В нашем случае — наказание. Различий в структурной организации этих конструкций мы не усматриваем.

Возможно появление родительного падежа у причастного предиката. Семантика конструкции та же:

Фашистиг Германияның Совет Эвилелинче халда=ан=ы=ның ужун дайын чоруп турар берге үе болгай бо (Там., 217).— Так как фашистская Германия напала на Советский Союз, наступает трудное военное время (такое вот трудное военное время).

Модель T_v=ар=ө ужун 'чтобы':

Мал орла=ар ужун кижичи аалда хонуп турар (НФ, 930).— Чтобы воровать скот, человек ночует обычно в селении.

Модель T_v=ган=ө төлээде 'так как, поскольку':

Шупту кижилер чыгып кел=ген чүве төлээде, хуралды ажыдарын чөтиээрер (ТРС, 418).— Так как все собрались, разрешите открыть собрание; *Демги улус ону үрээн, хажыт=кан төлээде, яла чүктээр апары чайлаш чок* (Там., 105).— Так как те люди это разрушили, исказили, неизбежно наступит время вину искупить; *Айтырыг салдыган чүве бол=ган төлээде, харыылаар ужурга таварыштым* (ДС, 62).— Так как был задан вопрос, мне пришлось отвечать; *Эштер, олурушку чогуур кижилер чыгып кел=ген төлээде, хуваалдаже кирер-дир...* (Там., 124) — Товарищи, так как все необходимые собранию люди собрались, приступим к распределению.

Модель T_v=ар=ө төлээде 'чтобы':

Институт кирип ал=ыр төлээде, эки өөренир херек.— Чтобы поступить в институт, нужно хорошо учиться; *Кичээлден озалда=вас төлээде, далажыр херек* (ТРС, 419).— Чтобы не опоздать на занятия, нужно торопиться; *Поездиден озалда=вас төлээде, далажып чор мен* (РТС, 642).— Я спешу, чтобы не опоздать на поезд.

По модели $T_v=ar=\emptyset$ төлээдэ строятся моносубъектные фразы с нулевым показателем грамматического лица. В этих моделях причастие на $=ган$ имеет значение действия совершенного (следование главного события за зависимым событием). Причастие на $=ар$ передает значение предстоящего действия (предшествование главного события зависимому). В главной части возможны любые временные формы. Здесь нет обязательной зависимости между временем главной и зависимой части, как это наблюдается в темпоральных конструкциях, т. е. сказуемое зависимой части выражает абсолютное, а не относительное время своего события.

Модель $T_v=ar=\emptyset$ дээш 'чтобы'; $T_v=bas$ дээш 'чтобы не':

Уйгузун хандыр удуп ал=зын=нар дээш, кадарын олур мен (Ак, 74).— Я стерегу их, чтобы они выпались; *Оларның аразынга оон ыңай чүү бол=ур эвес дээш, хайгааран тур мен* (ОСО, 206).— Между ними не произойдет ли чего, я наблюдаю; *Аалымче чана бэ=эр дээш, ачамдан коргар турган мен* (Сам., 37).— Чтобы вернуться домой, я боялась отца; *Сенденмаа, оолдарывыс дугайын чугаалаж=ыр дээш келдим* (АД, 20).— Сенденмаа, я пришел, чтобы поговорить о ваших сыновьях; *Мен оларга шаттык кат=нас дээш бажсыңче кирип келдим* (АД, 61).— Я зашел в дом, чтобы не мешать им.

Для этой модели характерны в основном моносубъектные реализации, хотя есть и разносубъектные. Грамматических показателей лица зависимое сказуемое не имеет (т. е. здесь нулевое оформление предиката). Семантика конструкций — целевая.

Модель $T_v=ган//=\emptyset$ дээш 'за то, что':

По этой модели строятся фразы со значением причины-санкции (наказание или поощрение). Возможны разносубъектные и моносубъектные ППК. Различия в структурной организации этих конструкций обуславливают различия в характере спряжения зависимой части. Если фраза моносубъектная, то зависимая часть спрягается по лично-финитному типу (показатели лица $=m$, $=n$, $=\emptyset$):

Колхозумга чаагай дүжүттүг тараа өстүр=ген=им дээш, чазактын дээди шаңналы — Ленин башкының ады-биле адаан хавыяаны эдилеп чор мен.— За то, что я вырастил богатый урожай хлеба колхозу, я ношу высшую награду правительства, названную по имени вождя Ленина; *Баштайгы командировкадан эрте чедип кел=ген дээш даргаларымдан сагындырыг алган мен* (АД, 171).— За то, что (я) приехала из командировки рано, я получила замечание от своих начальников (пример с нулевым показателем в 1-м л.); *Мында кезек улус онза даалга күүсет=кен дээш акша ап турган деп болгай* (ДС, 26).— Некоторые люди получали деньги за то, что выполняли особые поручения; *Үндезин*

чок нүгүлдээшкин кыл=ган дээш кеземче хүлээдир дугайында хоойлу болгай (ДС, 59).— Есть же закон о привлечении к уголовной ответственности за то, что клеветают без оснований (за клевету). Все это примеры с нулевым показателем в 3-м л. Это моносубъектные фразы.

В разносубъектной реализации этой модели в 3-м лице обязательно оформление притяжательными аффиксами $=u/=ы$.

Модель $T_v=ган//=\emptyset$ дээш 'за то, что':

Аваңарга бешке чедир сан айтып бер=ген=и дээш, Сайкыска ынак ырыңарны ырлап бериңер (Ак, 19).— Спойте любимую песню Сайкыс за то, что она научила вашу маму считать до пяти; *Сеңзэ четтирдивис, биске дузалаш=кан=ың дээш* (Ак, 131).— Мы благодарим тебя за то, что ты нам помог; *Авария кыл=ган=ың дээш, үжсен минут кызырар мен, ашак* (АД, 112).— За то, что ты сделал аварию, я уменьшу (сокращу тренировку) на тридцать минут, старик.

Модель $N=зын=\emptyset$ дээш; $=ба=зын=\emptyset$ дээш 'чтобы (пусть) не':

Особую группу составляют конструкции указанной модели, где в зависимой ПЕ предикат в форме желательного наклонения $=зын$. Это привносит специфический семантический компонент волевого воздействия, согласия, разрешения.

Бисти кыжын доң=ма=зын дээш, ававыс биске унтылар дааран берген.— Чтобы мы не мерзли зимой, мать сшила нам унты (букв.: (про нас) пусть они=не=мерзнут); *Бо дүне бисти кастынын үңгеш, дезип чоруй бар=зын дээш, орус арат кирип берген-дир.*— Русский арат нам передал нож, чтобы мы этой ночью, подковав, сбежали (букв.: сбегут пусть); *Сен база келир үеде үре-салгал эки чуртта=зын дээш кызып кылайып ажылдап чораан-дыр сен.*— Ты тоже старался (изо всех сил) работать, чтобы будущее поколение жило хорошо.

Мы привели примеры, где зависимое сказуемое оформлено по притяжательному типу с грамматическим показателем 3-го л. (аффикс $=зын$ желательно-повелительного наклонения). Во 2-м лице мн. ч. повеление выражается аффиксом $=ыңар$.

Улузумну бар чыд=ыңар дээш, эжимге уткуштур чеде бедим (ОСО, 245).— Сказав своим, чтобы они шли (идите=вы), я пошел навстречу другу; *Кадай-биле кезек чугаалажып ора, чанайн деп баарымга, угбаңарны аалыңга чедирип кааш кел=инер дээш, мензэ ийи уруун эдертип берди* (Сам., 38).— Поговорив некоторое время со старухой, после того как я собралась идти домой, двум своим дочерям разрешила проводить меня, сказав проводить сестру до дома.

Особую группу представляют темпоральные конструкции с семантикой общей временной соотнесенности. Своеобразие конструкций этого типа состоит в том, что передается это значение с помощью форм

имен со значением 'время': *шаанда (шагда), үемде (үеде), өйүнде (өйде)*. Эти своеобразные послелого не оторвались еще окончательно от именных основ: потенциальная позиция притяжания — морфологический признак служебных имен — может оставаться пустой. Сочетаются указанные послелого не с одной, а с несколькими формами зависимых сказуемых. Чередование причастных форм оказывает влияние на семантику ППК: внутри одного семантического типа — темпорального — это значение дифференцируется.

Модель $T_v = \text{баан} = \emptyset \text{ шаа} // = \text{да}$ 'пока не':

Оларның ишти-даштынга чиңгине арыглашыкын кылдырт=па=ан шаа=м=да амыраваc мен (УХ-61, 7). — Пока я не проведу среди них настоящую чистку, я не успокоюсь; *«Силер кулугурларны аткылап каавыт=па=ан шаа=м=да» деп кыжсангаш.* — «Не оставляю вас, плуты, пока не пристрелю», — так угрожая... (Там., 58); *Бызааларның ижин ыжыгы чүден болганын тодарат=па=ан шаа=н=да, суурже чанарын бодаан ажыгы чок деп, Ногаан-оолдуң негелдези ындыг (УХ-61, 47)*. — Пока не узнаешь, отчего у телят животы разболелись, даже нечего и думать ехать в село домой — таково требование Ногаан-оола.

Здесь передано значение начального предела во времени. Показатели грамматического лица принимает на себя служебное имя.

Модель $T_v = \text{ар} = \emptyset \text{ шаа} // = \text{да}$ 'в то время, когда':

По этой модели строятся фразы со значением одновременности:

Мен аныяк-даа, күш-шыдалдыг-даа, ажыл-ишчи-даа чору=ур шаа=м=да чүве ийин ол (Там., 141). — Это было тогда, когда я был молодым, сильным, работающей.

Модель $T_v = \text{ган} = \emptyset \text{ шагында}$ 'в то время, когда':

Сургуулдар айыт=кан шагында, чангыс кижии дег турар чурумче ишлчээн. — Ученики в назначенное время выстроились в одну шеренгу.

Модель Чогум шаанда 'когда не было':

Чог=ум шаанда, бистин-даа мурнувуста эрги Тыва үезинде херэ-эжсен кижини кандыг-даа тура-сорук деп чүве барымдаалавас тудуп бериптер чүве дээн (Там., 226). — Говорили, что раньше, когда нас еще не было, в старой Туве женщину выдавали (замуж) без всякого желания.

Модель $T_v = \text{ган} = \emptyset \text{ үе} // = \text{де}$ 'в то время, когда':

Кежээликтей апарганда, чугаалаш=кан үе=вис=те Чучак арга иштинден аяр бакылап үнүп келди (Там., 229). — Вечером, в то время, когда мы договорились, Чучак вышел тихонько из леса; *Алышкылар чанып кел=ген үе=де, араттар тараа тарыыр дишкен, кидин-не үрезинин сурглашкан турганнар.* — В то время, когда братья приехали домой, ара-ты собрались сеять, искали семена.

Модель $T_v = \text{ар} = \emptyset \text{ үе} // = \text{де}$ 'в то время, когда':

Чучакка баргаш, чазын хар агын тур=ар үе=де божуур ужурлуг апарган мен (Там., 234). — К Чучаку придя, в то время когда таял весенний снег, родить должна была я; *Мен ол аалга кадарчылап кел=ген үе=м=де черле ындыг чүве болбаан (Там., 228)*. — В то время, когда я работал пастухом в этом аале, такого вовсе не было (ср.: *удуп чыдар үеде* 'в то время, когда ты спал').

Модель $T_v = \text{ар} = \emptyset \text{ өй} // = \text{де}$ 'пока, в то время, пока':

Өөренип тур=ар өй=үм=де маңаа чурттаар мен. — Пока я учусь, я буду жить здесь.

Формально все эти конструкции определительные, построенные по схеме изафета. Определяемым здесь является служебное имя, которое замыкает ЗПЕ и получает соответствующее личное оформление.

Итак, как показали наблюдения, одни послелого обнаруживают тенденцию сочетаться с какой-то одной формой тувинских причастий, другие — с двумя.

II. Не оказывает существенного влияния на семантику конструкции варьирование падежно не оформленных причастий с послелогоми и служебными именами темпоральной семантики и семантики обусловленности. Вероятно, это варианты одной модели, передающие одинаковые значения.

Модель $T_v = \text{ган} = \emptyset \text{ саны} // = \text{да-ла}$; $T_v = \text{ар} = \emptyset \text{ сан} // \text{да-ла}$ 'всякий раз, как':

Ол хевээр Кежиккей Кызыл чокта=ан саны=н=да-ла, баш таарар Оксананы ойбастай берген. — Кежикей всякий раз, как придет в Кызыл, не проходил мимо Оксаны; *Оон өөреникчилери бистер ам ужуражы бер=ген саны=выс=та-ла, ынак башкывысты сакты бээр бис.* — Мы, его ученики, всякий раз, как встречаемся, вспоминаем любимого учителя. Ср.: *Оглумга тоол ыдып бэ=эр сан=ым=да-ла, ургүлчү-ле чаш чорааным сактып кээр мен.* — Всякий раз, как я рассказываю сыну сказки, я вспоминаю свое детство (пример с причастием будущего на =ар).

Модель $T_v = \text{ган} = \emptyset \text{ аразында}$ 'пока':

Ол ынчаандыр боданып тур=ган=ым аразында, авам, угбам ажыт кирген, соондан бурт дээш ол-ла дораан чеде бердим (СТ, 22). — Пока я думал, мать и сестра стали скрываться из виду, я побежал и скоро их догнал.

Модель $T_v = \text{ар} = \emptyset \text{ аразында}$ 'пока':

Тактан-Маадыр үне бэ=эр аразында аныяк шериглерниң бирээзи айтырды... (СТ, 171) — Пока Тактан-Маадыр (не) вышел, один из молодых солдат спросил...; *Эртен даң бажында тура халааш, улус шай хайындырып тур=ар аразында, дүүн бөрү боолап турган черивиске*

чугурун чехе бердим (СТ, 204).— Проснувшись рано утром, пока люди варили чай, я прибежал на наше место, где ночью стреляли волков; *Суг чылып тур=ар аразында, бир адыш дусту шааладыр каапкаш, оон сонда бичежсек согаашка шайын хоюдур сооктааш, хөөрөксеп олурган сугже каавыттым* (СТ, 184).— Пока кипит вода, высыпаю горсть соли, потом в ступке толку чай, в кипящую воду высыпаю.

Конструкции обусловленности с послелогом *болгаш*, служебными именами *харазында*, *боорга* тоже сочетаются с разными формами причастий, и это закономерно, поскольку в причинных конструкциях время зависимой части непосредственно не обусловлено действием главной части, в отличие от временных конструкций.

Модель T_v =прч=в болгаш 'так как':

Ылчаарда араттар быдаргай чурттап чора=ан болгаш, кижилернин оолче хайлыр харын чок (Там., 68).— Так как в то время араты жили разрозненно, парно от людей нет ответа; *Чучак-черни эки бил=ир болгаш, хамык хонаштарны бир кылдыр эргээн* (Там., 236).— Так как Чучак хорошо знал местность, все стойбища по очереди обошел. Ср. также: *сен кайнаар-даа барбас болгаш* 'так как ты куда не ходишь'.

Модель T_v =ар=в хире!/де 'хотя':

Чаа-ла ийи хар чедип тур=ар хире=зин=де уругнуң шовааланы, семис-сумузу аажок (ОСО, 233).— Хотя ей только исполнилось два года, она очень живая, упитанная; *Элден-ле чүве-өгленип тур=ар хире=м=де, сени чоктаар* (АД, 32).— Странно, хоть я и женюсь, тоскую по тебе.

Причастие на =ар передает значение одновременности, называя состояние, характерное в настоящее время для субъекта действия.

Модель T_v =ган=в хире!/де:

Причастие на =ган выражает следование:

Сөөлгү үеде Дыңгылаа биле Василийнин бараанын каш-даа катан көр=ген хире=м=де, оларже чоокиулап шыдавас, харын оюп эртер, көрбээчечинээр турган мен (ОСО, 269).— Хотя в последнее время я несколько раз видел вместе Дангылаа с Василием, (я) не мог приблизиться к ним, даже стал обходить, делая вид, что не вижу.

Приведем примеры с отрицательными формами зависимого сказуемого в этих конструкциях.

Биске кым-даа команда бер=бэ=эн хире=зин=де-ле, «ураалап» алыгырышкан турган бис.— Хотя нам никто команду не давал, мы кричали «ура» (отрицательная форма причастия на =ган (=баан); *Шутов биле Азыра ийи тандының аңын аңнап үнерде ындыг кончуг хынаттының дөгөрин=мес хире=де, бодунуң кожазын «аңнаар» дээш кайы хире серемчелиг белеткенип турарлар-дыр чээ?* (Там., 149).— Шутов и Азыра (двое), когда идут на охоту в тайгу, хотя готовятся, но не так тщательно,

(как если бы) идти на охоту на соседа, вот как готовятся; *Боду база ындыг шаг чок хире=де, ыдының чигин Чүрек-кадай кайгаан, дуктуг хан-ла* (Дунзаа, 42).— Хотя у самой не было силы, бабушка Чүрек удилась легкости своей собаки (легкой, как мешок с пухом).

Ряд конструкций с семантикой обусловленности формируется сочетанием причастий прошедшего времени на =ган и =ар с послелогом *ужур* 'суть, смысл, причина'. Показатели грамматического лица принимает на себя служебное имя. Здесь возможны две модели: с родительным падежом причастия и с падежно не оформленным причастием.

Модель T_v =ган=в ужур// 'из-за':

Маңаа кел=ген ужур=ум, өөренип алыр дээн кижини мен, бодалым ол (СТ, 216).— Причина, из-за которой я сюда приехал,— я приехал, чтобы учиться, вот о чем я думаю.

III. Третью подгруппу представляют ППК, в которых возможно варьирование падежно оформленных причастий. Это конструкции темпоральной семантики. Выше мы уже говорили, что более строгая закреплённость послелога за формой причастия наблюдается в сфере темпоральных конструкций, хотя и здесь возможны сочетания с несколькими формами. Так, например, послелог *бээр* употребляется преимущественно с формой на =ган, передавая отношения следования во времени 'с тех пор как'. В гораздо более редких сочетаниях с формой на =ар он передает иную семантику — 'до тех пор': меняется точка отсчета в ориентации действия зависимой ПЕ на момент главного действия.

Модель T_v =ган!/дан бээр 'с тех пор':

Ижээнде адыгга таварыш=кан=ын=дан бээр элээн хонук эрте берген (Д., ЧЧ, 7).— Прошло много дней с тех пор, как встретились медведи в берлоге.

Здесь притяжательный показатель 3-го л. =ын. Но он может и отсутствовать:

Шакты анаа тургус=кан=дан бээр чүс чыл ашкан (БХ, 87).— С тех пор, как там поставили часы, прошло сто лет.

С причастием на =ар формируются ППК только с нулевым оформлением причастного предиката в 3-м л.

Модель T_v =ар!/дан бээр 'до того, как':

Чай дүж=ер=ден бээр, тудуувус доозар бис.— До того как наступит лето, мы закончим стройку.

IV. Четвертую подгруппу составляют ППК с варьирующими причастиями при послелогах. Модели таких ППК являются вариантами рассмотренных выше моделей с падежно не оформленными причастиями. Здесь возможно оформление причастия аффиксом родительного падежа

-ный. Но появление падежного показателя не вносит изменения в семантику конструкции.

Модель T_v =ган/!=ный ужур/! 'почему':

Ачазының чүге ынча дэ=эн=и=ниң ужур=ун бертен херекке албаан, барык-ла кулак дашты-биле эрттирипкен (Ак, 118).— Сегодня утром он не придал значения тому, почему отец так сказал, почти пропустил мимо ушей.

Модель T_v =ар/!=ный ужур/! 'почему':

Силерниң мээң дугайымда мынчаар сагыш човап тур=ар=ыңар=нын ужур=ун арай-ла угаан шыдавайн турар кижидир мен, өңнүктөр (ОСО, 273).— Я не могу понять, почему вы так проявляете заботу обо мне, друзья.

Варьирование причастных форм при послелого *ужур*, как видим, существенных изменений в семантику фразы не вносит. Как мы могли убедиться, постоянным и обязательным является посессивный показатель грамматического лица у служебного компонента *ужур*. Это промежуточная, переходная стадия от полнозначного существительного в разряд служебных имен. Ср.: *Ооң амырап тур=ар=ы=нын ужур=у база-ла билдингир* (Сур., 44, 58).— Причина того, что он радуется, тоже ясна.

Здесь *ужуру* служебным словом не является.

Типичным для конструкций со служебными именами является сочетание с причастиями по модели третьего изафета: причастие оформлено как показателем грамматического лица, так и аффиксом родительного падежа, служебное имя оформляется посессивным аффиксом 3-го л. =ы.

Амыргалаарның кабинеттен үнүп чору=ур=у=нуң мурну=н=да, секретарь сезиктиг кижилерниң бажыңнары суурнуң кандыг черинде турарын, ылангыя Исаак Шутовтун бажының ылавылаан (Там., 83).— Перед тем как Амыргалар собрался уйти из кабинета, секретарь уточнил, в каком месте деревни стоят дома подозреваемых людей, особенно дом Исаака Шутова; *Кежээки одарда аңнап үнүпт=ер=и=ниң мурну=н=да Амыргалаар өөрүнге чугаалаан* (Там., 76).— С наступлением вечера, прежде чем идти на охоту, Амыргалар сказал друзьям; *Бо черге хайгыылчылап ажылдап кэ=эр=им=ниң мурну=н=да-ла, староверлер биле кержактарның дугайын орус эш-өөрден билит алган чораан мен* (Там., 120).— Перед тем как ехать сюда работать лесником, о староверах и кержаках от русских товарищей узнал я.

Обратим внимание на последний пример. Здесь субъект зависимого действия выражен показателем 1-го л. =им: *кэ=эр=имниң мурну=н=да-ла* 'перед тем как ехать=я сюда',— в его первом компоненте

— причастном. Служебное имя *мурну=н=да* содержит в своем составе показатель 3-го л. Типичная схема изафета.

Возможно другое проявление изафетного оформления компонентов показателями грамматического лица.

Силерниң мээң чугаалап тур=ган=ым=дан аңгы кылган ужур=уңар=дан, айыыл болду.— Из-за того, что вы не сделали так, как я говорил, вышла беда.

Здесь служебное имя *ужур=уңар=дан* имеет показатель 2-го л. мн. ч. =ыңар. Субъект зависимого действия выражен личным местоимением 2-го л. мн. ч. *силер=ниң* в родительном падеже. Такое выражение субъекта можно объяснить особенностями конструкции, в которой он реализуется. Формально это трехчленная определительная конструкция [Поцелуевский 1967, 5], в составе которой субстантивное имя в родительном падеже (*силерниң*), затем причастие (*кылган*) и субстантивное слово (определяемое), оформленное соответствующим аффиксом принадлежности (*ужур=уңар=дан*). Внутри этого трехчлена причастие сочетается со служебным именем по схеме 2-го изафета: причастие не имеет аффикса родительного падежа, а служебное имя оформлено показателем грамматического лица, соответствующего субъекту действия.

Итак, послелоги и служебные имена тувинского языка, сочетаясь с инфинитивными формами, формируют аналитико-синтетические конструкции сказуемого зависимой ПЕ. При этом «набор» таких форм у разных послелогов различен. Более строгая закрепленность послелога за формой причастия наблюдается в сфере темпоральных конструкций, хотя и здесь возможны сочетания с несколькими формами.

Сочетаясь только с формой прошедшего времени на =ган, послелоги способны передавать темпоральные и причинные отношения между двумя событиями; послелоги, сочетающиеся только с формой будущего времени на =ар, выражают темпоральные и целевые отношения. Послелоги, допускающие варьирование временных форм, передают другой тип семантических отношений, который можно обобщенно назвать «сравнительно-сопоставительные отношения». Некоторые типы отношений обусловленности: уступительные, условные, а также ограничительные отношения выражаются причастно-послеложными конструкциями, в которых тоже возможно варьирование причастных форм при одном послелого. Кроме того, в рамках одного функционального блока (например, временные ППК) варьирование форм на =ган и на =ар с одним и тем же послелогом влечет за собой изменения в семантике передаваемых отношений (ср. послелог *бээр*). Изменение в семантике связано и с употреблением служебного имени *шаанда* с формой на =ар 'в то

время, когда'. Типичным для этого послелога является сочетание с отрицательной формой причастия прошедшего времени на =ган (=баан) шаанда 'пока не'. Сочетанием же причинных послелогов с формой на =ар передается другой семантический тип отношений — целевые отношения.

Выявленные возможности сочетаний причастий с послелогом представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2.

Возможные модели варьирования причастных форм, изменяющих смысл конструкции

Посл. Прич.	Послелог		Служебное имя		
=ар	-	бурунгаар үеде өйде мурнуу чарында	аразында шаанда санында-ла дургузунда	-	Смысл не изменяется
	-биле дээш төлээде	бээр -биле	-	-	Смысл изменяется
=ган	-биле дээш төлээде	бээр	-	-	Смысл изменяется
	-	бурунгаар үеде өйде мурнуу чарында	аразында шаанда санында-ла дургузунда	-	Смысл не изменяется
	Причина/цель	Время		Причина/цель	

Курсивом выделены целевое и временное значения, жирным выделены причинное и временное значения.

Таблица 3.

Возможные модели сочетания послелогов с фиксированными причастиями

Посл. Прич.	Послелог		Служебное имя		
=ар	кылдыр дизе талазы-биле	-	бетинде мурнунда бертинде чедир	орнунга	Фиксированная форма причастия
	эртин хире дег ышкаш аңгыда өске башка	-	хирезинде	-	Варьирование форм причастия
=ган	ужун улам, ужуру боорга дөмей бугаар	дораан соон дарый эрте олчаан соңгаар, оя-ар, билек, орта, тудум	соонда сөөлүндө	ужурунда харазында уламында	Фиксированная форма причастия
	Причина/срав-сопостав.	Время		Причина/срав-сопостав	

Курсивом выделены сравнительно-сопоставительные значения.

3.3. ППК с формами условного и предельного наклонений в роли сказуемого зависимой части

Условное наклонение. В функции сказуемого зависимой части выступает форма на =са, которую грамматическая традиция оценивает неоднозначно [Щербак 1976, 13–21]. Одни авторы называют ее условно-временным наклонением, другие — деепричастием. В ДТС [1969, 661] форма на =а (>=са) названа финитной формой со значениями

1) причинной обусловленности, 2) временной обусловленности, 3) долженствования, 4) уступки, функционирующей в роли сказуемого придаточного предложения (передавая значения 1, 2, 4). Авторы словаря отмечают возможность ее употребления с аффиксами лица или без них. Существует также точка зрения, авторы которой считают, что форма на =са (*а) по происхождению является причастием на =r [Баскаков 1953, 53; Рассадин 1978, 227].

Тувинская форма условного наклонения на =са формально и содержательно отличается от аналогичной формы других тюркских языков. Ее формальное своеобразие заключается в специфическом двойном аффиксальном оформлении: кроме внутреннего аффикса, который предшествует личным аффиксам, в 1-м и 2-м л. появляется внешний аффикс условности [Сат 1968, 236–241], который занимает позицию после аффикса грамматического лица: *кел=зи=м=зе*, *кел=зи=ң=зе* (но: *кел=зе=∅*).

Данная форма является результатом стяжения аналитической конструкции =дым *изе*, =дын *изе* [Сат 1968, 239]. Здесь первый компонент — форма прошедшего категорического на =ды с показателем грамматического лица: =м, =ң. Второй компонент — =за, =зе — «результат фонетического развития условной формы древнего глагола и- ‘быть’: (<*=зым *изе* <=*дым *изе*)» [Рассадин 1978, 230].

Личный компонент =м в составе формы *зы=м=за* может описываться как пример «аффиксальной инфиксации» [Плунгян 2000, 97].

Форма на =са в тувинском языке — последовательно спрягаемая. Система спряжения этой формы морфологически совпадает со спряжением формы прошедшего категорического времени на =ды. Спрягаясь, форма на =ды оформляется морфологическими показателями «второго типа»: *кел=ди=м*, *кел=ди=ң*, *кел=ди=∅*, т. е. принимает в 1-м и 2-м л. показатели, материально совпадающие с притяжательными аффиксами, а в 3-м л. имеет последовательное нулевое оформление. Изменение формы на =ды по лицам представляет собой типичное спряжение индикатива, которое противостоит притяжательному оформлению имен и причастий с обязательным аффиксом -и/-ы в 3-м л. Аналогичным образом спрягается и форма условного наклонения на =са: основа глагола оформляется аффиксами, материально совпадающими с притяжательными для 1-го и 2-го л., а в 3-м л. — нулевое личное оформление. В том, что форма на =са спрягается по той же модели, что и финитная форма на =ды, состоит главная особенность, отличающая ее от тюркских деепричастий. Деепричастия в тюркологии определяются как формы не спрягаемые.

Однако факт спрягаемости формы на =са не может стать препятствием для «квалификации данной формы как условного деепричастия» [Структурные 59]. Тем более, что не только в эвенкийском, бурятском языках фиксируются спрягаемые формы условного деепричастия, но спрягаемые деепричастия есть и в тюркских языках (якут., алт. *ганча*, туркм. *йанча* и др.). Поскольку главная функция формы на =са — выражение подчинительных отношений в составе СП, постольку мы считаем возможным рассматривать ее в ряду деепричастных форм, «особых» форм деепричастного типа.

Для формы на =са/=за очень характерно сочетание с формой будущего времени. Но в этом случае как раз труднее всего различить, когда конструкция имеет именно временное значение, а не условное.

Для редких случаев употребления формы на =са в темпоральном значении мы отмечаем такие «приметы», как наличие временного наречия *кажсан* ‘когда’, лексические конкретизаторы *ам* ‘теперь, сейчас’, которые не позволяют исключить возможность трактовки фразы как временной:

Кажсан изиг хуннер кел=зе, ынчан эитип киринтер бис. — Когда наступают жаркие дни, тогда мы начнем купаться (темпоральная семантика); *Хар бичии-ле эриге бер=зе, аннап киринтер бис.* — Когда (если) немного оттает снег, мы пойдем на охоту (недифференцированная семантика); *Чагс ам чок бол=за, агаарлап чоруулунар.* — Если сейчас не будет дождя, пойдем гулять (условная семантика).

Основное значение формы на =са в тувинском языке — условное.

Модель (Т_v=са//за) (ГПЕ):

Кызылга чеде бер=зи=м=зе, сенээ барып болур мен бе? — Если приеду в Кызыл, можно к тебе пойти?; *Таптыг чурттаарын кузе=зи=ң=зе, мээң бо сөстөрүмни утпа...* (АД, 66) — Если ты захочешь жить хорошо, не забывай мои слова; *Моон сонгаар база катап хомудал бижий бер=зе, чогуур хемчээн алгай-ла бис* (ДС, 50). — Если в дальнейшем еще раз напишет жалобу, примем соответствующие меры; *Бир эвес ам база чөңгээлеп кел=зе, арткан чаңгыс будунуң чодазын сый шаап каар мен оон!* (ДС, 33) — Если сейчас еще начнет приставать, то сломаю еще одну оставшуюся ногу его.

В этих предложениях форма на =са выражает гипотетическую обусловленность. Зависимая часть выражает условие, от которого зависит осуществление действия, обозначенного в главной части. Событие главной ПЕ предстает как ожидаемое, обычно в ближайшем будущем. Произойдет ли это событие зависит от того, осуществится ли событие, названное в зависимой ПЕ.

В главной ПЕ может быть форма прошедшего времени на =ган:

Салааннарнын холунга кире бер=зе, демги ак сеткилдиг кижилерни ат кыл=ган=ы ол.— Если попали в руки беляков (солдат), то пропали все те честные, добрые люди.

Условные отношения передаются в тувинском языке именными формами в сочетании с вспомогательным глаголом бол=. В позиции знаменательного компонента сказуемого ЗПЕ встречаются имена наличия/отсутствия бар/чок; качества и количества — эки, хой, ас; имена прилагательные на -лыг; имена существительные.

Модель N бол=за:

Шынап-ла, Сайлык деп сөг чок бол=за, Сайлыкмаа деп ат кайын үнер деп (Ак, 5).— В самом деле, если нет слова Сайлык, откуда появится имя Сайлыкмаа; Бир эвес айтырыг бар бол=за, менээ дүне-даа болза кээп турунар (ДС, 93).— Если будут вопросы, приходите ко мне хоть ночью; Бир эвес чайлыг бол=за, ол куданың хамык шууделдерин боду аайлап-баштап кириттеринге безин белен (ДС, 151).— Если будет свободное время, он даже сам готов уладить все расходы по свадьбе.

Широко используются аналитические конструкции сказуемого ЗПЕ, где болза сочетается уже не с именами в предикативном употреблении, а с формами причастия на =ган и на =ар и их отрицательными парами.

Модель T_v=прч. бол=зу//за:

Эх, шериг чоруур деп барба=ан бол=зу=м=за, мен, шынап-ла, алдын казып ажылдар ийик мен-деп, ол арай хомудай аарак чугаалаан (ЕТ, 84).— Эх, если бы не идти в армию, я бы действительно пошел работать, добывать золото, так сказал, немного сожалел; Аьдынга камныг, эжинге эргелиг болуру эр кижиниң эки мөзүлүг дээрзин хаайың кырынга керттип ал=бас бол=зу=н=за, талаар деп бил (ЕТ, 59).— Будет плохо, если не зарубишь себе на носу, что самое лучшее свойство мужчины — это бережность к коню своему и нежность (доброта) к другу своему; Чайын кел=ир бол=зу=н=за, бодун караң-биле көөр сен ыйнаан (ЕТ, 101).— Если летом приедешь, сам увидишь ты, своими (собственными) глазами.

Модель T_v=са-ла:

Мы отмечаем два основных значения формы на =са-ла в зависимости от временной формы сказуемого главной ПЕ. Сказуемое главной ПЕ может быть выражено аналитической формой настоящего времени (=п олур), либо формой будущего времени на =ар:

Ыт ээре бер=зе-ле, аалче хой аьттыг улус шапкылажып олур.— Когда залает собака, (по-видимому, значит) к аалу скачут всадники.

Семантика зависимой ПЕ определяется нами как обычное, повторяющееся в расширенном настоящем действии. У таких фраз есть важная структурно-семантическая особенность. Она состоит в том, что ме-

жду придаточной и главной частью их обнаруживается пропущенное, но легко восстанавливаемое смысловое звено, которое можно представить с помощью логического предиката 'значит, следовательно'. Во фразах, построенных по модели =са-ла, содержится указание на способ получения информации — эвиденциальность [Мельчук 1998; Козинцева 1994]. Говорящий делает логический вывод, приходит к заключению, основываясь на фактах, знании, собственном опыте.

Сказуемое главной ПЕ может иметь форму прошедшего времени, а потому оба события отнесены к абсолютному временному плану прошлого. Здесь между придаточной и главной частью обнаруживается пропущенное смысловое звено, которое можно представить с помощью предиката көр= 'смотреть'. Это опущенное звено является (являлось бы) главной частью по отношению к придаточной. Предикативная единица, которая на самом деле заканчивает предложение, описывает то событие, которое неожиданно открылось, когда совершилось зависимое событие. Естественно, что это придаточное должно в качестве субъекта действия иметь человека, способного видеть и оценивать увиденное:

Бир эжик ажыттынган дег бол=за-даа, ханазы көрүнчүк бичежек өрээлче улус шуужуп кире берди (УХ-55, 46).— Когда открылась какая-то дверь, (оказалось) люди зашли в маленькую комнату, стены которой были сплошь зеркальные; Аалга киир шаап кел=зе-ле, сумунуд арөвэ организацианың секретары Даржай (ЕТ, 59).— Когда прискакал в аал на коне, (оказалось) это Даржай — секретарь организации арөвэ сумона; Кел=зе-ле, уруун ушкарган Хаяжык (ЕТ, 75).— Когда приехал, (оказалось) это Хаяжык, посадивший сзади себя на коне дочку; Хенертен дирс-дарс ди=зе-ле, снарядтар ында-мында частып эгелээн (ЕТ, 136).— Вдруг раздался треск, (оказалось) снаряды там и сям начали взрываться.

Таким образом, рамочной конструкцией — форма на =са-ла в зависимой ПЕ и форма прошедшего времени в главной ПЕ — передается ментальная реакция говорящего на событие, выражается его оценка, удивление (событие оказалось для говорящего неожиданным). Эта форма является одним из средств выражения адмиратива [Мельчук 1998, 198] в тувинском языке.

Итак, если говорящий является непосредственным наблюдателем и событие для него оказывается неожиданным, то форма на =са-ла передает значение эвиденциальности и одновременно адмиратива. Если же источник информации — внешний (опыт, знания и т. п.), то значение несоответствия ожиданиям отсутствует, акцентируется источник получения информации (эвиденциальность). Важно подчеркнуть, что выра-

жаются эти значения рамочной конструкцией: формой на =са-ла в ЗПЕ и временной формой сказуемого в ГПЕ.

Предельное наклонение. Эту форму можно отнести к группе деепричастий, назвав ее деепричастием предела, на том же основании, что и форму на =са. В тувиноведении форма на =гыже впервые была описана Ш. Ч. Сатом [1955, 698] и названа формой предельного наклонения. В дальнейших исследованиях 60-х годов форма на =гыже описывается и квалифицируется как деепричастие. К. Менгес определил эту форму как терминативный герундий [1959, 653]. Г. Ф. Бабушкин называл форму на =гыже вторичным деепричастием предела [1959, 102]. Как деепричастие рассматривает форму на =кыша В. И. Рассадин в близкородственном тувинскому — тофском языке [1978, 179]. Авторы Грамматики тувинского языка [1961, 404] вернулись к предложенной Ш. Ч. Сатом трактовке формы на =гыже как предельного наклонения.

Парадигма спряжения формы на =гыже сходна с парадигмой спряжения формы на =са. Форма на =гыже тоже спрягается с помощью внешнего аффикса, который появляется только в 1-м и 2-м л.: кел=гыже=м=че, кел=гыже=н=че, но: кел=гыже.

Тот факт, что бывший падежный аффикс (=же) стал уже органической частью единого показателя данной формы, делает ее принципиально сопоставимой с деепричастиями, которые тоже употребляются в функции сказуемого зависимой части. Например, деепричастие на =гаиш, которое в тувинском способно принимать падежные аффиксы.

В тюркских языках бытует форма, сопоставимая с тувинской формой =гыже. Это древнетюркская форма «деепричастия относительного последующего действия со значением: 1) предела, 2) противительного сопоставления на *gānčā* [ДТС, 653]. Деепричастие на =ганча в сибирских тюркских языках полифункционально. Эта форма употребляется в конструкциях со значением сравнения, предельной степени, замещения, времени. Анализируемая тувинская форма, несмотря на то, что употребляется реже, чем форма на =ганча в других языках, тем не менее обнаруживает способность передавать некоторые из названных значений.

Приведем примеры употребления формы на =гыже в конструкциях замещения (сопоставления-замещения) 'чем... лучше':

Модель Т_v =гыже (Т_v =гыже...дээрэ) 'чем':

Аванның келирин мана=аже, бодуң ыяштан чаргаиш, печканы одап-сынза. — Чем ждать, пока мать придет, ты бы сам нарубил дров да затопил печку; *Ой, эй деп олур=гуже, айыылдан канчап адырлып алырын боданганы дээрэ.* — Чем охать да ахать, лучше подумаем, как выйти из беды.

Этой модели с формой =гыже синонимична модель причастно-последующего типа *Tv=ap//!=ның орнунга* 'вместо того, чтобы', которая распространена довольно широко в языке и вытесняет =гыже из этой сферы семантики.

Основная сфера употребления формы на =гыже — темпоральные конструкции. Здесь она может передавать два значения: 1) предел действия в будущем и 2) отношения ограничительной одновременности.

Модель (Т_v =гыже//=де) (ГПЕ) 'пока, в то время, пока':

Сен кезип тур=гуже=н=де, мен чем ап чордум. — Пока ты косил, я ходил за обедом; *Мен ажылга тур=гуже=м=де, уруглары бажыңга боттары турган.* — Пока я была на работе, дети сидели дома.

Однако самым регулярным значением формы на =гыже является значение предела действия в будущем.

Модель (Т_v =гыже) (ГПЕ) 'до тех пор, пока':

Имир дуи=куже, чоок-кавыны элээн аннап болур-дур (Тыва дыл, 103). — До наступления сумерек можно достаточно поохотиться поблизости; *...соок дуи=куже арткан каш хонукта бо арбанның улузун үжүк-бижикке уламчылап өөредир болуп дугуруштувус* (ШК, Б, 92). — До тех пор, пока наступят морозы, мы договорились продолжать обучать грамоте людей этого арбана; *Өөрүвүс кел=гыже маңаа ыяап ызырныр ужурлуг бис* (ЕТ, 152). — До тех пор, пока придут наши друзья, мы должны непременно удержаться здесь; *Дыка чоокиулап кел=гыже, ашактарның одааның оду кыппас болган* (Там., 47). — Пока сильно не приблизились, старики не разожгли огонь очага.

На базе этого основного для тувинского языка значения предела действия в будущем развилось значение предельной степени, меры, до которой простирается данное действие. Т. е. внутри предела действия происходит переход временного значения (конечный предел) в значение качества.

Модель (Т_v =гыже) (ГПЕ) 'до такой степени, что':

...чайгавайн салыттарымга, мырынай-ла кулаам чарыл=гыже кышкырып-ла үнген (СС, А, 31). — ...когда я перестал качать, он завопил до такой степени, что в ушах зазвенело; *Кежи өрттени бээринден кортпас болза, дашты быш=кыже быжырып болур ыйнаан* (СС, А, 119). — Если не боится, что сгорит кожа, можно печь до тех пор, пока испечется верхняя часть.

Эту семантику передает форма на =гыже (ср. тофск. =кыша).

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует в пользу трактовки формы на =гыже как деепричастия. Но все же функции ее в тувинском значительно сужены по сравнению с функцией =ганча в других языках. Несмотря на то, что тувинская форма на =гыже может переда-

вать почти все значения, свойственные деепричастию на =ганча, основная функция этой формы — выражать предельные отношения между событиями. Этим в известном смысле оправдывается трактовка этой формы как предельного наклонения. Специфика спряжения этой формы, наличие внутренних и внешних аффиксов сближает ее с условным наклонением на =са. Обе эти формы «принадлежат общему деепричастному типу, однако занимают в нем особое место» [Структурные, 60].

Кроме того, что, спрягаясь, форма на =гыже получает внешние аффиксы направительного и дательного падежей (в диалектах — местного и исходного), она употребляется с послелогом чедир 'до', который усиливает семантику предела данной формы.

Модель T_v=гыже//ге чедир 'до тех пор, пока':

Мен ыяштан дүже бер=гыже=м=ге чедир, авам мени чайлы бээр дээш коргун турган. — Пока я не слез с дерева, мать боялась, что я упаду; *Кежээ дүш=күже чедир ол чүнү кылбаан дээр* (ЕТ, 06). — До тех пор, пока наступил вечер (до вечера), он чего только не сделал; ... *ында Абакандан келген машиналарже олуруп=күже чедир-ле дайынчыларның кулаанга күчүлүг ыр дыңналып турган* (ЕТ, 125). — ...там, до тех пор, пока сели в машины приехавшие из Абакана, до ушей военных доносились могучая песня (слышалась песня); *Каа-Хем бо ак мөнгүзүг каа-сталгазындан адырыл=гыже чедир ийи хондур манаар ужур менээ таварышкан* (Там., 165). — До тех пор, пока Каа-Хем освободился от своего белого серебристого наряда, мне пришлось ждать еще два дня.

Наряду с положительной формой на =гыже встречается отрицательная =ба=аже. Существенных отличий в семантике, а также структурных особенностей фразы, где встречается эта форма, нам обнаружить не удалось. Отрицание в одной из частей СП или в обеих одновременно возможно с формой на =ба=аже. С формой на =гыже также возможно отрицание в главной ПЕ:

Мен бодум одун=ма=аже мени оттурба. — Не буди меня, пока сам не проснусь. Ср.: *Мен бодум оттуп кел=гыже=м=че, мени оттурба.* — пока сам проснусь; *Анаа белек бер=бэ=эже кайын боор ийин* (ОСО, 198). — До тех пор, пока ему не подарим подарок, нельзя же так; *Ынчангаш Чараштааның авазы Ичин-Хорлуң дүн-хүн чок иженип, чамдыкта харын ине көзүл=бэ=эже олургулаар* (ШК, Б, 73). — Поэтому мать Чарашты Ичин-Хорлу, день и ночь трудясь, иногда даже сидит (засиживается) до тех пор, пока в ушко иголки не попадает.

Для того, чтобы выразить синтаксическое отношение предела, форма на =гыже не обязательно должна иметь падежное оформление (внешние аффиксы падежей). Она способна передать эту семантику сама по себе, аналогично собственно деепричастным формам. Тогда как, напри-

мер, причастие на =ар, наоборот, без падежного аффикса не может выразить идею подчинения как такового — это во-первых; а во-вторых, без послелога чедир форма на =ар=га передает значение временной соотношенности. И только аналитический комплекс: причастие + лицо + падеж + послелог (T_v=ар//=га чедир) передает значение 'до тех пор пока'. Т. е. для причастных форм такое морфологическое поведение является единственно возможным. Независимо от того, 1-е, 2-е или 3-е л., конкретный падеж зависимого предиката обязательно должен быть выражен. Но также обязательно у причастно-падежного предиката должно быть выражено и лицо субъекта действия. В словоформе же падежные аффиксы следуют за аффиксами лица. Возможно, модель спряжения формы на =гыже и на =са можно интерпретировать как деепричастное спряжение, осуществляемое подобно причастному спряжению. А именно — появление внешнего аффикса, следующего за аффиксом лица. Тем более, что у формы на =гыже это действительно аффикс падежа (=га, =че и др.), а у формы на =са дублируется собственный показатель.

3.4. ППК с деепричастными формами глагола

В роли зависимого предиката активно используются инфинитные (неконечные) формы глагола. Эти формы противопоставляются финитным, конечным, обслуживающим сферу независимой предикации, которая реализуется в простом предложении, а также в зависимой части сложного предложения аналитического (союзного) типа. Неконечные сказуемые, представленные деепричастными формами, используются только в системе зависимой предикации.

Отличие от русских деепричастий, которые всегда ориентированы на субъект главной части и в современном русском языке в принципе не способны иметь собственное подлежащее, тувинские могут иметь свой собственный субъект действия, отличный от субъекта действия главной части. Т. е. это деепричастия, имеющие собственную субъектно-подлежащую валентность и формирующие разносубъектные конструкции.

Однако наряду с такими деепричастиями встречаются деепричастия, которые ориентированы преимущественно или исключительно на субъект главной части. Они формируют моносубъектные конструкции. Эти конструкции являются полипредикативными, но не сложными, а осложненными [Есенов 1983] моносубъектными. Их зависимая часть может быть определена как «специфическая предикативная единица» [Митрофаненкова 1973], которая не может функционировать как простое предложение.

Соответственно, первый конструктивный признак — это способность или неспособность тувинских деепричастий иметь собственную субъек-

ектно-подлежащую валентность. Мы выделяем разряд деепричастий, ориентированных на субъект главного действия: =пышаан, =а, — и деепричастия, допускающие как моносубъектные, так и разносубъектные фразы — вариативно-субъектные деепричастия =гаш, =кала, =найн, =п.

Моносубъектные деепричастные ППК: (T_v=дпр) (N₁ ↔ V_{пн}).

Сопроводительное деепричастие на =пышаан последовательно реализуется только в моносубъектных конструкциях. Отчетливо прослеживается причастное происхождение этой формы [ГТЯ, 336]:

Вера дыңзыды каттыр=бышаан, маңнап бар чору (СТ, 103).— Вера, громко смеясь (продолжала громко смеяться), бежит; Аьдын челис=пишаан, ырлап чор (СТ, 154).— Всадник, скача рысью, поет; Чылбак эжин тургузу тырт=пышаан девиден айтырган (ЕТ, 7).— Чылбак продолжал тянуть товарища так, чтобы встал на ноги, волнуясь, спросил; Ажылчыннар чайгы сезонга белеткен=мишаан, тудуг ажылын кылып турганнар (ЕТ, 97).— Рабочие, продолжая готовиться к летнему сезону, делали строительные работы.

Сравним очень редкий пример разносубъектной конструкции: Дашкалары ширээзінде шыңайндыр дагжа=вышаан, чырык имир дүжүп келген (ГТЯ, 339).— Светлые сумерки спустились, в то время как задранные кубки еще на столе.

Форма на =пышаан, определяемая в ГТЯ как деепричастие и действительно выступающая в этой функции, наряду с этим используется как полифункциональная форма. Она выступает как финитное и инфинитное сказуемое. Мы разводим формы деепричастного инфинитного сказуемого и причастного инфинитного сказуемого по характеру личного оформления. Тувинские деепричастия не оформляются личными показателями.

Бажында улус шөлзэн удув=вушаан, а ыракта даң хаялап орган (ШК, Б, 49).— Впереди люди продолжали спокойно спать, а дальняя заря озаряла.

Здесь =пышаан — финитная форма, замыкающая самостоятельную, законченную ПЕ в составе аналитического сложного предложения.

Шелде ажылда=вышаан=ым=ны канчап билдин. — Откуда ты узнал, что я продолжаю работать в поле?

Здесь =пышаан функционирует как имя действия, оформлено лично-притяжательными и падежным аффиксом (вин. п.).

Несмотря на морфологическую сложность этого деепричастия, это семантически четкая и простая конструкция, которая всегда выражает одновременность действий главной и зависимой части.

Слитное деепричастие на =а употребляется значительно реже других деепричастных форм в интересующей нас синтаксической роли. В

этой форме выступают вспомогательные глаголы в составе сложных глаголов (тур=а, чыд=а, ор=а). Знаменательный компонент принимает форму деепричастия на =п:

Байырлаж=ып тур=а, сарыг таакны, шай белекке бердилер (СТ, 117).— Когда попрощались, подарили желтого табаку и чаю; Ажылчын комитетинин даргазы чор=уп тур=а, оолдарга чугаалаан (ЕТ, 94).— Начальник рабочего комитета, уходя, сказал парням; Чылбак барагыңче чоокиула=п ор=а, ооң сонгалары чырып турарын база эскерип каан (ЕТ, 107).— Чылбак, приближаясь к бараку, тоже заметил, что его окна были освещены.

Вспомогательные глаголы тур=, олур=, чыт= вносят значение длительности, процессности совершаемого деепричастного действия, одновременно главному.

Комбинация синтаксического значения конечного сказуемого и значения глагольной формы, от которой образуется сложный глагол в форме на =а, может передавать и другие, не чисто временные отношения, а осложненные дополнительными оттенками семантики.

Н. Ф. Катанов указывал, что формой деепричастия на =а «обозначается следствие, цель или намерение, зависящее от главного глагола» [Катанов 1903, 850].

Сени көр=е аалга кирбедим.— Видя тебя, я не зашел в аал; Өгөдө кижжи долган=а олурду.— В юрте люди, сделав круг, уселись (сели кругом).

Хотя улавливаются указанные оттенки семантики с натяжкой.

Дезиг аьт ээргиледи=п тур=а хүндезим (ТРС, 623).— Я провел целый день, кружа за неуловимым конем.

Здесь на фоновую темпоральную семантику накладывается семантика обусловленности (по какой причине провел целый день, с какой целью). Предикат главной ПЕ хүнзээр 'проводить день, быть целый день где-либо' требует замещения обстоятельственной валентности — указания пункта направления действия, точнее, осуществления его.

Обычно же формой на =а передается просто факт синтаксической зависимости без определенных (конкретных) содержательных отношений между действиями. Сочетание же значений, как уже было сказано, в определенной мере и контекст, в сумме дают ту или иную семантику конструкции, формируемой этим деепричастием.

Отрицательное деепричастие на =найн. Деепричастие на =найн называют отрицательной парой слитного деепричастия на =а/=у [ГТЯ, 344]. Этимологически это так, но семантические функции этой формы не вполне параллельны функциям положительной формы. Функционально это деепричастие соотносится с целым рядом деепричастий: =п, =гаш, =а.

В качестве зависимого сказуемого форма на =*пайн* используется в моносубъектных ППК широкой, слабо дифференцированной семантики с базовым значением одновременности события главной части и отсутствия зависимого события. Когда происходит одно, другое не происходит:

Чугле баглааш карак шим=*мейн*, коданны долгандыр харап турган (ШК, Б, 86).— Только коновязь глаз не закрывала, вокруг двора смотрела; Чуу болганын айын тып=*пайн*, караам чара керуңкен тур мен (СТ, 100).— Не понимая, в чем дело, я стоял, широко раскрыв глаза (одновременность); Черге хем=*мейн*, кырындан даи-биле базырып каан бис (СТ, 135).— Не зарывая (ее) в землю, сверху камнями укрыли мы; Чадырже шала кирип чоруй, амыр-менди безин айтыр=*байн*, эжик аксынга тура-ла чугаалай бердим (СТ, 151).— Еще не войдя в юрту и не поздоровавшись, я уже затараторил у входа.

В приведенных примерах деепричастное действие представляет фоновое событие, которое определяет характер протекания главного действия. Оно (деепричастное действие) имеет определенную соотносительность с главным действием: в одних случаях два действия представлены как одновременные, в других — главное следует за зависимым. Но основное значение, которое принимает эта форма, все же то, что она обуславливает собою особенность протекания главного действия: не просто стоял, а «не понимая, не разбираясь в чем дело» и т. п.

Форма на =*пайн* передает также причинные отношения:

Кыс=*пайн*, чыдып калды.— Он отстал, так как не старался. Ср. также: Кызып тур=*гаиш*, шылгалданы эки дужааган.— Он сдал экзамен хорошо, так как старался; Анаа кир=*бейн*, акызы-биле чугаалаш=*пайн*, канчап ынай чоруур боор деп бода=*аиш* олче базыптым... (СТ, 158) — Думая о том, как туда не сходить, не поговорить со старшим братом его, туда направился=я; Ср.: Анаа киргеиш, аказы-биле чугаалаш=*каиш*, ынай чоруп болурэ — Зайдя туда, поговорив со старшим братом, можно дальше пойти.

Причинная семантика, передаваемая формой на =*пайн* (равно как и на =*гаиш*), обусловлена здесь семантикой глагола, от которого они (эти формы) образованы.— *кызар* ‘стараться, стремиться’ (ср. *далажыр* ‘спешить’), т. е. эти глаголы связаны с внутренней установкой человека на совершение действия: не просто ‘идти’, а ‘спешить’; не просто ‘делать’, а ‘стараться’ и т. п.

Вариативно-субъектные деепричастия допускают две модели функционирования: моносубъектную и разносубъектную. Т. е. имея собственную подлежащую валентность и реализуя ее, деепричастия формируют разносубъектные ППК. Если же подлежащая валентность

не реализуется и действие, обозначаемое деепричастием, относится к подлежащему главной части, то формируемая конструкция моносубъектная. К разряду вариативно-субъектных деепричастий относятся: «соединительное» деепричастие на =*н*, «деепричастие прошедшего времени» на =*гаиш*, «деепричастие предела» на =*кала*.

Соединительное деепричастие на =*н*. Употребляясь в моносубъектных ППК, передает слабо дифференцируемые отношения между действием деепричастия и финитного глагола. Эти отношения можно интерпретировать как темпоральные (одновременность или следование) в зависимости от аспектуальных характеристик деепричастия:

Бистер бодувустун чадырвыска сөөлгү хүн эрттири=*н*, ававысты үдээнивис ол (СТ, 134).— Мы провели последний день в нашем чуме, с матерью нашей простились мы (отношения следования).

Ооң келирин мана=*н*, от кыдыынга олуруп алган хүл бузурады=*н* тур бис (СТ, 42).— Ожидая, когда она (мать) придет, мы сидели у очага, ворошили золу.

Глагол *манаар* ‘ждать’ — неопредельный. Деепричастное действие воспринимается как длительное, параллельное главному действию.

Кожай салдарын чара дыра=*н*, коргунчуг карактарын шывараннадып көрүп олур (СТ, 133).— Хозяин, расчесывая бороду, вскидывает на меня колбочие (букв.: страшные) глаза; Щенов буян йөрээ=*н*, бажың санынче кирип чору (СТ, 101).— Щенов, произнося напутствия (благословление), в каждую избу входил; Кадарчы оолчугаиш дээрже көрүп каа=*н*, хойларны сүрүп чоруп олурган (Суван, 4).— Мальчишка-пастух, посматривая на небо, гнал овец (отношения одновременноности).

На темпоральные отношения могут накладываться различные дополнительные оттенки (целевые):

Анаа аҗи-чемнин дээжилерин сады=*н* уругну хүндүлээрин күзөй бердим (ОСО, 199).— Ей из еды самое лучшее купив, девушку почтить хотел=я; Бис полугувус дилени=*н*, онгулардан тылче чоруптувус.— Мы, разыскивая (чтобы разыскать) наш полк, направились от окопов в тыл.

Условием такого осмысления, как можно заметить, является употребление глаголов движения *чор*= ‘ехать’, желания *күзээр* ‘желать’, доминирующих над деепричастием.

Разносубъектные фразы с деепричастием на =*н* передают причинные отношения между деепричастным действием и главным предикатом:

Хем улгады=*н*, чорук кылдынмастаан (ШЧС, 94).— Река разлилась, трудно стало по делам ездить; Кыш дүжү=*н*, соок күштелип кел чыткан (УТЯ, 86).— Зима наступала, (поэтому) холод начал усиливаться.

На временное значение накладывается причинная интерпретация.

Приведем пример, где деепричастие на =н не выражает подчинительных отношений:

Кырганнар бажыңнар хөлегезинге олургула=н, аңыяктар хемниц шыгынга, калбаа-биле үнүп келгенер (СТ, 67).— Старика садятся в тени домов, молодежь на поляну у реки высыпала (букв.: широко вышла).

Здесь *олургулаар* 'сидеть', где аффикс многократного вида =гула выражает то, что «действие одновременно совершается отдельными (многими) действующими субъектами». В этом предложении действия протекают параллельно.

Деепричастие прошедшего времени на =гаиш. Выступая в роли зависимого сказуемого, это деепричастие выражает различные содержательные отношения названного им действия к действию финитного глагола. Чаще всего этим способом передаются темпоральные отношения: деепричастное действие происходит до действия финитного глагола, предшествует ему, если деепричастие образовано от глагола с предельной семантикой, представляющего действие как непротяженное. Фразы этой семантики имеют моносубъектную реализацию:

Мен бодалдарымга хейде-ле ыят=каш, үнүп чоруй бардым (СТ, 100).— Я, устыдившись своих мыслей, вышел (на улицу); *Бужары-биле үндүр сывыр=гаиш, Вераның мурнунга мени эгендирди...* (СТ, 100) — Позорно выгнав меня, перед Верой меня унизили; *Тарбаган мээн холумдан ал=гаиш, кожа одагже ыт чок апарды* (СТ, 121).— Тарбаган взял меня за руку, (и) молча повел к соседнему костру; *Хөлечиктер аъттарны адыргыла=аиш, баглагылап кагылаан* (СТ, 104).— Батраки распрягли лошадей, привязали их (к коновязи); *Лида чеди кулаш сыдымны дүрүп тут=каш, эзерлиг аът кырында олурупкан* (УХ-49, 41).— Лида, свернув семисаженный аркан, села на коня верхом (семантика следования действия финитного глагола за деепричастным действием); *Ол суун узуп ал=гаиш, дедир ээпкен* (ШК, 11).— Она, набрав воды, вернулась (пошла обратно).

Здесь глагольное действие следует за действием, выраженным деепричастием.

Если же простой или сложный глагол имеет аспектуальную характеристику протяженности, значение модели реализуется как одновременность:

Ленаның бичици уругларзыг чугаазын дыңна=аиш, Чылбак чаттап, каттыра берген (ЕТ, 116).— Слушая детский разговор Лены, Чылбак, смотря с умилением, рассмеялся; *Ону чугаала=аиш, удуур өрээлинче кире берген* (Там., 85).— Он, говоря (это), вошел в спальную комнату; *Аңа кирбейн, акызы-биле чугаалашпайн, канчап ыңай чоруур боор деп бода=аиш олче базыттым...* (СТ, 158) — Думая о том, как туда не сходить,

не поговорить со старшим братом его, туда направился=я; *Бо дүне Дөрт-Теректер дөзүнге чедип кел=геш, азалардан манаалы деп, Чылбак сүмелээн* (ЕТ, 5).— Этой ночью, подходя к Дөрт-Теректеру, Чылбак посоветовал,— мол, чертей подождем — говорил.

Здесь семантика одновременности деепричастного действия, выраженного сочетанием глагола процессной семантики *chedep* = 'добираться, достигать' с вспомогательным глаголом *кел* = 'приходить, приближаться'. Последний также, сочетаясь с процессными глаголами, выражает «действие, продолжающееся вплоть до настоящего момента» [ТРС, 237]; хотя сам глагол *кел* = в своей структуре содержит сему «начала действия».

В моносубъектных фразах с формой на =гаиш присутствует оттенок причинной обусловленности. Это связано с семантикой глагола. Если глагол со значением восприятия: 'слышать' — *дыннар*, 'ударяться' — *үзер* (физическое восприятие), *далажыр* 'спешить, суетиться' (эмоциональное состояние и т. п.), то деепричастное действие передает причину, из-за которой осуществляется или не осуществляется действие финитного глагола.

Ол сөстөрү дыңна=аиш, мен иштимде амырай-ла бердим (СТ, 114).— Эти слова услышав, я обрадовался; *Сырый шырыштарга үс=кеш, доктаай бердим* (СТ, 102).— Ударившись об густые заросли кустарников, я остановился; *Далаш=каш, тонум каапкан* (ТРС, 681).— Спеша (оттого, что спешил), он забыл мое пальто; *Далаш=каш, сени эскербейн бардым* (ТРС, 619).— Я не заметил тебя, оттого что торопился.

В последнем примере причинная семантика тем более усиливается, что в главной части содержится отрицание: *эскербейн* 'не замечая'.

Еще пример: *Мен шуут сүрээдэ=эш=ин, мырыңай келдирлеп эгеледим денер де* (ДС, 70).— Оттого, что я сильно волновался, (я) даже начал заикаться. Здесь деепричастие на =гаиш в родительном падеже. Образована эта форма от глагола эмоциональной реакции *сүрээдээр* 'волноваться'.

Способность деепричастия на =гаиш оформляться аффиксами родительного, исходного, местного падежей была отмечена Н. Ф. Катановым. Как указывал автор, смысл, передаваемый такими деепричастно-падежными формами, «остается тот же, что и без падежных окончаний» [Катанов 1903, 593]. Падежное оформление этого деепричастия свидетельствует о его причастном происхождении. В современных тувинских текстах эти падежные формы встречаются крайне редко. Практически их нет. В нашем распоряжении имеется несколько фраз с родительным падежом деепричастия на =гаиш, собранных нами во время экс-

педиции 1980 г. у информантов-тоджинцев, и примеры, выписанные из фольклорного текста.

Ийи адаышкы ам ол орта таныжып ал=гаиш=тың, ошкажып-чыттажып, узун чугаазын чугалажып турган чүвең иргин ийин (Каң.-Мерген, 73).— Отец с сыном, познакомившись там, целуясь, говорили свой долгий рассказ; *Беш алышкы шак оон чорут=каиш=тың, чер-дээрниц шатиылгазынга чедип келген чүвең иргин* (Каң.-Мерген, 57).— Пятеро братьев, уйдя отсюда, доходили до начала и конца (вершин и низа) земли и неба; *Бичии оол адазының чыжыр алдын сыдымын ап алгаиш, демги шилги кудунну шалбада=аиш=тың олурупкан* (Каң.-Мерген, 69).— Маленький мальчик, взяв золотой аркан отца, сел, заарканив того рыжевато-красного жеребенка; *Чоруур кижги болуңза, Аксагалдай-Сайын-Хавычыга бар=гаиш=тың, мунар аъттан айтырып алдеп мынча дээн* (Каң.-Мерген, 69).— Если поедешь, придя к Аксагалдай-Сайын-Хавычы, попроси у него коня — сказал так; *Чер чуртувус ырак улус бис, кеннивистиң үш херээн бүдүр=геиш=тин, ап чанаал-деп негей берген алышкылар иргин* (Каң.-Мерген, 41).— Страна наша далека, такие мы люди, исполнив три желания невестки, взяв ее, поедем домой — начали требовать братья.

Моноsubjектные фразы с деепричастием на =гаиш получают причинную интерпретацию только тогда, когда это деепричастие образовано от глагола «психического действия», связанного с внутренним миром человека. Если знаменательный глагол выражает физическую характеристику действия, движения: идти, ехать и пр., — то семантика, передаваемая этой формой не причинная, а темпоральная:

Ол маңаа кел=геиш=тин орта ажылдавады. — Он, приехав сюда, с тех пор не работает; *Уругну тудуп ал=гаиш=тың дашкаар үне халаан мен.* — Схватив ребенка, я выскочила на улицу.

Употребление формы на =гаиш с собственным подлежащим (разноsubjектные конструкции) наблюдается редко. Имеющиеся у нас примеры показывают, что для этих фраз характерна довольно четкая причинная семантика. Семантика предиката, от которого образовано деепричастие, здесь несущественна:

Ол дүне соок дынза=аиш, сонга шилдери хыраалап, ында кайгамчык онза угулзатар чуруттуна берген (УТЯ, 85).— Этой ночью холод усилился (оттого что), оконные стекла покрылись инеем, там такие изумительные узоры нарисованы; *Павел Дубов бир чүвеге тептик=кеиш, барып ушту* (Ам, 183).— Павел Дубов, наступив ногой на что-то, упал (оттого что наступил) (здесь моноsubjектная фраза); *Дортта=аиш, тос хонар* (ЧЧ, 65).— Шел напрямик (оттого что), девять дней пройдет (посл.: путь выпрямлял — девять дней потерял); *Дамырактар чыылгаиш,*

хем болур, тарамыктар чыылгаиш, күш болур (ЧЧ, 78).— Ручьи сольются (оттого что), река будет, разрозненные (люди) соберутся (оттого что), сила будет (посл.: ручьи сольются — река, люди соединятся — сила); *Каарган кас эдер=геиш, даванын доңурган* (ЧЧ, 66).— Ворона гуся догоняла (оттого что), лапы обморозила (посл.: ворона, погнавшись за гусем, обморозила свои лапы — о необдуманном поступке).

Деепричастие предела на =кала. Это деепричастие имеет довольно узкую семантику: оно выражает ограничительные отношения предела действия в прошлом, точнее, начального ограничения главного действия действием зависимой части. Главное действие начинается с момента совершения действия, выраженного придаточной частью. По этой модели строятся моноsubjектные и разноsubjектные фразы.

Чырык черге чорут=кала бөрү ийи буттап кылаштап кажан-даа турганын көрбээн мен. — С тех пор как на свете живу, не видел, чтобы волки ходили на двух ногах; *Серен-оол тудугга ажылда=а-ла, бир ай чокиулап олурган* (УХ-49, 16).— С тех пор как Серен-оол работает в строительстве, скоро месяц (букв.: подходил месяц); *Сен иеден төрэ=эле, аът муңмаан эр тур сен* (НФ, 852).— Ты такой мужчина, который не садился на коня, с тех пор как родился от матери; *Мен беден төрэ=эле, кырымга эзер казбаан аът тур мен.* — Я такой конь, на спине которого, с тех пор как родился от кобылицы, не клали седла.

Главная часть во фразах этой модели, как можно заметить, представляет несовершеншее действие, содержит отрицание в словоформе сказуемого. Не совершается событие главной ПЕ с момента совершения зависимого действия, точнее, с начала его совершения. Обе предикативные части, таким образом, событийны, хотя событийный характер главной части здесь ослаблен.

Другую группу ППК этой модели репрезентируют такие фразы, где главная часть вообще не представляет никакого события, а только фиксирует ход времени. Событие же зависимой части выступает лишь как веха, от которой отсчитывается время:

Мээң ада-ием моон чорут=кала 20 чыл ажа берген (ШЧС).— С тех пор как мои родители уехали отсюда, прошло 20 лет; *Авам сугга кел=геле, ам дөрт хонуп тур мен* (Тыва дыл, 11).— С тех пор как я приехал к маме (и другим), прошло четыре дня (букв.: сейчас ночью четвертую ночь).

Разноsubjектные фразы этой модели передают отношения следования (ограничительного) главного события за событием зависимой части. Эта семантика определяется аспектуальной характеристикой глаголов, от которых образована деепричастная форма — предельный, краткий глагол.

Уруум тыпта=ала, арагы ишпейн - тур мен (НФ, 852).— С тех пор как нашелся мой ребенок, вина я не пью.

Деепричастие на =кала со значением предела в прошлом и деепричастие на =гыже, передающие предельные отношения в будущем,— две формы, противопоставленные во временном плане. Семантика же этих форм — предел во времени, который деепричастное действие ставит действию главной части: 'с тех пор/до тех пор'. Это два деепричастия со значением предела. В этом смысле форма на =гыже вписывается в систему деепричастных форм и может быть рассмотрена в сопоставлении с ними:

Эдер-Хөрек чүвениң ужурун угадын билит ал=гыже, кезек ыт чок олурган (ЕТ, 81).— Эдер-Хөрек, пока понял суть (дела), сидел без голоса (голоса не подал; молча): пока соображал, сидел молча.

Здесь деепричастное действие длительное, форма на =гыже передает двусторонний предел, временные рамки, в которые вписывается главное действие ('пока', 'в то время, когда'). Эта длительность действия передана здесь аналитической формой глагола: угадын билит ал-гыже.

Итак, все рассмотренные деепричастия тувинского языка реализуются в двух структурных типах деепричастных моделей: моносубъектные (=а, =пышаан, =пайн) и вариативно-субъектные (=гаш, =кала, =п). Используются указанные формы в конструкциях обстоятельственного типа, передавая разнообразные отношения между зависимым и главным действиями.

Деепричастия характеризуются относительным временным значением. Абсолютный временной план задается формами конечного сказуемого. Сравним, например, семантику следования деепричастия на =гаш и предшествование обозначаемого им действия действию главной части и т. п.

Школаны доос=каш мен фермага ажылдаар мен.— Когда я закончу (закончив) школу, я пойду работать на ферму (сказуемое главной ПЕ в форме будущего времени на =ар); Номну номчуг доос=каш чүге ону библиотекага дулааваан сен.— Когда ты прочитал книгу, почему не отдал (букв.: закрыл) ее в библиотеку? (главное сказуемое — прошедшее время на =ган).

В структурном отношении деепричастия представляют собой формы, не осложненные личными аффиксами. Тувинские деепричастия, за исключением «особых форм деепричастного типа» (=гыже, =са),— последовательно неспрягаемые формы, не осложненные падежными аффиксами. Только деепричастие на =гаш имеет (в некоторых диалектах) падежную парадигму [Катанов 1903, 593; ГТЯ 1961, 335].

Основные значения этих форм — темпоральные. На эту фоновую семантическую базу могут накладываться значения обусловленности. Они передаются теми же формами, что и отношения во времени, в зависимости от семантики глагольной основы, от которой образована деепричастная форма, а также от семантики финитного глагола.

Конструктивная специфика предопределяет и специфику семантическую, передаваемую названными формами. Так, например, форма на =гаш, реализуясь в моносубъектной конструкции, передает темпоральные отношения:

Суурга чурттап тур=гаш үргүлчү аннаар турган бис.— Когда (мы) жили в деревне, мы часто ходили на охоту (отношения одновременности событий).

Разносубъектная реализация этой модели дает причинную семантику фразы:

Кызыл будум доңа бер=геш, чадырымче дедир кирит келдим (ШЧС, 94).— Так как босые ноги мои замерзли, домой обратно пришел я.

Важным для конструкций с деепричастными формами зависимого сказуемого является семантика глагола, от которого образовано деепричастие: предельный или непредельный глагол. Так, в первом примере в семантике предиката чурттаар 'жить' заложена идея процесса, причем в его срединной (медиальной) фазе. Здесь не начало и не конец, а именно действие неперфективное, длившееся в какой-то период времени. Во втором — предикат доңар 'замерзать' — предельный, результативный процесс здесь достиг конечной фазы развития. Сочетание деепричастия на =а со вспомогательным глаголом бер= (доң=а бергеш) выражает завершенность действия [РТС, 132].

Таблица 4.

Структура и семантика тувинских деепричастий

Семантика Структура	Время		Обусловленность		Грамм. лицо
	МСК	РСК	МСК	РСК	
Есть падеж	-	-	-	-	Грамм. лицо
Нет падежа	=пышаан; =а; =пайн; =гаш; =гаш; =п; =кала	=кала;	=гаш; =п	=пайн; =п; =гаш	Нет грам. лица
	-	-	-	-	Грамм. Лицо
	МСК	РСК	МСК		

Жирный — различаем цель; следование. Курсив — различаем причину; одновременность.

Поэтому в первом примере передана семантика одновременности (ограничительной) события зависимой ПЕ главному событию. А во втором — значение разновременности событий главной и зависимой ПЕ: действие главной ПЕ совершилось после и по причине совершения действия зависимой ПЕ.

3.5. ППК с частицами и другими служебными словами, дополняющими основные показатели связи

Для служебных слов (частиц, модальных предикатов) общей является функция связи: они выражают формальную и семантическую зависимость между двумя ПЕ в составе ППК. С ними сочетаются причастия на =ар, =ган, =ба=ан, =галак, деепричастие на =гаиш и форма на =са.

3.5.1. ППК, формируемые частицами

В роли сказуемого зависимой части полипредикативных конструкций могут выступать инфинитные формы глагола в сочетании с частицами. Вхождение частиц определенным образом модифицирует базовую, исходную семантику формы. Регулярные сочетания с инфинитными формами образуют частицы -ла, -даа. Сочетаясь с падежными формами причастия будущего времени на =ар и формой условного наклонения на =са, они конструируют ППК различных семантических типов.

Серия сравнительных конструкций тувинского языка образуется при помощи разного рода частиц: *ышкаш, демей, дег*.

Уступительная частица -даа. Здесь выделяем два подтипа: 1) конструкции, сказуемое ЗПЕ которых представляет сочетание частицы -даа с формой условного наклонения на =са; 2) конструкции, в которых сказуемое представлено сочетанием частицы -даа с формой будущего времени на =ар.

Модель Т_v=са-даа. Сочетаясь с формой условного наклонения на =са, уступительная частица -даа преобразует ее семантику в уступительную. Отметим, что позиция частицы относительно формы на =са может быть препозитивна и постпозитивна. Поскольку на семантику конструкции это существенного влияния не оказывает, мы считаем целесообразным говорить об одной модели.

Туттур=за-даа демей-ле дириг үнмес бис (Там., 89).— Хотя и попадем в плен (если даже), все равно живыми не выйдем; *Хоюн кыйгырып чор. Ырлан-даа чор=за, улам эки* (УХ-49, 21).— Овец останавливай криком. Хотя еще лучше, если петь; *Ол аалдың кижилери чежмейни-даа машинаң үгеп тур=за, ынаар салаазын дээртир кижси чок болду* (УХ-49, 135).— Хотя и окружали люди того аала мою машину, не было человека, приложившего туда палец (прикоснувшегося к ней); *Аң-даа*

адын алзың=за аңаа хонар сен (УХ-49, 33).— Если даже убьешь зверя ты, там ночуй ты; *Бочкаревка аъттар четпе=зе-даа, октар чедер* (Там., 123).— Хотя в Бочкаревку лошадей не приведут, пули (все равно) достигнут.

Авторы Грамматики тувинского языка [1961, 403] отмечали постпозицию частицы -даа, если форма на =са выражает простое сказуемое: *ал=за-даа* — 'хотя взял'. Если же форма на =са служит вторым компонентом составного сказуемого, то частица -даа может предшествовать условной форме: *чок-даа болза* — 'хотя нет'.

В наших материалах частица -даа в препозиции форме на -са зафиксирована в аналитических конструкциях сказуемого ЗПЕ с глаголами *тур=, ал=, бол=* (на последний приходится основная масса примеров). Есть случаи сочетания частицы -даа с деепричастной формой на =п (см. пример выше: *ырла=п-даа чор=за*).

Модель Т_v=ар//га-даа, Т_v=ар//да-даа. Другую разновидность конструкций с частицей -даа представляют ППК, первый компонент (основной глагол) зависимого сказуемого которых выражен формой причастия будущего времени на =ар. Сочетаясь с временным причастием на =ар в дательном и местных падежах, частица -даа вносит уступительную семантику в эти сочетания.

Кадыглан=ыр=ым=га-даа, чымчактан=ыр=ым=га-даа демей-ле, үзе шапкаш, бодунуу-биле аажылап олар, чарбыттынар мындыг (ОСО, 210).— Хотя поступала я то строго, то мягко, (мама) все равно, прервав, по-своему обращается, ругается; *Бо болза мээң бодумнун өөредип алган өөреникчим-дир дэ=эр=им=ге-даа, мени тоовас болган* (УХ-49, 138).— Хотя я и сказал, (что) это же мой ученик, которого я сам обучал, на меня не обратили внимания; *Бо ырларны ырлаар дэ=эр=ге-даа хоржок болган, үн үнмес* (УХ-49, 22).— Хотя хотелось спеть эти песни, не получалось, не было голоса; *Өске ыкүлгерге чагышт=ыр=ар=га-даа хырны үнмес, кезээде хоптактанып, диленип чоруур* (УХ-49, 25).— Хотя причучали к другим козам, не наедался, всегда жадничал, попрошайничал; *Олар аңаа кел=ур=де-даа, оон үнүп чору=ур=да-даа, машинадан дүжүп, черни черзилеп кылашташаанын бодаарга, аңаа чангыс эвес удаа чораан кижилер-дир дээрзи тодаргай билдинип турган* (Там., 93).— Хотя они и когда приезжали туда, и когда уезжали оттуда, не выходили из машины осматривать местность, было ясно видно, что люди приезжали не раз.

Усилительно-ограничительная частица -ла. Образует сказуемое ЗПЕ, сочетаясь прежде всего с временными причастно-падежными формами: =ар//га-ла, =ар//да-ла, =галак//та-ла, с формой на =са.

Модель $T_v=ar//=da$ -ла. Семантика конструкций со сказуемыми, образованными сочетанием причастия будущего времени на $=ar$ с частицей $-ла$, — быстрое следование главного события за зависимым 'как только... сразу'.

Столга чыттырын чыд=ыр=ывыс=та-ла, меделерин оскунупкан (ЕТ, 157).— Как только положили на стол (операционный), потерял сознание.

Модель $T_v=ar//=га$ -ла:

Мен боолант=ar=ым=га-ла, кодан маннап чоруй барган.— Как только я выстрелил, заяц убежал.

Модель $T_v=галак//=га$ -ла. Эта модель служит одним из средств выражения значения близкого предшествования события главной ПЕ событию зависимой ПЕ.

Чайгы хүн мөөрүктер бажындан бакыла=алак=та-ла Шивилиг суур оттуп келген (К, 208).— Летнее солнце еще не выглянуло из-за вершины гор, как деревня Шивилиг проснулась.

Модель $T_v=са$ -ла. В зависимости от времени совершения действия в главной ПЕ действие зависимой ПЕ интерпретируется либо как конкретное действие в прошлом, либо как обычное в настоящем. Т. е. время совершения действия, передаваемое данной формой сказуемого ЗПЕ, ориентировано не на акт коммуникации непосредственно, а на время совершения действия в главной части.

Хуралга үр олулар бол=зу=м=за-ла, бажым ыяап-ла аарыыр.— Когда я долго сижу на собрании, обязательно будет болеть голова; *Үр кино көөр бол=за-ла, карактар аарыг хевирлиг.*— Когда долго смотришь кино, глаза больной вид имеют; *Баш аарып турар бол=за-ла, хан базышыккыны улгадып турары ол.*— Когда болит голова, повышается давление крови.

Событие главной ПЕ ориентировано в план будущего времени. Семантика быстрого следования события главной ПЕ за событием зависимой ПЕ.

Бо улусту олуртуп=су=м=за-ла чеде бээр мен.— Как только отправлю этих людей, сразу приеду я.

В данной группе примеров предикат главной ПЕ выражен формой на $=ar$.

Кроме того, как уже было сказано, частица $-ла$, сочетаясь с формой на $=са$, формирует конструкции сказуемого ЗПЕ, выражающего отношение говорящего к описываемому событию и реакцию говорящего на это событие (эвиденциальность + адмиратив). Событие главной ПЕ в этом случае отнесено к временному плану либо прошедшего, либо настоящего времени:

Тарак-оол бир кежээ купезинге олуларга, эжик сокта=за-ла, кожазы америк турист бо көстүп келген.— Однажды вечером, когда Тарак-оол сидел в своем купе, когда в дверь постучали, (оказалось) вошел сосед — американский турист.

Сочетание частицы $-ла$ с деепричастием на $=а$ формирует аналитическую конструкцию сказуемого, выражающего противительные отношения между событиями.

Тыва чазак ону, ол бугүну көрүп тур=а-ла, чүгле аас-биле ажылдаар боор-дур (СС, ТК, 89).— Хотя правительство Тувы видит все это, (но) работает ведь только языком.

Следует отметить особенность частицы $-ла$ в тувинском языке. В отличие от уступительной частицы $-даа$, которая может быть препозитивной или постпозитивной, передавая одно и то же значение уступки, позиция частицы $-ла$ стабильна. Она всегда замыкает словоформу зависимого предиката. Второе, что отличает частицы тувинского языка, скажем, от хакасского, — это то, что в тувинском языке частицы $-даа$, $-ла$ пишутся через дефис с тем компонентом, к которому они относятся.

В хакасском, например, частицы могут сливаться с предшествующим словом, употребляться самостоятельно (отдельно) от него. При этом от позиции частицы зависит семантика фразы [Боргоякова 1987, 13].

Таким образом, на основе объединения базовых форм с частицами формируются новые средства синтаксической связи частей ППК, передающие уточненные семантические отношения, отличные от семантики исходных форм. Независимо от местоположения частиц $-ла$, $-даа$ с их вхождением в формулу модели сложились производные модели, передающие в тувинском языке семантику времени и уступки.

Сравнительные частицы и послелог. В роли средства связи в сравнительных ППК выступают сравнительные послелог и частицы *ышкаш*, *дег*, которые замыкают зависимую ПЕ со значением эталона сравнения.

Служебное слово *дег* может формировать ППК, оформляя разные глагольные формы, выступающие в роли зависимых сказуемых и формирующие сравнительные конструкции. В роли знаменательного компонента таких сочетаний выступают глагольные формы будущего времени на $=ar$, прошедшего времени на $=ган$. В этой роли выступает и именная конструкция — имя действия на $=кы/=гы$.

Модель $T_v=ган=ө$ дег:

Кырган ындыг чөтшээрел алырын мана=ан дег, шымдай-ла Чылбар-оолду айбылаан (ШК, Б, 168).— Старик словно ожидал получить такое разрешение (и) скорее послал Чылбар-оола; *Чылбар-оол отка чирт=кен дег, сырбаш дээн ышкаш болган* (ШК, Б, 159).— Чылбар-оол

так вздрогнул, словно в огне обожгло (его) (букв.: словно в огне был обожжен); *Хөлөгелиг кара булут аяс=кан дег, хөрөк сынмас мунгараашкын арлы берген* (УТЯ, 142).— Словно тенистое черное облако прояснилось, улетучилась грусть, не помещающаяся (переполнявшая) в груди; *Боскунга кара чүве кээп чыдып=кан дег болган, мырынай үнү үймээн*.— Как будто в горле его застряло что-то черное (комоч застрял), вообще не было голоса.

Сочетание форманта *дег* с формой прошедшего времени на *=ган* — наиболее распространенное, поскольку из двух сравниваемых событий по крайней мере одно должно быть типичным, понятным, хорошо известным говорящему и адресату. В приведенных примерах оба эти события описывают единичные, конкретные действия, но одно из них действительно предстает как реально совершившееся, а второе, вводимое компаративным показателем *дег*, — как ирреальное, не произошедшее на самом деле, хотя оно тоже мыслится в прошлом.

Модель $T_v=ган/!=\emptyset$ дег. Форма на *=ган* выступает также в роли знаменательного компонента компаративных сочетаний, где сравниваются два реально происшедших события. Но эта семантика реализуется в особой синтаксической конструкции: форма на *=ган* получает личное оформление притяжательным аффиксом 3-го л. *=ы*.

Бдыктыг чүвеге ёзулал берип медээлээн, ында удуп чыдар кижилерниң күзеп чора=ан=ы дег хөй тараа чүдүрген машиналар Виктор Ондарович биле Колянын чаны-биле халчын эрттип турганнар (КК, Ырл., 70).— Машины, загруженные щедрым зерном, таким, как и мечтали люди, спавшие на нем, сигнала святым могилам, проезжали мимо Виктора Ондаровича с Колей; *Катканың хоорайга тур=ган=ы дег боор, ажыл-херек дээрге баи ашкан*.— Работы выше головы, по сравнению с тем, как было в городе; *Ол мана=ан=ы дег эвес эрте келген* (РТС, 521).— Он пришел рано, не так, как ожидали (вопреки ожиданию); *Шак ол, көгө-буга хүлүрэ=эн=и дег үндөн Гуля, Гуляжыгаш дээн ат тыптып үнген* (Иль., 5).— Так вот, от звука, подобного тому, как гулит голубь «гу», появилось имя Гуля, так называемое «воркующее» имя (букв.: Гуляжыгаш 'гуля, воркуя').

Модель $T_v=ар/!=\emptyset$ дег:

Ооң ыт чок оарын, мээң чем дажыглап турарымны ында ажылдап турар ийи уруг, паштанып турар кадай аажок сонуургап-биле көрүп, хаак баштаан тевени өшкулерниң магада=ар=ы дег, кезе кайгап турлар (ОСО, 199).— С большим интересом глядя на то, как она молча сидит, а я переночу еду, две девушки и стряпуха удивлялись так, как удивляются козы верблюду, обгладывающему ветки тальника.

Здесь формой на *=ар* передается типовая, обобщенная ситуация, вероятно, отложившаяся в сознании, поэтому использована эта форма.

Как видно из приведенных примеров, конструкции с притяжательным личным аффиксом и конструкции с нулевым личным оформлением знаменательного компонента компаративного сочетания различаются семантически. В конструкциях с нулевым показателем сравниваются два события, одно из которых ирреально. Содержанием придаточной части является образное представление, привлекаемое для пояснения реальной ситуации. В конструкциях же с притяжательным личным аффиксом сопоставляются реальные события. В них выражены именно сравнительные (сопоставительные, подобия) отношения между событиями, отношения семантической обусловленности между ними. М. И. Черемисина назвала такие специфические смысловые отношения «компаративным контрастом». При таком типе отношений наблюдается «семантическое подобие двух предикатов» [Черемисина 1971, 9], формирующих эти конструкции, т. е. предикат зависимой части «семантически отображает предикат главной части». Ср. примеры выше: зерно выросло такое щедрое, как и мечтали (чтобы выросло щедрое, богатое); удивлялись так, как удивляются и т. п.

Значение сравнения в этих конструкциях связано с формантом *дег*. Это становится тем более очевидным, когда мы элиминируем *дег* и получим совершенно другое синтаксическое значение, никак не сравнительное, поскольку ни форма на *=ган*, ни форма на *=ар* и никакая другая сама по себе отношения сравнения не выражает.

Комбу тырлы бер=ген дег, ыт чок болган.— Комбу словно подавился костью, шел молча.

Эта ирреальная ситуация, представленная зависимой ПЕ для объяснения (образного) ситуации главной ПЕ, становится вполне реальной после элиминации *дег*: *Комбу тырлы бер=ген, ыт чок барган*.— Комбу подавился костью, (поэтому) шел молча. Фраза приобретает совсем другой смысл, и событие главной ПЕ конкретно мотивировано: причина и ее следствие.

Итак, формируя значение сравнения, *дег* принимает на себя основную семантическую и синтаксическую нагрузку. В таком аналитическом употреблении форманта *дег* можно увидеть параллель с древнеуйгурским языком, в котором отмечалась возможность аналитического употребления падежных аффиксов. «В языках Южной Сибири это наблюдается главным образом в отношении древних падежных аффиксов *=ĉa*, *=deg*» [Убрятова 1980, 16–30]. Поэтому представляется возможным предположить, что современный тувинский язык сохранил негармони-

рующую модель поведения древнеуйгурского падежного аффикса и его раздельное написание.

Кроме рассмотренных двухкомпонентных конструкций, где *дег* примыкал непосредственно к причастно-глагольной форме, встречаются трех- и четырехкомпонентные компаративные сочетания. Составляющими таких аналитических конструкций зависимого сказуемого являются служебные слова *чүве* 'вещь' и *дег*. *Дег* функционирует здесь как сравнительная частица, усиливая, дополняя семантику сравнения, внесенную уже частицей *чүве*.

Модель $T_v = \text{прч} = \emptyset$ *чүве дег*:

Үрде ужурашпаан бодунуң уруун көрүп ка=ан чүве дег, Экер Эресовичиниң чүрээ тиккиңейиниң орган.— Сердце Экер Эресовича стучало взволнованно, как будто увидел свою дочь, которую не видел давно; *Оглуң тулдур көөрүндөн корг=ар чүве дег, карактарын дестирер* (АД, 23).— Как будто боится на сына пристально смотреть, отводит глаза; *Чараштаа Чылбар-оолду ам чаа көрүп ка=ан чүве дег, кайгап каан* (ШК, Б, 155).— Чараштаа удивилась, как будто сейчас впервые увидела Чылбар-оола; *Төрели аалдап кел=ген чүве дег, холумну ийи холдап кээп алды.*— Схватил мои руки своими руками, как будто в гости приехал родственник; *Оглуңуң дери ында сине бер=ген-даа чүве дег, Долзат ону чыттап шаанга кирген* (АД, 23).— Как будто там пропитался пот сына, Долзат долго нюхала это (рубашку).

Модель $T_v = \text{кы}$ дег. Конструкция *=кы дег* («причастие возможности» [Сат 1955, 678]) обозначает такое действие или состояние, которое, возможно, будет или могло быть совершено:

Суг бар=гы дег кур черлер төнер деп барды (К-Л, ЧС, 231).— Похоже, кончаются целинные земли, куда вода могла пойти; *Ийи-үш-даа хонмаанда, Хүрен-Чейзен ак солааннар эдертип алган, уруг-дарыг бастырып каг=гы дег, карак-кулак чок шаап келген.*— Через два-три дня Хүрен-Чейзен привел белых солдат, прискакал без оглядки на коне, мог задавить детей.

В составе конструкции *=гу дег* послелог утратил свою семантику и функционирует как единая, неразложимая форма с модальным значением 'похоже', 'возможно'.

Анализ конструкций, формируемых служебным формантом *дег*, показал, что функции *дег* довольно разнообразны. Формируя конструкции разной степени сложности, *дег* функционирует и в составе сказуемого зависимой ПЕ, и в составе финитного сказуемого [Шамина 1990, 126–141]. Он употребляется как с именами существительными, так и с глаголами. В одном случае он смыкается с модальными частицами, внося сравнительную семантику, а в другом — пересекается с послелогами.

Модель $T_v = \text{ган} = // = \emptyset$ *ышкаш*:

Мээн бир-ле шагда, бир-ле катап көр=ген=им ышкаш, бодап тып-падым (Там., 195).— Я когда-то что-то будто видел, но не вспомнил я (букв.: думая, не нашел я); *Маннап шыдавазын бил=ген ышкаш, Булат аңгадай берген орап* (Суван, 28).— Как будто знал, что не сможет бегать, Булат, растерявшись, сидит; *Ынча дээниниң соонда, хол-будунуң шыңган эттери база дагын дынзыгып, куш-деңгели ону катап эргип кел=ген ышкаш сагындырарга, кижси бут кырынга шала ытпайтыр туруп келген* (АД, 52).— После того как так сказал, мышцы ног и рук тоже снова напряглись, как будто силы еще раз вернулись, казалось, человек на ноги чуть крючковато встал; *Сактырга-ла, өске кайнаар-даа чор=ба=ан ышкаш, маңаа бо-ла кижилерниң аразында чурттап, ажылдап, олар-биле өөрүп, хөглөп чораан-даа ышкаш сагындырган* (АД, 74).— Казалось, будто никуда не уезжал, здесь же среди этих же людей жил, работал, с ними радовался, веселился, кажется.

Модель $T_v = \text{ган} = \emptyset$ *чүве ышкаш*:

Аксым аазадыккан олур мен, сактырымга мени бир-ле кижси хоозу-радыр үптөп каап=кан чүве ышкаш апарган, ынаар куду баарым адаа артында-ла ажыш диген ийин (АД, 153).— Снизу, раскрыв рот, казалось, стало так, будто какой-то человек меня обчистил (обокрал), туда вниз под печенкой даже кольнуло.

Рассмотренные способы выражения сравнения для тувинского языка являются не только самыми частотными, но также и самыми общими в содержательном отношении. Для выражения простого сравнения широко используются также компаративы, которые своими корнями прочно уходят в лексическую систему языка. Они деривативно связаны со словами, обозначающими сходство, похожесть, подобие, или с такими, которые имеют подобные значения в качестве лексико-семантических вариантов или оттенков значений. Таких «вторичных» средств в тувинском языке немало. Самым употребительным из них является полуслужебное слово *дөмей*. Но в роли показателей сравнения зависимой ПЕ оно практически не используется.

3.5.2. ППК с формами глагола *бол=* в роли зависимого сказуемого

В тувинском языке в роли средства связи частей полипредикативных конструкций широко используются формы бытийного глагола *бол=*: *болганда, болгаш, болза*, представляющие собой лексикализованные формы причастия, деепричастия и условную форму. Они линейно заканчивают аналитическую конструкцию зависимого сказуемого, и выбор между ними определяется соответствием этих грамматических форм характеру связи, отношению между частями конструкции. При

этом формы *болза* и *болганда* принимают обязательно личное оформление (аффиксы 2-го типа в 1-м и 2-м л., нулевое оформление в 3-м л.); форма *болгаиш* личного оформления не принимает.

Проблема заключается, во-первых, в том, входят ли эти формы в состав сказуемого и каков статус такого сказуемого; во-вторых, статус самих этих форм как показателей связи; в-третьих, их сочетаемость с формами знаменательного компонента сказуемого, выразителя предикативного признака.

В «Грамматике тувинского языка» условная форма *болза* не слишком удачно названа «словом», которое «заменяет собой условный союз русского языка 'если' [1961, 455]. Определенные трудности в установлении грамматического статуса рассматриваемых форм вызвало их несоответствие традиционному представлению о союзах в индоевропейских языках, начинающих зависимую часть, в то время как эти формы замыкают придаточное предложение. Авторы ГТЯ подчеркивают это обстоятельство, не позволяющее им оценить слово *болза* как союз.

Е. И. Убрятова отметила способность якутских слов занимать разные позиции в предложении и связала это, во-первых, с происхождением якутских союзов, во-вторых, с древней системой выражения синтаксических отношений. То, что союзы типа *да*, *даганы*, *эмиз* обычно занимают место «после слова, к которому относятся», объясняется тем, что слово, словосочетание и предложение в древней системе «принимали показатели их отношений к другим словам, словосочетаниям или предложениям к своему последнему члену или в конце слова, как это наблюдается в современном якутском сложноподчиненном предложении» [Убрятова 1976, 276].

С этой позиции мы рассматриваем тувинские скрепы *болза*, *болганда*, *болгаиш*.

Скрепа *болза*. Эта скрепа широко распространена и частотна в текстах художественной литературы. Она употребляется и в простом, и в сложном предложении. В простом предложении служебное слово *болза* логически выделяет, подчеркивает подлежащее.

Хаван болза хөрзүндөн чөмнөнүр. — Свинья, (она) питается корнями; *Куш болза чүнү-даа чиир.* — Что (же) до птиц, клюют все; *Арзыланнар, парлар болгаиш бөрүлөр болза араатан амытаннар* (ТРС, 110). — Что до львов, тигров и волков — (они) хищные животные; *Мен бол=за=Ø ийи чыл шөлээ барбаан кижси-дир мен.* — Что касается меня, 2 года в отпуске не была; *Мен бол=за=Ø тон садын алыр мен.* — Что касается меня, пальто я куплю.

Эти предложения построены по схеме $N_1 + \text{болза}$ 'что касается N_1 , то', где N_1 — имя существительное в именительном падеже.

В русском языке для выделения темы высказывания существуют специальные синтаксические конструкции. Одной из них является конструкция, построенная по схеме «что касается + род. п. существительного + то + предикативная основа любого строения» [Белошапкина 1977, 152]. Сочетание 'что касается' представляет собой «особое служебное слово, выполняющее выделительную функцию».

В ТРС отмечены несколько значений слова *болза*: частица 'бы'; союз 'если', 'что касается' [ТРС 1968, 110]. Как видно из приведенных выше примеров, *болза* имеет значение 'что касается'. Предложения, построенные по схеме $N_1 + \text{болза}$, имеют коммуникативную направленность, раскрывают информативный аспект высказывания, то, для чего сообщается данное высказывание. И, на наш взгляд, *болза* служит здесь грамматализованным средством акцентного выделения темы высказывания, выполняя функцию частицы.

Такое же значение ('что касается') слова *болса*, кроме своего основного значения условной формы, отмечал в турецком языке Н. К. Дмитриев [Дмитриев 1962, 407].

Несомненный интерес представляет специфическая конструкция, построенная по схеме $\{T_v=p + \text{ка}=\text{ар}=\text{ым}\} + \text{болза}$, где $T_v=p$ — знаменательный глагол в форме деепричастия на $=n$; $\text{ка}=\text{ар}=\text{ым}$ — причастие настоящего-будущего времени на $=\text{ар}$ от вспомогательного глагола $\text{каг}=\text{'оставлять, класть'}$, выражающего законченность действия; $=\text{ым}$ — показатель 1-го лица. После *болза*, третьего компонента в этой цепочке, следует информативная часть предложения — предикативная единица, акцентированная предыдущим аналитическим комплексом.

Ам силерден диле=n ка=ар=ым болза, фактыларны эки-ле хынап көрүңер (ДС, 10). — К вам просьба (букв.: 'что касается спросить', 'если спросить'), хорошо проверьте факты; *Анаа силерге баш удур сагындыры=n ка=ар=ым болза, бо черниц дарга-бошкаларынга кижси бузүрөп болбаан, кончуг авыяастыг улус эвесие* (ДС, 20). — Просто вас заблаговременно предупреждаю (букв.: 'если предупредить'), начальники этой местности очень хитрые, никак нельзя доверять; *Хамыктын мурунда айты=n ка=ар=ым болза демдегелдернин, бижиттинген стили арай кандайzymaар-даа болза утказы ханы, харын-даа болза утказы ханы, харын-даа чамдык черлери эртем ажылынга чооктулай бээр аян бар-дыр* (ДС, 68). — Прежде всего указываю (букв.: 'если указать'), что хотя стиль заметок и несколько шероховат, но содержание глубокое, даже в некоторых местах приближается к научной работе.

В составе конструкции $\{T_v=p + \text{ка}=\text{ар}=\text{ым}\} + \text{болза}$ — компонент *болза*, как и в предложениях, построенном по схеме $N_1 + \text{болза}$, выступает не как скрепа, а как частица, подчеркивающая, выделяющая пред-

шествующую (первую) тематическую часть высказывания и придающая сказуемому модальный оттенок желательности: *Ам силерден диле=п ка=ар=ым болза*. — Я хочу вас попросить. Функция *болза* здесь — это функция модально-выделительной частицы, которая сопровождает сказуемое, не являясь его компонентом.

В качестве знаменательного компонента этой конструкции используются глаголы с семантикой 'просить', 'предупреждать', 'указывать'. Поскольку просьба исходит от 1-го лица, аналитическая глагольная форма принимает соответствующие показатели. Специфика этой модели сказуемого по сравнению с последующими, о которых будет сказано ниже, в том, что *болза* оформляет готовый аналитический двухкомпонентный глагольный комплекс { T_v , =п ка=ар=ым}, последний компонент которого принимает на себя показатель грамматического лица. Служебное слово *болза* остается таким образом, за пределами этого комплекса. Это обстоятельство также позволяет нам говорить о грамматическом статусе слова *болза* в предложениях, построенных по модели { T_v =п ка=ар=ым} *болза*, как о выделительной частице, используемой в предложениях, имеющих специальную коммуникативную направленность.

В полипредикативных конструкциях основная функция *болза* — связывать предикативные части условного предложения, замыкая линейно первую зависимую ПЕ. Следует отметить, что вынесение *болза* в крайнюю позицию слева, в финал зависимой ПЕ, на письме регулярно сопровождается постановкой запятой после *болза*. Выступая в этой функции, *болза* принимает на себя обязательное личное оформление аффиксами 1-го и 2-го грамматического лица, в 3-м лице — нулевой показатель.

Знаменательный компонент сказуемого зависимой ПЕ может выражаться формами причастий — будущего на =ар и прошедшего на =ган в положительной и отрицательной формах.

Модель T_v =прч. бол=зу//за:

Биске ам-даа эки бүзүре=вес бол=зу=н=за, Черге артып каап болур сен (Суван, 20). — Если нам еще не очень веришь, можешь остаться на Земле; *Бир эвес бүзүре=вес бол=зу=нар=за, бис ийини көргей-ле силер деп баштактандым* (ОСО, 195). — Если вы не верите, увидите нас двоих, пошутил я; *Суг хөй бол=ган бол=за, тарылгага эки болгай эртик* (ТРС, 619). — Было бы хорошо для посевов, если бы было много воды; *Бир эвес кээргел чок төтчеглекчи аңаа дег=бэ=эн бол=за, чазын төрүүр турган* (Д., ЧЧ, 10). — Если бы ее не трогал бессердечный браконьер, весной отелилась бы; *Хемниц суу кад=ым ка=ар бол=за, хамык балык кырлыр болгай* (УХ-49, 133). — Если река пересохнет, вся рыба

погибнет ведь; *Бир кижиниң суугузу буст=у бер=ген бол=за, Вершинден тууйбу дилээр* (ДС, 43). — Если у кого-то сломалась печка, кирпич просят у Вершинина.

В позиции знаменательного компонента зависимого сказуемого встречаются и именные формы: имена наличия/отсутствия (*бар/чок*) и количества (*хөй* — много, *ас* — мало), имена прилагательные на -лыг, существительные в предикативном употреблении:

Аң хөй бол=за, аннаар мен (ТРС, 110). — Если зверя много, то поеду на охоту; *Дежик кочал бол=за, бөөшкүннепкей эртик* (ДС, 96). — Если ведро дырявое, (то) заткнули бы; *Буруулуг бол=зу=н=за, билин, актыг болзуңза, шынзыг дээним ол* (ДС, 148). — Если ты виноват, сознайся, а если ты не виноват, докажи, вот что я сказал.

Таким образом, слово *болза* сочетается и с причастными (глагольными), и с именными знаменательными компонентами. Это дает основание интерпретировать эту скрепу и как связку в составе именного по своей природе сказуемого (конечно, зависимого); но одновременно можно трактовать ее и как служебное слово, функционально близкое к условному союзу, хотя и принимающему показатели лица. Но и в этом случае мы обязаны считать это слово входящим в состав зависимого сказуемого, поскольку «внешняя граница» этого члена предложения не может проходить перед аффиксами лица.

Тот факт, что в рассмотренных случаях *болза* не несет семантической нагрузки типа вспомогательных глаголов, выполняя чисто служебную функцию, сближает *болза* с союзами. Назвать же *болза* «условным союзом» с точки зрения европейской лингвистической традиции непривычно не только потому, что союзам приписывается свойство неизменяемости, но и потому, что союзы не включаются этой традицией в состав сказуемого, поскольку обычно не контактируют с ним линейно. В тувинском же *болза* с показателями лица входит в сказуемое, замыкая его и связывая все его компоненты в единый комплекс. Поэтому *болза*, выступая в роли условной скрепы, показателя условных отношений, никогда не связывает финитных, законченных ПЕ.

В состав зависимого сказуемого со служебным словом *болза* может входить уступительная частица -даа. Конструкция в этом случае приобретает уступительную семантику.

Модель T_v =прч-даа бол=зу//за (T_v =прч. бол=зу//за-даа):

Сен ышкаш агроном эртем доос=на=ан-даа бол=зу=м=за, чер, хөзүн дугайында шору билир мен (ХО, 10). — Ты агроном, (а) я хотя институт и не закончил, почву прилично знаю; *Ам бодум чадаг-терге мунуп бил=бес-даа бол=зу=м=за, чолаачы дунмам сенээ кончуг чоргарланып чурттап чор мен* (УХ-49, 142). — Хоть сам я велосипед осед-

лать не умею, тем, что ты, мой младший брат,— шофер, очень горжусь я; *Ол час=кан-даа бол=за, частырыгны эдин ап болур* (РТС, 473).— Хотя он ошибся, ошибку можно исправить; *Хойларнын уксаазы эки-ле экижиттин=мэ=эн-даа бол=за сөөлгү чылдарда олардан эки түннелдерни ап келген* (УХ-49, 16).— Хотя не очень-то улучшена породность овец, в последние годы от них добивался хороших результатов; *Чайы чок-даа бол=за, ол келир* (РТС, 631).— Он придет, хотя ему и некогда; *Ол кижги болганчок-ла аарып тур=ган бол=за-даа, эки өөреникчи чораан* (РТС, 225).— Он, хотя и часто болел, учился хорошо; *Күс апар=ган бол=за-даа, ыяштар ам-даа ногаан* (РТС, 100).— Хотя уже наступила осень, деревья все еще зеленые; *Мээң бир-ле шагда, бир-ле катап көргеним ышкаш бол=за-даа, бодап тыппадым* (Там., 195).— Хотя я когда-то что-то будто видел, но не вспомнил я (букв.: думая, не нашел я).

Частица *-даа* может быть препозитивна или постпозитивна служебному слову *болза*. По нашим данным, она преимущественно препозитивна.

Таким образом, рассмотренная модель сказуемого ЗПЕ, осложненно-уступительной частицей *-даа*, в остальном аналогична предыдущей. Здесь также используются инфинитивные формы *=ган*, *=баан*, *=бас* и др. *Болза* получает личное оформление и выделяется запятой справа, замыкая зависимую ПЕ.

Скрепа *болганда* — причастно-падежная форма бытийного глагола *бол=* 'быть' в простом предложении выполняет функцию вводного слова 'что касается времени'.

Элээн бол=ган=да чер чыраан (Там., 14).— Вскоре рассвело (букв.: достаточно стало=когда); *Үр-даа бол=ба=ан=да кожуун даргазы бо кирип келди* (Там., 160).— Вскоре (букв.: не долго стало=когда) сюда пришел начальник хошуна; *Үр-даа бол=ба=ан=да бажыңга кирип келди* (Там., 15).— Вскоре в дом вошел.

Здесь *бол=ган=да* сопровождает наречие *элээн* 'довольно, достаточно'.

Модель *Tv=прч. бол=ган//=да*. В сложном предложении *болганда* реализуется в двух функциях. Прежде всего это служебное слово выступает в роли зависимого сказуемого темпоральных ППК.

Каиш минута бол=ган=да хурап тараан (Там., 67).— Когда прошло несколько минут, собрание кончилось; *Каиш минута бол=ган=да, столду аши-чем, арага-хымыс-биле долдур чүдүрүпкен* (Там., 67).— Когда прошло несколько минут, на столе (в изобилии) появилась еда, арака, кумыс.

Подлежащее в зависимой ПЕ здесь выражено существительными типа «минута», «год», ср.: *ийи чыл болганда*.

Кроме темпоральных ППК, *болганда* формирует конструкцию сказуемого ЗПЕ, связанную с главной ПЕ причинными отношениями. Здесь *болганда* сочетается с причастными формами на *=ган*, *=ар* и их отрицательными парами, с отрицательной формой от глагола *э=* (*эвес*), с именными предикатами: *А + улус (кижи), бар, чок*. Причинная семантика осложняется здесь оттенком несоответствия ожиданиям (ср. русск. 'раз'). Скрепа *болганда* получает обязательное личное оформление в 1-м и 2-м лице и нулевое оформление в 3-м лице. Она замыкает зависимую ПЕ, отделяясь от главной ПЕ запятой. Такие зависимые сказуемые встречаются как в моносубъектных, так и в разносубъектных ППК.

Ооң ынай силер тайга-тандыга үнүп келген улус бол=ган=ыңар=да, боо эттиндирер ужурлуг силер (Там., 49).— Раз вы поднялись (пришли) в тайгу, вы должны стрелнуть; *Руда дажынын адаанда чап сигеннер бар бол=ган=да, ол даиш маңаа кээп дүшкенден бээр бир ай-ла хире болган дээр ийдең* (ДС, 73).— Раз под рудным камнем выросла молодая трава, понятно, что этот камень упал здесь где-то месяц назад; *Кырааным бо ыйнаан ам — алдан ийилиг бол=ган=ым=да* (ОСО, 176).— Наверное, это и есть мое старение, раз мне исполнилось 62 года; *Петр Петрович, бир тээ ындыг чугаа үнүп келген бол=ган=да, менээ тодаргай тайылбыр херек* (УХ-61, 4).— Петр Петрович, раз такой разговор вышел, мне четкое разъяснение нужно; *Чангыс катап чуртта=ар бол=ган=да чалбыышталдыр кытканы дээр, хөрчүп чадаан от дег имистелип, ышталгаиш чоорул...* (УХ-61, 7).— Раз живешь один раз, лучше гореть ярким пламенем, зачем тлеть, дымить, как угасающий огонь.

Итак, скрепа *болганда*, так же как и *болза*, формирует аналитическую конструкцию сказуемого ЗПЕ, принимая на себя показатели грамматического лица.

Специфическая семантика конструкций, передаваемых моделью { *Tv*, *=прч. + болганда* }, обусловлена грамматической формой главного сказуемого. Сказуемое может принимать разные формы. В главной ПЕ могут использоваться предикаты в форме на *=ар* или *=ган*, осложненные модальными словами типа *ужурлуг, херек, дээр* и т. п., или в форме повелительного наклонения. *Болганда* обнаруживает функциональную близость к рассмотренным выше служебным словам *болза, -даа болза/болза-даа*. Она тоже является глагольным компонентом, замыкающим зависимое сказуемое, и тоже обнаруживает функциональную близость к причинному союзу.

Скрепа *болгаиш*, восходящая к деепричастию на *=гаиш* от вспомогательного глагола *бол=*, авторами ГТЯ квалифицируется как послелог с семантикой 'через' и сочинительный союз 'и', омонимичный дееприча-

стию. В тувинско-русском словаре приводится пять значений этой скрепы: 1) деепричастие, 2) союз 'и', 3) 'через', 4) 'только такой, как', 5) союзное слово 'и поэтому, так как'. Третье и четвертое значение, как видим, в словаре терминологически не определены.

Бир шак болгаи келир мен (РТС, 638).— Приду через час я; *Каш хүн болгаи...* — спустя несколько дней; *Элээн болгаи, Чаныылгың каыт кырынга ам-на үнүп келген* (Там., 76).— Через некоторое время (спустя некоторое время), теперь-то на вершину Чаныылган взошли; *Чангыс чер чурттуг өңнүктөр элээн үр болгаи, таваржып келген болганда хөөрөшпейн канчаар* (Там., 127).— Раз встретились через некоторое время друзья из одной местности, как (же) не наговориться.

Здесь *болгаи* функционирует в роли послелога, сопровождая существенные типа *шак, хын, ай*. Рассмотрим еще пример:

Силер болгаи шыдажыр-дыр силер (ТРС, 110).— Только такой (знающий человек), как вы, может это выдержать (букв.: вы и можете — ведь вы).

С нашей точки зрения, здесь *болгаи* функционирует в роли модально-выделительной частицы.

Скрепя *болгаи* употребляется в роли связующего средства частей ППК.

Сырга колхозта партия организациянын бюро кезигүну болгаи ажылдың кайы-даа адырлары-биле хөлчөк таньш.— Сырга — член бюро партийной организации колхоза, поэтому очень хорошо знает все отрасли работы.

Здесь *болгаи* связывает две предикативные единицы, передавая причинно-следственные отношения между событиями. *Болгаи* можно сопоставить с русским 'будучи', которое грамматической традицией деепричастием не называется, но его можно отнести к таковым, и которое тоже выполняет союзную функцию. Но в русском языке 'будучи' занимает начальную позицию в зависимой части. Принадлежность *болгаи* главной или зависимой ПЕ не столь очевидна. Если считать, что в рассматриваемом примере *болгаи* относится к линейно первой ПЕ, замыкая ее, то его следует переводить причинным союзом 'так как'. Если же *болгаи* принадлежит правой, линейно второй ПЕ, занимая в ней начальную позицию, то переводить следует причинно-следственными союзами 'поэтому' и 'потому'. Как известно, предложения следствия семантически близки сложносочиненным результативным предложениям с союзом 'и'. Поэтому можно сказать, что союзом *болгаи* связаны две самостоятельные предикативные единицы: Сырга — член бюро партийной организации колхоза, и (она) очень хорошо знает все отрасли работы.

Таким образом, в рассмотренном примере *болгаи* выступает в роли союза.

Более распространенной в тувинских текстах является употребление *болгаи* в роли постпозитивного компонента с явной функцией союза причинной семантики. Точнее сказать, *болгаи*, сочетаясь с предшествующими инфинитными формами имен, формирует конструкцию зависимого сказуемого.

Модель Т₁-прч. болгаи:

Алагадаар суг чангыс өг тур=ган болгаи, оолга дуза кадар кижси чок (Там., 68).— Так как юрта Алагагара стояла единственная, мальчику некому было помочь; *Ол чажындан аът мунуп чора=ан болгаи, оон буттары ыргак.*— Так как он с детства ездил на лошади, его ноги кривые; *Мурнунда адыг догээлеп чор=ба=ан болгаи, Лопсаң айтырган* (УХ-49, 149).— Так как раньше медведя не помечал, Лопсан спросил; *Өске черлерни ацнап бил=бес болгаи, кызыдарывыска бээр кээрин чөтшээреди* (Там., 37).— Так как не знаем мы, как охотиться на чужих местах, постарались, чтобы нам разрешили здесь; *Сени черле машина үрей мунуп көрбээн дээрин кулак дүлей э=вес болгаи, дыцнап-ла олурдум* (УХ-49, 142).— Слышал я, что ты никогда не ломал машину, благо, не глухой; *Мен каяа-даа чедип каант=ар болгаи, шунту чаа чүвени бил-лир мен.*— Так как я везде успеваю побывать, я все новости знаю.

Как видим, *болгаи* сочетается с теми же инфинитными формами, что и *болза, болганда*. Но, в отличие от последних, *болгаи* не принимает личных аффиксов в 1-м и 2-м л. Субъект здесь выражается аналитически формами личных местоимений: *мен, сен, ол*. Это объясняется тем, что *болгаи* — деепричастие, а деепричастия в тувинском языке, в отличие от причастных форм, не спрягаются.

Как уже отмечалось, показатель грамматического лица, который получают слова *болза* и *болганда*, сигнализирует о тесном грамматическом единстве этого компонента сказуемого с предшествующим компонентом. *Болгаи* не имеет таких показателей, удерживающих его в рамках конструкции зависимого сказуемого, и поэтому обладает большей автономностью. Это дает возможность носителям языка по-разному интерпретировать его местоположение. Одни отмечают причинную семантику *болгаи* и его место в финале зависимой ПЕ. Другие считают, что *болгаи* может занимать позицию как в зависимой ПЕ, так и в начале главной ПЕ. Мы склонны считать *болгаи* в этих конструкциях постпозитивным союзом причинной семантики.

Итак, мы рассмотрели три служебных слова, образованных от формы бытийного глагола *бол=* 'быть'. Суммируя общее и различное между ними, можно сказать следующее. Объединяет эти скрепы функция со-

юзного типа — роль средства связи частей ППК. Все они сочетаются с формами (положительными и отрицательными) причастий на =ган и на =ар, формами имен наличия и отрицания, именами существительными и прилагательными в предикативном употреблении. Скрепы *болза* и *болганда* объединяет способность получать показатели грамматического лица и формировать ППК моно- и разносубъектного типа. *Болгаш* формирует в основном моносубъектные конструкции и не получает личного оформления. Все рассмотренные формы сочетают функцию скрепы с функциями глагольных форм заключительных компонентов сказуемого зависимой ПЕ.

3.5.3. ППК со скрепой *dep* в составе зависимого сказуемого

Анализируемые конструкции — одна из структурных разновидностей конструкций изъяснительного типа. В их формировании участвует деепричастная форма глагола говорения *de= (dep)*.

Кара-оол хурал болур деп чугаалаан [ГРС, 720].— Кара-оол сказал, что будет собрание.

Впервые в тувиноведении анализируемые конструкции были отмечены в работе Н. Ф. Катанова. Автор указывает, что в «дополнительном предложении» глагол *tu=me=* ставится в «деепричастной форме (*тин, теш, тен*), если дальше стоит глагол, выражающий мысль или думу, речь или слух, намерение или желание» [Катанов 1903].

Говоря о предикатах, мы прежде всего обращаем внимание на конструкции, в которых они реализуются. А реализуются они в конструкциях двух типов. Это, с одной стороны, управляемые причастно-падежные ППК, где сказуемое зависимой ПЕ принимает форму определенного падежа по требованию предиката главной ПЕ. С другой — разнообразные семантические типы конструкций со скрепой *dep*, над которой доминируют те же предикаты, что и в управляемых ППК.

Предикаты главной ПЕ, содержащие сему «оперирования информацией», используются в формировании полипредикативных конструкций со склоняемой ЗПЕ, требуя постановки зависимой предикативной единицы в винительном падеже.

Но винительный падеж ЗПЕ не является единственным способом подчинения ЗПЕ и в предложениях, сообщающих о передаче информации. Информация может быть передана и конструкциями с прямой речью, а также специфическими синтаксическими конструкциями, которые развились на базе передачи прямой речи. В таких конструкциях зависимая часть, содержащая информацию, вводится служебным словом, каковым и является деепричастие на =n от глагола говорения — *dep*.

Кроме глаголов оперирования информацией, в главной ПЕ предложений со скрепой *dep* используются глаголы эмоциональной реакции,

оценочные и другие предикаты. Однако частота их употребления, да и сами группы предикатов (их наполнение) в конструкциях с *dep* отличны от причастно-падежных управляемых ППК.

Принадлежность предикатов ГПЕ к определенным лексико-семантическим группам — общее требование для этих конструкций. Специфика проявляется в способах выражения субъекта ЗПЕ и характере личного оформления зависимого сказуемого.

Основной семантический блок предикатов, доминирующих над скрепой *dep*, представляют глаголы с общим категориальным признаком «оперирования информацией». Самым частотным в этой группе является предикат *бодаар* 'думать'. Распространены также другие глаголы мысли: *иштитирлээр* 'решать', *санаар* 'считать'; обладания информацией — *бишир* 'знать'; хранения информации — *сактыр* 'помнить', *уттур* 'забывать'; глаголы группы *дыннар* — 'слышать', *эскерер* 'замечать', *бижиир* — 'писать'. Рассмотрим эти группы.

Первая группа:

а) *бодаар* 'думать'

Бо-даа анаа бир кижилер эвес-тир деп иштимде бодап алдым (СТ, 167).— Про себя я подумал, что это не простые люди; *Байларның кижилери-ле болгай, чүге бистин-биле дөмей улус боор деп бодап олурдум* (СТ, 25).— Я подумал, что ведь вот тоже люди бая, почему же на нас похожи они; *Мени ам база-ла каапкаш, боду чоруй баары ол-дур деп бодап алдым* (СТ, 21).— Я подумал, что уйдет ведь сама (одна), (и) я опять останусь.

Сказуемое ЗПЕ в этих фразах представлено сочетанием отрицательной формы «недостаточного глагола» с «частицей связкой»: *эвес-тир* 'не есть'; застывшей формой повелительного наклонения: *болгай* (*бол=кай*) 'ведь', деепричастием: *каапкаш* 'оставив'. Субъект зависимого действия в конструкциях с *dep* может быть выражен двояко: существительным в прямом падеже (*улус, кижилер* 'люди') или местоимением в винительном падеже (*мени* 'я'). Зависимое сказуемое оформлено притяжательным аффиксом 3-го л. (*чоруй баар=ы*). Ср. еще пример этой группы:

Сээн ону чиксэ=эр=ин=ни мени бил=бес деп бодай-дыр сен бе? (СТ, 100).— Ты думаешь, что я не знаю, что ты их хочешь съесть?

Здесь отражены два способа выражения изъяснительных отношений. Это сложная конструкция, в составе которой две зависимых ПЕ. Линейно первая — *сээн ону чиксээринни* (вин. п.) — 'то, что ты хочешь их съесть'. Оформление этой ЗПЕ винительным падежом вызвано требованием глагола *бил=* 'знать'. Субъект зависимого действия выражен формой родительного падежа местоимения *сээн* 'ты'. Такое выражение

субъекта ЗПЕ характерно для управляемых ППК. Далее следует ПЕ, вводимая скрепой *деп*, эквивалентной союзу 'что': *мени билбес деп*. Эту скрепу прогнозирует предикат *бодаар* 'думать', который находится в составе главной ПЕ — *бодай-дыр сен бе?* 'ты думаешь'. Зависимое сказуемое имеет нулевой показатель грамматического лица: *бил=бес=ø*.

Форма винительного падежа местоимения 1-го л. *мени* 'я' представляет субъект действия — обладателя информации: *мени билбес деп бодай-дыр сен бе?* Букв.: 'ты думаешь (обо мне), (он=я) не знаю?'

Все рассмотренные конструкции имеют разносубъектную реализацию. Зависимое сказуемое оформляется аффиксами грамматического лица по лично-финитному типу спряжения (с нулевым показателем в 3-м л.) независимо от грамматического лица субъекта ЗПЕ. Возможно оформление по лично-притяжательному, если субъект ЗПЕ принимает форму винительного падежа. Хотя и в этом случае зависимое сказуемое спрягается по лично-финитному типу.

Формула разносубъектных ППК:

$(N_1 \leftrightarrow V_{\text{inf}} = /) \text{ деп} \leftrightarrow (\dots V^{\text{fin}})$;

$(N_4 \leftrightarrow V_{\text{inf}} = /) \text{ деп} \leftrightarrow (\dots V^{\text{fin}})$; $(N_4 \leftrightarrow V_{\text{inf}} = /) \text{ деп} \leftrightarrow (\dots V^{\text{fin}})$

б) *санаар* 'считать'

Дыка хэй аныяктар кижигүнге кир=ер=ин=ге төлөтүг деп санап турар мен (ШК, Б, 81).— Я считаю, что очень многие молодые достойны вступить в члены (организации); *Баглааш кажсан-даа куруг тур=бас ужуруг деп Оолакай санап чораа*. (ШК, Б, 28).— Оолакай читал, что коновязь никогда не должна быть пустой.

Разносубъектные конструкции. Субъект зависимой ПЕ выражен существительными 3-го л. *аныяктар* 'молодые' и *баглааш* 'коновязь'. Зависимый предикат в первом примере оформлен посессивным показателем 3-го л. =ын (*кир=ер=ин=ге*), во втором имеет нулевое оформление (*турбас ужуруг* 'не должна быть', букв.: 'должна не быть') в 3-м лице.

в) *шииттирлээр* 'решать':

Сонгаже халы=ыр деп шииттирлеп алган мен (СТ, 51).— Я решил, что прыгну в окно; *Оон авамче чорупт=ар деп шииттирлеп алдым* (СТ, 115).— Я решил, что оттуда поеду к матери; *Чуу-даа болур чүве болза болгай аан деп шииттирлеп алгаи, аъттыг кижиниң соонче маңнап-ла кагдым* (СТ, 166).— Решив, что потом пусть будет что будет, я побежал за всадником.

Глагол *шииттирлээр* выражает здесь значение намерения, поэтому в зависимой части форма будущего времени на =ар или «позволительно-го» наклонения на =кай с модальной частицей *аан* (*болгай аан*), указывающей на «позволенность» совершения действия в будущем. Семантикой предиката определяется и структурная организация конструк-

ции — это всегда моносубъектные ППК: субъект, который планирует действие, является его потенциальным исполнителем. Зависимый предикат здесь также имеет нулевое личное оформление в 3-м лице.

г) *билир* 'знать'

Караңгылап орган, аза бер=ген=им ол деп ылап-ла билип кагдым (ДМ, «Р.ч.а.», 14).— Начало темнеть, я точно узнал (понял), что заблудился; *Ындыг дораан чору=ур деп кым билген боор* (ШК, 9).— Кто же знал, что (он) так сразу придет; *Оларны Хем-Белдириниц бедик хавааның кырында тиккилеп каан турганын үстүнде сөглэ=эн деп билир-ле болгай бис* (СТ, 169).— Они (юрты) стояли на самом высоком пригорке Хем-Белдира, мол, выше сказали, знаем ведь мы.

Интересно, что в последнем примере *билир* выполняет двойную функцию: управляет винительным падежом ЗПЕ, содержащей информацию о предмете «знания», и одновременно доминирует над скрепой *деп*, вводящей вторую зависимую ПЕ, в которой указывается на источник знания: *үстүнде сөглээн* 'сказали выше'. Субъект зависимого действия выражен местоимением множественного числа в винительном падеже: *олар=ны* 'они'. Это разносубъектная ППК.

д) *сактыр* 'вспоминать', *уттур* 'забывать'

Садтын шыгында хек-даваннар шагда-ла чечектели бер=ген деп чүве=ни сакты тыртып келдим (СТ, 102).— Я вспомнил, что в углу сада уже зацвели подснежники; *Мен сээң кел=ир деп тур=ган=ың=ны көңүс уткан мен*.— Я совершенно забыл, что ты собирался прийти.

В первом примере в роли средства связи частей выступает сочетание скрепы *деп* с частицей *чүве=ни* в винительном падеже: 'то, что'. Во втором — *деп* связывает основной и вспомогательный глагол в составном глагольном сказуемом: *келир деп турган=ың=ны* 'то что ты собирался прийти', — выражающего идею намерения совершить действие. Предикат *уттур* требует постановки ЗПЕ в винительном падеже. *Сээң* — субъект зависимого действия 'ты' в управляемой ПЕ. *Мен* — субъект психического действия, названного в главной части: *мен көңүс уткан мен*.

е) *эскерер* 'замечать', *дыннаар* 'слышать', *бижиир* 'писать'

Мээң шоодайымда дириг диң бар деп чүвени дунмам эскерип каан.— Братишка заметил, что у меня в мешке живая белка (есть, имеется); *Хурал бол=бас деп дыннавааның ол бе?* — Разве ты не слышал, что собрания не будет?; *Мээң дунмам өгленип ал=ган деп, авам менче бижээн*.— Мама написала мне, что мой брат женился; *Ол чагазында эмнелгеде чыд=ыр мен деп бижээн чорду* (ШК, Б, 282).— Он написал, что лежит в больнице.

Обратим внимание на два последних примера с предикатом *бижиир* в главной части. В первом примере конструкция разносубъектная. Зависимый предикат оформлен по лично-притяжательному типу спряжения (с нулевым показателем в 3-м л.) независимо от грамматического лица субъекта ЗПЕ. Зависимый предикат оформлен по лично-притяжательному типу спряжения (с нулевым показателем в 3-м л.) независимо от грамматического лица субъекта ЗПЕ.

симый субъект — существительное 3-го л. *дунца=м* 'брат=мой'. Сказуемое зависимой ПЕ имеет нулевое личное оформление, что характерно для 3-го лица лично-финитного типа спряжения. Во втором — конструкция моносубъектная. Оформление зависимого предиката здесь осуществляется по первому лицу аналитическим показателем *мен*, независимо от лица субъекта, который является общим для обеих частей. Буквально здесь выражено следующее: 'он, в больнице лежу я (=он), мол, написал=он в письме'.

Итак, мы рассмотрели первую группу конструкций с глаголами, связанными с мыслительной переработкой информации. Функция скрепы *деп* здесь сопоставима с функцией союза 'что', т. е. вводит формально законченную ПЕ. Возможны как моносубъектные, так и разносубъектные реализации конструкций с *деп*.

Различия в структурной организации этих ППК определяют, как мы могли убедиться, различия в способах выражения субъекта зависимого действия и различия в грамматическом оформлении зависимого предиката.

В качестве второй группы мы выделяем конструкции с глаголами речи в главной части: *чугаалаар* 'говорить', *айтырар* 'спрашивать', *сымыраныр* 'шептать', *сагындырар* 'предупреждать', *диленир* 'умолять', *айыткаар* 'докладывать', *сөөлээр* 'говорить', *хөөрээр* 'говорить с увлечением' (перен.), *чулчуруур* 'болтать', *чылдак кагар* 'оправдываться'. Общая формула — $(N_1 \leftrightarrow Tv = прч // деп \leftrightarrow (... V^{реч}))$.

Мен бажым чайгааш, чуну-даа бил-бес мен деп тывалап чугааладым (СТ, 105). — Мотая головой, я сказал по-тувински, что ничего не знаю.

Здесь субъект выражен дважды: формой прямого падежа подлежащего *мен* 'я' и постпозитивным аналитическим показателем лица у зависимого сказуемого — *бил=бес мен*.

Оон мурнунга буруулуг бол=ду=вус деп айыткааш, албатывысты чагырып аптар бис деп чугаалаңар (СТ, 132). — Доложите ему, что мы перед ним были виноваты (букв.: *буруулуг* 'вину-имеющие'), и скажите, что мы усмирим (букв.: 'покорять') своего подданного.

Здесь представлены две возможности выражения субъекта зависимой ПЕ. В случае, когда он не выражен отдельным словом (*оон мурнунга буруулуг бол=ду=вус* 'перед ним виноваты были=мы'), субъект выражен синтетическим показателем 1-го лица =*увус* в словоформе зависимого предиката (*бол=ду=вус* 'мы=были'). В следующей далее ПЕ субъект выражен отдельным словом — местоимением 1-го лица *бис* 'мы'. Зависимый предикат выражен аналитической конструкцией сказуемого (*чагырып аптар* 'подчинив, взять').

Кожайывыс ол өмүнээ сагыыр деп, чувеге чылдак каккаш, бистерни ажыг мөөгүлдерден хайындырган капуста-биле чемгерип турар болу

берди (СТ, 98). — Оправдываясь тем, что он соблюдает этот пост, хозяин начал кормить нас вареной капустой с кислыми грибами.

В последнем примере в роли доминирующего над скрепой *деп* предиката выступает фразеологическое сочетание *чылдак кагар* 'оправдываться', 'ссылаться на какую-либо причину'.

Орта чүнүкөр=ду=н деп айтырган мен (ТРС, 157). — Я спросил его, что он там видел.

Здесь *көр=ду=н* 'видел=ты'. В этой фразе субъект зависимого действия лексически не выражен. Он выражен грамматически: синтетический личный показатель =*н* в словоформе зависимого предиката. Ср. также пример выше: *буруулуг бол=ду=вус* 'вину имеющие=мы'.

Кино бар=бас мен деп мен кадайымга сагындыр=ган мен. — Я предупредил жену, что в кино не пойду.

В этом примере в зависимой ПЕ сказуемое имеет постпозитивный личный показатель, выраженный аналитически частицей *мен* 'я': *бар=бас мен* 'не пойду я'. В главной ПЕ есть отдельно выраженное подлежащее — местоимение *мен* 'я'. Сказуемое главной ПЕ имеет аналитический постпозитивный личный показатель *мен* 'я'.

В конструкциях, где субъект зависимого действия выражен существительным в 3-м л. (*кожайывыс* 'хозяин=наш'), зависимое сказуемое имеет нулевой грамматический показатель 3-го л. лица: *сагы=ыр=ө* 'соблюдать'. Во всех фразах подлежащее в форме прямого падежа.

Обратим внимание на такой пример:

— *А сен чүү деп бодайдыр сен, угбай? — деп айтырдым* (СТ, 151). — А ты что думаешь, сестра? — мол, спросил=я.

Здесь представлена конструкция с прямой речью. Скрепа *деп* отделяет «прямую речь» субъекта действия от следующих за ней слов автора. Авторские слова — это конструкция с глаголом речи *айтыр* 'спрашивать', который прогнозируется скрепой *деп*.

Как видим, графически прямая речь выделяется знаком тире с обеих сторон. После второго тире следует скрепа *деп*. Но в той части фразы, которая воспроизводит высказывание, появление скрепы *деп* вызвано другими требованиями. Это изъяснительная конструкция, в главной части которой содержится предикат *бодаар* 'думать', доминирующий над скрепой *деп*. В этом формальная противопоставленность изъяснительных конструкций со скрепой *деп* и конструкций с прямой речью. Для последних важно графическое оформление плюс *деп*. В изъяснительных же обязательно только наличие соответствующего предиката.

Вернемся к изъяснительным конструкциям. В позиции доминирующего глагола выступает *дилээр* 'просить, умолять'.

Көрүп кээримге, авам биле угбам Албанчы чогул, кайнаар барган улус бо=ор деп диленип олур мен (СТ, 35).— Я огляделся, где мать и сестра Албанчы, куда же они могли уйти, мол, расспрашивал я себя.

Здесь *диленир* — форма возвратного залога от *дилээр* 'выпрашивать, искать у себя'.

Мен хомудап тур мен, ону мээң ада-иемге кир=ер сен деп дилевээн мен.— Я жалею, что не попросил его зайти к моим родителям (букв.: его, к моим родителям зайти ты, мол...).

Зависимое сказуемое *кир=ер сен* оформлено аналитическим постпозитивным личным показателем 2-го л. *сен* 'ты'. Содержание зависимой части представлено как речь-обращение к собеседнику. В данном случае четко прослеживается аналогия с конструкциями с прямой речью.

Третью группу представляют предикаты, передающие эмоциональную реакцию на событие, совершаемое субъектом зависимого действия. В нашей выборке встречены такие эмотивные глаголы, как *идегээр* 'надеяться', *бүзүрээр* 'верить', *пөрүктенир* 'смушаться', *коргар* 'бояться', *көргүзөр* 'делать вид', *сестир* 'опасаться', *амыраар* 'радоваться', *кайгаар* 'удивляться', *күзээр* 'желать', *былдаар* 'хитрить, увиливать', *шүүдээр* 'беспокоиться', *ырмазыраар* 'сильно переживать'. Общая формула:

$(N_1 \leftrightarrow Tv = прч/\emptyset; =!/)$ деп $\leftrightarrow (...V^{3M})$;

$(N_4 \leftrightarrow Tv = прч/!)$ деп $\leftrightarrow (...V^{3M})$.

Бистиң улуг чурттувустуң кайы-даа крайында чурттазыңза, сээң амыдыралың кандыг-даа болза, мээң төрөөн Мерген хемим-биле таныжарыңдан чажам ди=вес бо=ор сен деп бүзүредим (СТ, 7).— Я верю, что ты не откажешься познакомиться с моей родной рекой Мерген, в каком бы краю нашей великой страны ты ни жил, какая бы у тебя ни была жизнь.

В этом примере личный показатель выражен постпозитивным аналитическим личным показателем *сен* 'ты'.

Төп черлерден келген уруглар демей-ле бир-ле солун чүүлдү чугаалаар бо=ор=ө деп ол иштинде идеген олурган (ШК, Б, 38).— Он внутренне надеялся, что из центральных мест приехавшие дети также интересное расскажут; *Кижиги чүнү-даа канчалгалак чорда, бо Наталья Прокопьевна менээ чүге каржыланым тур=ар=ы ол деп чүвени билбейн пат кайган олур мен* (СТ, 75).— Я очень удивляюсь, не понимаю то, мол, грубо обращается почему со мной эта Наталья Прокопьевна, когда еще не сделал ничего я; *Сенээ чүү-даа хамаанчок деп хевир=инч чоп көргүзүп турар сен*.— Ты ведь делаешь вид, что тебе все безразлично.

В этой группе примеров сказуемое ЗПЕ имеет нулевой показатель грамматического лица, синтетический показатель 3-го л. (=ы) и 2-го л.

(=ин). Субъект ЗПЕ здесь выражен подлежащими в 3-м л. *кижи* 'человек', *уруглар* 'дети'. В последнем примере нет отдельно выраженного подлежащего.

Приведем примеры с винительным падежом субъекта зависимого действия:

А силерни актарга таварыш=кан бо=ор=ө деп коргуп турган бис (СТ, 122).— Мы боялись, что вы попадетесь к белым (букв. (Про) вас, к белым попадутся они (3-е л.), мол, боялись мы); *Авам мени бот артым ка=ар бо=ор=ө деп сестип чораан*.— Мама боялась, что я останусь (букв.: он останется) холостым.

Это разносубъектные конструкции. Зависимое сказуемое оформлено по модели 3-го лица, т. е. нулевым показателем грамматического лица. Здесь ЗПЕ располагается внутри главной ПЕ.

Формальные особенности спряжения зависимой ПЕ и способы выражения субъекта зависимой ПЕ конструкций со скрепой *деп* представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Способы выражения субъекта и предиката ЗПЕ в ППК со скрепой *деп*

P ² синтетическая форма	РСК		МСК		S ² неопр. п. вин. п. S ² не выражен L
	+	+	-	+	
P ² аналитическая форма	+ в.п.	-	-	+	S ² неопр. п. вин. п.
	лично-фин. тип	притяжательный тип	лично-фин. тип		

Обозначения, используемые в таблице:

РСК — разносубъектная конструкция,

МСК — моносубъектная конструкция,

P² синтетическая форма — синтетический (морфологический) показатель грамматического лица сказуемого ЗПЕ,

P² аналитическая форма — аналитический показатель грамматического лица сказуемого ЗПЕ,

лично-финитный (тип) — спряжение сказуемого ЗПЕ по лично-финитному типу,

притяжательный тип — спряжение сказуемого ЗПЕ с нулевым показателем 3-го л.,

S²_{неопр. п. вин. п.} — субъект зависимого действия выражен существительным в неопределенном падеже или местоимением в неопределенном или винительном падеже,

S² не выражен L — субъект не выражен отдельным словом,

Знак «+» означает отмеченность данной формы, знак «-» показывает, что в нашей выборке форма не встречена.

Мы показали, как в тувинском языке скрепа *dep* вводит законченные ПЕ, построенные по схеме простого предложения. Аналитический способ оформления финитного сказуемого, в том числе и зависимого в конструкциях с *dep* — это специфическая черта тувинских ППК. Вообще же финитное оформление зависимого сказуемого здесь типично.

В конструкциях с лексически не выраженным подлежащим ЗПЕ зависимый субъект выражается грамматически: оформлением предиката зависимой ПЕ аналитическими или синтетическими (морфологически) показателями соответствующего лица. В моносубъектных конструкциях сказуемое зависимой ПЕ оформляется аналитическими показателями 1-го лица независимо от реального лица субъекта действия.

В разносубъектных ППК подлежащее может быть выражено формой либо прямого падежа, либо винительного. При этом, если подлежащее зависимой ПЕ — местоимение в винительном падеже, то зависимое сказуемое оформляется нулевым показателем 3-го лица по модели личностно-финитного типа спряжения:

Сени хоорайга хон=ар=ø деп, кадайынга дындадын каан мен. — Я предупредил жену, что ты заночуешь в городе (букв.: Про тебя — в городе (он) заночуешь, мол, предупредил твою жену я).

В конструкциях с подлежащим в прямом падеже зависимое сказуемое в принципе может быть оформлено аналитическими показателями соответствующего лица. Однако информанты интерпретировали такие фразы как неудачные, не совсем правильные. Ср.:

Авам мен ол ырны бил=ир мен деп бодап турган. — Мама думала, что я (прямой п.) знаю эту песню.

Лучше, по их мнению, вариант с винительным падежом субъекта: *Авам мени ол ырны бил=ир=ø деп бодап турган.* Сказуемое зависимой ПЕ, как видим, показателей лица не имеет.

4. СРЕДСТВА СВЯЗИ СОЮЗНОГО ТИПА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аналитические показатели связи в тувинском языке представлены слабо, в силу того что широко используются синтетические деепричастные, причастно-падежные формы, передающие подчинительные отношения. Однако развитие литературного языка, художественной литературы предопределяет появление и развитие аналитических связующих элементов. Вопрос только заключается в том, в какой мере они соответствуют или не соответствуют традиционному представлению о союзах.

В. В. Виноградов, описывая союзы русского языка, отмечал разницу в функциях союзов, «сцепляющих предложения, и союзов, которые служат скрепами отдельных слов и однородных групп слов» [В. В. Виноградов, 1972 552]. М. И. Черемисина вместо термина «союз»,

«подразумевающий широкий, неоднородный и нечетко определяемый круг показателей связи» [Черемисина 1979, 4], использует термин «скрепа» («союзная скрепа»). В нем обобщены традиционные представления, с одной стороны, о союзах и их эквивалентах — частицах в союзной функции и модальных словах в той же роли, а с другой стороны — о местоименных словах.

Мы употребляем этот термин как родовой, подразумевающий аналитические средства связи как частей СП, так и предложений в связном тексте. Соответственно говорим о внутрифразовых скрепах (ВФС) и межфразовых скрепах (МФС).

В поле зрения исследователей тувинского языка [Сат 1955, 709; Исхаков, Пальмбах 1961, 449–455] была только «внутренняя» функция скреп, названных ими союзами: *база* 'и', *болгаиш* 'и', *а*, *харын* 'но', *-биле* 'с', *ындыг-даа болза* 'хотя и так, но', *ынчалза-даа* 'однако', *ынчалза чок* 'все-таки', *ынчанмыже* 'хотя бы', *азы* 'или', *ийикпе* 'или', *бирде... бирде* 'то... то', *чок болза* 'если нет', *бир эвес* 'если', *чүге дизе* 'потому что', *чүге дээрге* 'потому что'. Кроме того, они отмечают возможность выражения подчинительных отношений падежными аффиксами, послелогами и служебными именами, выполняющими союзную функцию.

Анализируя тексты художественной литературы на тувинском языке, мы зафиксировали 30 скреп, среди которых, кроме описанных в ГТЯ, есть и такие, которые в «союзной роли» в ГТЯ не отмечены. Выявленные скрепы довольно разнообразны по своему составу. Сюда вовлечены местоимения, служебные имена, послелоги, союзы. Исходя из морфологической структуры скрепы, все множество выявленных скреп мы разбили на три группы.

Самую большую группу представляют скрепы, сформировавшиеся на базе местоимений: указательного *ол* 'тот' и вопросительных *чүге* 'зачем' и *кажан* 'когда'. Эти скрепы, как правило, состоят из нескольких элементов. Линейно первым компонентом выступает местоимение *ол* или восходящий к нему элемент *=ын* [Исхаков, Пальмбах, 1961, 452] далее следует какое-либо служебное слово: частица, послелог, служебное имя, союз.

Вторая группа аналитических показателей связи представлена межфразовыми скрепами, в роли которых выступают материально те же слова, которые в основной своей функции называются послелогами, служебными именами: *соонда* 'после того как', *сөөлүндө* 'после того как', *дораан-на* 'сразу', *шаанда* 'давно'. Употребляясь автономно, вне сочетаний со знаменательными словами и в начале самостоятельного предложения, они соединяют его с предшествующим предложением.

Третью группу скреп представляют так называемые союзы: *а, база 'и', болгаш 'и, так как', харын 'но', харын-даа 'но', харын-даа болза 'но, хотя',* описанные авторами ГТЯ.

Образование скреп из различных форм указательных местоимений — явление общеизвестное. Е. И. Убрятова отмечает, что «союзы, образованные от указательных местоимений, могут быть употреблены и как средства выражения логической связи предложения с предшествующим повествованием, и как средство выражения сочинения в простом и сложном предложении» [Убрятова 1976, 290].

В первой группе скреп местоименного происхождения нами выделяются четыре подгруппы:

1) В первую подгруппу относим скрепы, состоящие из сочетания местоимения *ол* + служебное слово (послелог, служебное имя). Само местоимение может принимать форму неопределенного, родительного или исходного падежей: *ол араз!!/=да 'между тем', ол хирез!!/=де 'несмотря на все', оон соо!!/=да 'потом', оон ужун 'по этой причине', оон биле кады 'вместе с тем', оон кадында 'при этом', оон башка 'в противном случае', оон ангында 'иначе', оон бээр 'с тех пор', оон өске 'кроме того', оон өске-даа 'и так далее'.*

Ол-ла энме-хаяажок бодаалдарым аразында, черле бодаар хөңнүм чок, ол хирезин=де-ле өжөшкен чүве ышкаш бо-ла карарып келир бодалым бар (СС, А, 101).— Среди всех многочисленных мыслей есть одна мысль, о которой и думать не хочется, но тем не менее, как назло все время (она) приходит в голову.

Здесь скрепа *ол хирез=ин=де-ле* использована в функции внутрифразового средства связи; запятую слева от скрепы можно считать своеобразным критерием такого функционирования. В символической записи *!!/=* отражена очень характерная деталь — показатель посессивного аффикса 3-го л. *=ин* в составе анализируемой скрепы. Эта специфическая особенность анализируемых скреп очень существенно отличает их от союзов в европейских языках. Способность тувинских скреп принимать личное оформление (спрягаемость) противопоставляет их союзам. Показатель грамматического лица выступает своего рода «усилителем» связующей роли данной скрепы и всей зависимой ПЕ с предшествующей главной ПЕ. Буквально в приведенной выше фразе сказано следующее: «среди всех многочисленных мыслей есть одна мысль, о которой и думать не хочется, но, несмотря на=это=ее, именно она все время приходит в голову». Как видим, здесь соблюдено согласование грамматических лиц субъектов действия главной и зависимой ПЕ.

Покажем реализацию данной скрепы в функции межфразового средства связи:

Ычаарда бичии-ле болгай мен. Ол хире=м=де-ле доспезим кончуг, олурар хөңнүм чок, чүве-ле кылыксаан, тудуксаан чоруур мен (ОСО, 171).— Тогда я был маленьким. Но несмотря на=это=мое, очень неуговорным, сидеть не хотел, что-то хотел делать.

В приведенном примере скрепа *ол хире=м=де-ле* связывает два высказывания, между которыми стоит точка. Но совершенно очевидно, что эти два предложения выступают как единое целое. Первое соотносено со вторым, а второе с первым, и эта соотношенность маркирована аффиксом 1-го л. ед. ч. *=м*, заключенным в структуре скрепы. Речь идет о соотношении действий одного и того же лица. Здесь, как и в приведенном выше примере, мы имеем дело с моносубъектным построением. Только в первом случае моносубъектную структуру имеет ППК, а в последнем случае моносубъектным является построение, состоящее из двух формально автономных предложений. Однако, автономные структурно, в содержательном плане они не являются таковыми. Вторая фраза является логическим продолжением первой, из нее вытекающей. Аффикс грамматического лица выступает здесь связующим структурным элементом, своеобразным мостиком от одного предложения к другому.

В исследованиях, посвященных анализу связного текста, указываются важнейшие средства структурного оформления связи между предложениями. К. Боостом был предложен термин «содружество предложений». Автор отмечает тесную связь, сплетение предложений в единую сеть, неразрывную связь одного с другим [цит. по Москальской, 1981]. В нашем случае, как мы уже отметили, это переплетение, «содружество предложений» имеет формальное выражение — посессивный аффикс грамматического лица.

Еще пример:

Октар кулак кыйыны-биле сыгайнып, баш көдүрөр харык чок апарган. Ол араз=ын=да үшкү взводка чораан санитар кыс Севилдин үнү чинге болгаш өткүт үнү чаңгыланып үнген (ЕТ, 137).— Пули свистели над ухом, не было возможности поднять голову. Между тем из третьего взвода пришедшей санитарки Севилдин тонкий и звонкий голос ее раздался.

Скрепа *ол араз=ын=да* отмечена только в функции МФС. Она употребляется не только в начале следующего после точки предложения, но и начинается собой абзац.

Скрепы, образованные сочетанием местоимения *ол* в косвенных падежах с послелогами, также реализуют две функции — ВФС и МФС.

Каа-Хемниц ол-бо талакы эриктеринге хайгааралды күштелдирер, аң оорларынга бо удаада дииннерниц көжүлдезинге моондак кадар кижилерге шаптыктаар. Оон ангыда чон ортузунга тайылбыр ажылын

калбартыр (Там., 166).— Усилить наблюдение за тальниковыми берегами (букв.: левым-правым) Каа-Хема, поставить заслон браконьерам, мешающим передвижению белок. Кроме того, расширить разъяснительную работу среди людей; *Арэвэге кирер хары четпейн турган кижидир ийин, оон башка ону шагда-ла кирип алыр-ла болгай-деп, Шагдыр-оол акызынга болушкан дег тайылбырлап каан* (ЕТ, 77).— Он еще не достиг того возраста для приема в арэвэ, иначе его давно бы приняли — объяснил Шагдыр-оол, как будто защищая своего брата; *Аьдынга камныг, эжинге эргелиг болуру эр кижинин эки мөзүзү дээрзин хаайың кырынга кертип албас болзунза талаар деп бил. Оон башка аныяктарга канчап үлегер-чижээн көргүзүп шыдаар сен – деп, Дарган-оол чамдыкта аныяк кижилерге арга – сүмө бээрде баштактаны аарак элдээрти сөвлээр чанды-биле Даржайга чугаалаан.* (ЕТ, 59).— Если ты не зарубишь на носу то, что к коню относиться бережно, другу быть хорошим товарищем, думаю, плохо будет. Иначе как ты сможешь показать молодежи пример,— сказал Дарган-оол Даржаю, по своей привычке говорить шутя, иносказательно, когда дает молодым людям совет.

2) Вторую и третью подгруппы составляют скрепы типа *ындыг-даа болза*. Они имеют довольно сложную морфологическую структуру: первый компонент этих сочетаний содержит общий структурный элемент =ын, восходящий к указательному местоимению *ол*. Вторым и третьим компонентами выступают усилительно-выделительная частица *-даа* и вспомогательный глагол *бол=* в форме условного наклонения. Место частицы варьируется, т. е. она может сопровождать либо первый компонент скрепы — *ындыг-даа болза*, либо второй — *ындыг болза-даа*. Существенных изменений в семантику позиция частицы не вносит. Буквально семантика этого сочетания следующая: 'хотя даже это и так, но' [Исхаков, Пальмбах, 452], где *ындыг* значит 'такой/так'.

Удаваанда ачам-биле барык-ла үе ашак, оон соондан алдан хире харлыг, ындыг-даа болза кадык, семизи кончуг кадай кириг келдишер (ОСО, 179).— Вскоре вошел такой же старик в возрасте моего отца, за ним примерно шестидесятилетняя женщина, но, несмотря на это (хотя даже это и так), здоровая и очень толстая.

В наших материалах отмечена скрепа *ындыг болза* 'если так' — без частицы *-даа*. В этом случае, на наш взгляд, существенно меняется семантика скрепы:

Ындыг болза, мен чангыскаан боттаң барып, ийи хондур дишнээш келийн... (Белек, 14).— Если так (раз так), я в одиночку, без спутников уйда, две ночи переночевав, на белок поохочусь-ка я (в течение двух дней).

Эта скрепа, начиная абзац, соотносит данное высказывание с предшествующим, выполняя функцию межфразового, точнее — межабзацного средства связи.

3) Этот же структурный элемент =ын содержат скрепы, образованные от указательно-местоименной глагольной основы *ынча* — 'так поступать' [Исхаков, Пальмбах, 452].

Ынчалза-даа, ындыг-даа болза, ынчалзажжок, ынчангаш, ынчанмыжсе.

Названные скрепы выполняют функции внутрифразового и межфразового средства связи, т. е. реализуются в моделях после запятой и после точки. И в первом, и во втором случаях после скрепы может стоять запятая, т. е. скрепа функционирует как вводное слово. Употребляясь в функции межфразового средства связи, скрепы *ынчалза-даа*, *ынчангаш* связывают не только два рядом расположенных предложения, но и начинают абзац, соотнося высказывание с предшествующим контекстом.

Амыргалаар аьдындан дүже халааш, адыгның изин үр-ле ылавылап көрүп турган, ынчалза-даа чүве ыттываан (Там., 76).— Спрыгнув с коня, Амыргалаар долго внимательно смотрел на следы медведя, но ничего не сказал.

Здесь скрепа *ынчалза-даа* реализует свою внутреннюю функцию, связывает предикативные части ППК. Ср. пример употребления названной скрепы в функции межфразового средства связи:

Доржу дүрген-не кымчызын сегирип алган. Ынчалза-даа аза көзүлбээн (ЕТ, 6).— Доржу скорее же схватился за кнут. Но дух (черт) все еще не появлялся.

Ср. употребление скрепы *ынчалза-даа* в начале абзаца:

Ынчалза-даа Тамбаның тоожузунуң шын арны ынды-мында ийи-чангыс таарымча чок чүүлдерден эвес, а амыдыралчы шынындан, дыл-домааның улусчу чеченинден көстүр (Там., 9).— Однако истинное лицо повести Тамбы проявляется не в отдельных шероховатостях (букв. 'неудобствах'), а в жизненной правде меткого народного языка.

В сообщении, предшествующем приведенной фразе, речь идет о художественной манере автора повести. Кроме единства темы, связывающей эти сложные синтаксические построения, структурным связующим элементом, выражающим характер отношений между событиями, здесь выступают анализируемые скрепы местоименного происхождения.

4) Последнюю, четвертую, подгруппу местоименных скреп представляют скрепы, образованные сочетанием вопросительного местоимения *чүге* с глаголом говорения *де=*: *чүге дээрге дize* 'если сказать почему, то?'

Саночкинни бо удаада оттурбаан, чүгө дээрге, ооң ам удуп алыры херектиг (Там., 79).— На этот раз Саночкина не разбудил, потому что ему надо выспаться. Ср. также: *Ол арганың ыяжын кеспес силер. Чүгө дээрге, ол онза чер, аңаа кара-куш ойнаар* (Там., 44).— В этом лесу не рубите деревья. Потому что это особое место — там играет тетерев; *Бо чорук чугааның моон соңгаар өөскүүрүңге дорту-биле хамаарылгалыг, чүгө диге, мал эмчизиниң дараазында кылыр чүвө бүрүзү ол чииртим хамга черүштүр чоруп турар* (Там., 7).— Этот случай имеет прямое отношение к дальнейшему развитию разговора, потому что все то, что предпримет ветврач, будет противостоять этому противному шаману.

Анализируемые скрепы связывают ПЕ внутри ППК или же два линейно следующих друг за другом самостоятельных предложения. Эти скрепы чаще, чем рассмотренные ранее, выделяются запятой справа. Возможно, срабатывает внутренняя форма 'если сказать почему, то': скрепа функционирует как вводная конструкция, сигнализирующая о внешней, межфразовой функции.

Итак, рассмотренные «местоименные» аналитические скрепы состоят минимум из двух компонентов: «местоимение + послелог»; «местоимение + глагол».

Вторая группа аналитических средств связи представлена служебными словами *соонда, сөөлүндө*, образованными от существительного *соң* 'конец', *сөөлү* 'конец чего-либо'; наречиями *дораан-на* 'сразу', *ынчан* 'тогда'.

Оон биче хадымырлап чоруй, баштай дымырадыр, сөөлүндө сишидер кудар чаашкын эгелээн (Там., 176).— Потом слабый ветер подул, сначала заморосил, после этого быстро начал лить (полил) дождь; *Шаанда революция мурнунда аңаа бай орустар алдын кастырып турган. Сөөлүндө ол чер Тыва Арат Республиканың бир шыырак алдын уургайы апарган* (Там., 184).— Давно, перед революцией, там зажиточные русские заставляли золотого рыть. После этого это место Тувинской Аратской Республики стало одним из крупных золотых приисков; *Ол бодунун чогаады шаап аганы-ла боор, бир-ле чаа ырыны бадырыптарга, соонда чораан улус аңаа улажы берген* (ЕТ, 40).— Это свое сочинение, наверное, он сам сочинил (быстро, на ходу), когда новую песню запел, люди сзади (ехавшие сзади) присоединились; *Ол секретарь-биле мөндөшөкөш, дораан-на алгырыткан* (Там., 160).— Он, поздоровавшись с секретарем, сразу закричал; *Дораан-на, шынап-ла, куштар «концерти» эгелээн* (Там., 109).— Тотчас же (сразу) птицы по-настоящему начали «концерт».

Здесь *дораан-на* начинает собой абзац, связывая приведенную фразу с предшествующим контекстом.

Ол кижжи ойталап каапканда, ынчан мен чааскаан хөдөлүр деп шиттирлээн мен (РТС, 583).— Когда он отказался, тогда я решил действовать один.

В рассмотренных примерах аналитический показатель связи представлен отдельным словом. Указанные скрепы также выполняют функцию внутрифразового и межфразового средства связи, как и рассмотренные ранее скрепы местоименного происхождения.

Последнюю, **третью**, группу представляют аналитические однокомпонентные скрепы, названные авторами ГТЯ союзами. Рассмотренные ранее скрепы к таковым не отнесены. Следуя традиции русской грамматики, скрепы *болгаи, база* авторы ГТЯ называют сочинительными соединительными союзами, скрепы *а, харын* — противительными [Исхаков, Пальмбах, 449–455].

В наших материалах отмечены многокомпонентные скрепы *харын-даа, харын-даа болза*, представляющие сочетания базовой скрепы *харын* с частицей *-даа* и вспомогательным глаголом *бол=* в форме условного наклонения. Семантика этих скреп — 'хорошо, что', 'хорошо, если', 'но'.

Чок, оглум. Холу аксай берген-дир. Харын маңаа хоккаштарын кадарып тургаян (Белек, 14).— Нет, сын мой. Хромает на переднюю лапу ведь. Но здесь годовалых=олений может охранять (букв. 'ладно, может охранять'); *Боо база катап удаа-дараа тог-ла диген. Харын-даа болза төтчеглекчиниң октары оранның чараш кужу кууга дегбээн* (Д., ЧЧ, 15).— Ружье еще раз выстрелило. Хорошо, что (но) пуля браконьера не дотронулась до этой красивой птицы (лебедя).

В приведенных примерах скрепы *харын* и *харын-даа болза*, употребляясь после запятой, также выражают противительные отношения. При этом обязательным условием является наличие в главной ПЕ слов типа *туржук* 'не только не', *эвес* 'не'.

Дыннаар туржук, харын караам-биле көрген мен (ТРС, 425).— Я не то что слышал, а видел (это) своими глазами; *Ол чаңчыл сөөлгү үеде чидер туржук, харын-даа улам дүрүмчүп ону арбан, суму хуралдарыңга деткип, чугаалажып турар апарган* (ЕТ, 38).— Этот обычай в последнее время не только не исчез, но все более узаконивая его, на собраниях арбана и сумона поддерживая, стали говорить; *Аңчы кижжи дээрге, чүгле аң-меңни өлүрүп чоруур эвес, харын-даа оларны өстүрүп кадагалаар чүвө болгай*. (Д., ЧЧ, 21).— Охотник не только стреляет животных, но и, выращивая, оберегает их ведь; *Хат соксаар туржук, харын-даа күштелип турган* (ТРС, 471).— Ветер не только не утихал, а наоборот, усиливался.

Здесь мы имеем пример довольно сложной многокомпонентной скрепы, разделенной запятой. Слева от запятой находится часть этой скрепы, представленная формой причастия на =ap (=n =ap) основного глагола + *туржук/эвес*. Справа от запятой — вторая часть скрепы, представленная компонентом *харын, харын-даа*. Таким образом, компоненты этих скреп, входя в каждую из частей, делают обе эти части несвободными.

Скрепа *харын-даа болза*, начиная собой новое предложение, т. е. употребляясь после точки, указывает на связь с предшествующим высказыванием. Однако здесь совсем не обязательно второе условие — наличие названных выше лексических компонентов. Это односторонняя скрепа, она принадлежит только этому предложению, связывая первую синтаксически законченную конструкцию с последующей. Здесь ослаблен двусторонний характер связи, т. е. в первом предложении нет особых примет, предсказывающих появление второго, дополняющего его предложения.

Это же замечание относится и к скрепе *харын*. Выступая в функции межфразового средства связи, она выражает противительные отношения, подчеркивает, усиливает то, о чем сообщено в первом (предшествующем) предложении, логически связывая оба сообщения.

В таблице 6 показана функция скреп, зафиксированных нами по книге С. Тамбы «Уелерниц үскүлежи».

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Функция межфразовой связи вовлекает в систему аналитических показателей определенные разряды служебных и знаменательных слов: местоимений, наречий, вспомогательных глаголов, послелогов. Анализируемые скрепы (кроме *a*) в большей мере тяготеют к функционированию в роли межфразового средства связи. Причем они связывают не только пары предложений, но и более крупные фрагменты текстов, что особенно очевидно, когда скрепа начинает абзац. Это замечание особенно касается не только скреп *ынчалза-даа, оон соонда, ынчангаш, оон бээр, ындыг-даа болза*, но и таких, как *ол аразында, ол хирезинде*. Последние отличаются еще и тем, что способны принимать показатель грамматического лица (спрягаться).

Немаловажную роль, на наш взгляд, играет художественная манера автора, авторские знаки при выделении скреп, связывающих пары предложений. Однако общая закономерность прослеживается отчетливо. Но при такой общей тенденции к использованию выявленных скреп в роли МФС наблюдается и другая. Некоторые скрепы местоименного происхождения демонстрируют возможность функционирования как в роли ВФС, так и в роли МФС. Среди скреп, выполняющих обе эти функции,

вычлняется группа скреп, которые преимущественно используются в функции межфразового средства связи. Об аналогичном функционировании скреп якутского языка писала Е. И. Убрютова [Убрютова 1976, 313]. Употребляясь в роли МФС, одни скрепы связывают только пары самостоятельных предложений, другие же, выполняя текстообразующую роль, обслуживают связный текст. К сказанному следует добавить, что разряд скреп, многочисленный и разнообразный по своему составу, продолжает пополняться как за счет внутренних ресурсов языка, так и за счет заимствования из других языков и калькирования.

Таблица 6.

Функция скреп

	ВФС		МФС		
Не абзац	ол хиреде (3) оон ужун (1), оон соонда (4), оон-биле (1), оон-биле кады оон башка (1), оон аңгыда (1), оон өскө (1), оон-даа өскө (1) ынчалза-даа (35), ынчалза-даа болза (3), ынчал- зажок (1), ын- чангаш (140), ынчанмыкье (1), ынчан (1), ындыг-даа болза (2)	чүгө дээрге (1) соонда (1) сөөлүндө (2) дораан-на (1) болгаш (1) база (1), а (16), харын (5), харын-даа (5)	чүгө дээрге (2) кажан (3) соонда (2) сөөлүндө (2) дораан-на (1) а (1), харын-даа (5), харын-даа болза (1)	ол хиреде (4) ол арада (8) оон ужун (3) оон соонда (12) оон-биле (2) оон башка (3) оон аңгыда (3) оон өскө (1) оон бээр (8) ынчалза-даа (45) ынчангаш (38) ындыг-даа болза (6)	Функция скрепы
	оон соонда (3) ынчалза-даа (35) ынчангаш (14)	чүгө дээрге (2) чүгө дизе (1)	чүгө дээрге (6) харын-даа (5)	оон соонда (1) ындыг-даа болза (6), ынчангаш (38)	
Абзац	-	-	-	-	Функция скрепы
	-	-	-	оон соонда (2) ынчалза-даа (1) ынчангаш (67)	
	Местоименная	Союз		Местоименная	

Комментарий к таблице:

Местоименная — скрепа местоименного происхождения,

Функция скрепы — связывает части ПЕ,

Функция вводн. сл. — функция вводного слова,

Абзац — скрепа начинает абзац; соответственно: не абзац,

Цифры в скобках отражают количественное употребление скрепы в тексте.

Таким образом, по характеру синтаксической связи между частями ППК рассмотренные конструкции с межфразовыми и внутрифразовыми скрепами характеризуются более свободной связью (близкой к сочинению) по сравнению с присловными ППК и ППК расчлененной структуры.

Глава 3.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ППК

Функционально-семантический тип мы понимаем как множество синтаксических форм ППК, соотнесенных с одной синтаксической функцией. Понятие «одна и та же синтаксическая функция» можно трактовать в широком и более узком смысле. Широкое представление синтаксической функции зависимой части ППК предполагает функцию, сопоставимую с функциями членов предложения: обстоятельную, определительную, подлежащую, сказуемую. При таком понимании сложно говорить о семантике, хотя само понятие синтаксической функции предполагает смысл и является семантическим понятием. Но все же содержательная сторона членов предложения довольно абстрактна. Поэтому типы ППК, выделенные по этому основанию, называем функциональными, но не семантическими.

Эти функциональные типы далее делятся на более специальные типы — функционально-семантические (темпоральные, каузальные, определительные, изъяснительные) и далее — семантические (одновременность, следование, предшествование; причина, следствие, условие, уступка).

Это деление зависит от того, насколько детально в данном языке разработана соответствующая область реальной действительности, какие и сколько различных оттенков данного синтаксического смысла фиксируются отдельными моделями ППК.

Каждый функциональный, а также функционально-семантический тип представляет собою систему — упорядоченное множество элементов, между которыми устанавливаются определенные отношения.

Самой богатой и наиболее детально внутренне структурированной является подсистема (тип) темпоральных конструкций внутри обстоятельного функционального типа. Они составляют ядро всей функциональной и структурной системы сложного предложения. Временные отношения между событиями так или иначе выражаются в любых ППК. Но в специализированных (причинных, уступительных и др.) они составляют фон, а в темпоральных конструкциях — основное синтаксическое содержание связи. Они формируют ту базисную структуру, на ко-

тую налагаются специализированные типы отношений. Поэтому мы начинаем анализ именно с темпоральных ППК.

Причинно-следственные отношения, являющиеся центром каузального комплекса сложных предложений, также включают в себя множество отношений. Объем и границы этого комплекса не имеют четких очертаний. «Это сложная система отношений, которую грамматическая традиция довольно условно сводит к пяти типам отношений: условные, причинные, уступительные, целевые и следственные» [Черемисина, Колосова 1987, 68].

2. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОБЫТИЯМИ

2.1. Общая характеристика

Сложные предложения с придаточными времени служат для выражения временных отношений между событием, описываемым главной частью, и событием придаточной части.

В простом предложении грамматическое значение времени выражается формой сказуемого, которая соотносит событие с моментом речи. Сказуемые имеют обычно абсолютные временные значения, но возможно и относительное употребление.

В сложном предложении возникают более сложные отношения. Главная часть, которая всегда строится как простое предложение, выражает те же самые абсолютные времена; она соотносит событие главной части с моментом речи. Но придаточная часть сложных предложений может быть ориентирована не только на момент речи, но и на главное событие, а в системе временных конструкций часто, даже в первую очередь, на событие главной части, и только через него — на момент речи.

В системе относительных времен за начало отсчета принимается не момент речи, а какое-то другое событие. В сложном предложении это обычно событие главной части. В остальных отношениях остаются такими же, как в системе абсолютных времен.

Кежээ чеди=n кэ=эр=ге, Өлөнмаа өөндө орган, ашааның чиир чемин белеткеп алган (СС, ТК, 260).— Когда он вечером пришел, Оленмаа сидела в юрте, приготовив ужин мужу; *Өлгөн кижси орнукишу=ду=n тур=да, дааш шимээн үндүрбес, арага-дары ишпес турган* (К-Л, ТЧБУ, 9).— Когда хоронили умершего, не шумели, не пили араку; *Ба=ар=га, бичиш уруглар даштын халчын турган* (СС, ТК, 141) — Когда пришли (они), маленькие дети бегали на улице.

Здесь событие придаточной части происходит одновременно с событием главной части. Это грамматическое значение одновременности (или «относительного настоящего»). В данном случае событие главной части отнесено в прошлое. Значит, и зависимое событие тоже имеет абсолютное временное значение прошедшего времени. Но выражено это абсолютное временное значение не самой формой зависимого сказуемого (это аналитическая форма на =n =арга; =n турда), а только формой сказуемого главной части — здесь это форма на =ган.

Машинаңарны черниц черинге эни каапкаиш ба=ар=ыңар=га када-рып турдум (Орук, 47).— Когда вы ушли, оставив вашу машину без присмотра, я караулил; *Ол дугайын шала дынзыг үн-биле ажына аарак чугаала=ар=ым=га, даргам ыттавайн барды* (СС, ТК, 72).— Когда я сказал об этом немножко грубым голосом, председатель замолчал.

Здесь событие главной части наступает, следует во времени за событием придаточной (и наоборот, событие придаточной предшествует событию главной части): сначала они ушли, потом он караулил; сначала он сказал, потом председатель замолчал. Эти отношения, аналогичные прошедшему абсолютному, принято называть термином «следование». В данных примерах это следование в прошедшем: оба события предшествуют моменту речи о них.

Уду=ур=ум мурнунда столда аяк-саваны чуп кагдым.— Перед тем как ложиться спать, я убрала со стола посуду.

Здесь событие главной части — ‘я убрала со стола посуду’ — происходит (имеет место) до момента наступления события главной части, т. е. до того, как ложиться спать. Эти отношения называют предшествованием. Они аналогичны будущему (момент речи — до события, о котором идет речь). Оба события в данном примере происходят в разных временных планах: зависимое — форма на =ар, главное — форма на =ды. Значение прошедшего времени, т. к. семантика зависимого события имеет относительное (относительно главного) временное значение.

Значение одновременности, предшествования и следования — это основные грамматические значения, которые в тувинском языке передаются средствами ППК с придаточными времени.

Эти основные значения в тувинском языке расщепляются на несколько более конкретных, частных значений, которые получают выражение с помощью определенных синтаксических форм. Так, значения следования и предшествования членятся одинаковым образом: выделяются значения общего следования и общего предшествования, близкого следования и близкого предшествования. Одновременность членится на два частных значения: на общую и ограничительную одновременность.

Выражается каждое из этих значений с помощью нескольких конструкций, которые в силу этого следует признать синтаксическими синонимами. Как и лексические синонимы, синтаксические синонимы не всегда тождественны по значению. Многие из них различаются более или менее существенными оттенками смысла, хотя встречаются и полные синонимы.

Каждая тувинская конструкция сложного предложения характеризуется прежде всего своими формальными показателями связи придаточной части с главной. Придаточные времени связываются со своими главными с помощью показателей падежей. Показатели местного и дательного падежей в системе выражения временных отношений играют особенно важную роль, показатель исходного падежа выступает только в сопровождении послелогов.

Послелого — второй важнейший способ выражения временных отношений в тувинском сложном предложении. Некоторые послелого следуют за падежно неоформленной (внепадежной) формой глагольного компонента зависимого сказуемого (*билек, орта, санында*), другие — за формами исходного падежа (*бээр*) или дательного (*чедир*). Служебные имена, кроме того, могут употребляться с формами родительного падежа причастия.

Третий способ выражения связи частей временных сложных предложений — это формы косвенных наклонений — условного на *=ca//=za* и предельного на *=гыже* и деепричастные показатели *=гаиш*, *=кала*, *=гыже*, *=найн*, *=нышаан*, *=п*.

Временные отношения уточняются, конкретизируются, подчеркиваются с помощью служебных слов: это усилительная частица *-ла*, лексема *кажан* 'когда'.

Таким образом видно, что арсенал этих средств весьма значителен и с его помощью можно выразить богатое разнообразие синтаксических смыслов. Очевидно также, что для выражения временных отношений используются морфологические показатели. Аналитические элементы всегда выступают в составе комплексных форм, в единстве с морфологическими показателями. Аналитических, т. е. союзных, конструкций в системе временных сложных предложений в тувинском языке нет.

Для понимания тувинских сложных предложений с придаточными времени как определенной системы форм и значений важно учитывать, что не все синтаксические формы, выделяемые на основании показателей указанного типа, способны выражать только одно синтаксическое значение. Как одно значение может выражаться несколькими конструкциями, так и наоборот — одна конструкция может выражать несколько

значений. Таких многозначных конструкций среди временных сложных предложений несколько.

В каждой конкретной фразе, построенной по некоторой многозначной модели, благодаря конкретному лексическому наполнению этой фразы и определенному соотношению аспектуальных форм конечного и зависимого сказуемых, события ставятся во вполне определенные временные отношения. Мы видим либо следование одного события за другим, либо полную или частичную их одновременность.

Хая көрнү=п кэ=эр=ге, кадайы Оленмаа уткуй кел чыт=кан (СС, ТК, 96).— Когда обернулся (увидел), навстречу шла жена Оленмаа.

В главной части аспектуальное значение длительности выражено аналитической конструкцией (АК): *кел чыт=кан* 'шла'. В зависимой ПЕ — законченное действие 'оглянулся'. Результат увиденного оказался неожиданным для говорящего. Здесь присутствует миративный компонент в семантике фразы: 'оказалось'. Это значение миративности передается сочетанием знаменательного глагола *көөр* в форме деепричастия на *=п* и вспомогательного глагола в причастно-падежной форме на *=ар=га*.

Сирт кырынга үне халд=ы бэ=эр=ге, хоюн машина оруунун чанында бир кижги сывырта=ан тур=ган (СС, ТК, 293).— Когда поднялись на хребет, рядом с дорогой за овцой гонялся один человек.

Аспектуальное значение многократного действия, вносимого вспомогательным глаголом *тур=*, выражено АК *=ган тур=ган* 'гонялся'. В этих примерах выражено отношение частичной одновременности: в момент, когда оглянулся, женщина шла; когда поднялись, человек гонялся.

Ханы кажсыдалга таварышкан кижилерге ба=ар=да таакпылыг баар, данза солчуп таакпылаж=ыр тур=ган (К-Л, ТЧБУ, 9).— Когда шли к людям, у которых глубокое горе, несли табак, менялись табаком.

Здесь полная одновременность: в то время, когда горе, всегда идут с табаком. Значение обычного (повторяющегося) действия выражено АК *=ар тур=ган* 'всегда менялись табаком'.

Бир кертилектен ажсы=п чыд=ыр=да, ыды ынаар-ла арга сиртинче ээргеш туруп=кан (СС, ТК, 304).— Как только перевалили через седловину, собака начала беспрестанно лаять там на хребте.

Здесь выражено значение следования (сначала перевалили через седловину, потом собака начала лаять).

Проведенное исследование показало, что существует связь между типом формальной организации сложного предложения с придаточным времени и характером синтаксической семантики этого предложения. Важная закономерность состоит в том, что чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позво-

ляет выразить благодаря соотношению аспектуальных характеристик главной и зависимой ПЕ.

Далее будет дана общая характеристика многозначных конструкций тувинского сложного предложения с придаточным времени, показан их состав. Затем будут рассмотрены все группы сложных предложений, с помощью которых в тувинском языке получают выражение названные выше темпоральные значения. Так как в составе этих групп оказываются и определенные варианты многозначных конструкций, они тоже будут иллюстрироваться и характеризоваться здесь наряду с однозначными конструкциями данной семантики.

2.2. Многозначные модели темпоральной семантики в тувинском языке

Как уже отмечалось, многозначность присуща формально наиболее простым и самым употребительным моделям сложных предложений временной семантики. Таких моделей немного — всего шесть.

$T_v=ap//=га$. Это самая высокочастотная из моделей. В ней сказуемое придаточной части выражено причастием будущего времени на $=ap$ в форме дательного падежа. Грамматические показатели лица (субъекта зависимого действия) занимают позицию между причастным аффиксом и аффиксом падежа. Третье лицо у этих зависимых форм, как и у глаголов-сказуемых в простом предложении, выражается отсутствием показателя.

Серен-оол кө=өр=ге, Оюмаа эжин кыйгыры=п тур=ган (УХ-61, 27).— Когда посмотрел Серен-оол, Оюмаа звала свою подругу.

Здесь главное сказуемое описывает длительное действие. Вспомогательный глагол *тур=*, который является длительным, неопределенным, стоит в форме прошедшего времени на $=ган$. И вся цепочка событий относится в абсолютный план прошлого. Отсюда видно, что форма на $=ap//=га$, в отличие от формы на $=ap$, не имеет значения будущего времени. Сами же эти события предстают как одновременные: в то самое время, когда Серен-оол посмотрел, Оюмаа звала подругу.

Эта модель может передавать и другие отношения событий во времени:

Шаанда шагда өгге чаш уруг төрүттүн=ер=ге, уруг сыртыын өг иштинге хензиг уургай каскаш, анаа чала=ар тур=ган, ол чаңчыл чер биле кижинин тудужун илередип турар (К-Л, ТЧБУ, 14).— Раньше, когда в доме родился ребенок, выкопав яму, выбрасывали послед, выражая этим обычаем связь человека с землей.

Здесь форма $=ap//=га$ выражает отношения следования (сначала рождается ребенок, потом выбрасывается послед). Этот смысл возникает

потому, что оба действия представлены как краткие, законченные. Речь в них идет об уже происшедших событиях. В главной части АК со вспомогательным глаголом *тур=* передает значение обычно повторявшегося действия в прошлом.

Чугаа, Аялга кир=е бэ=эр=ге, үстү хон=а бер=ген (УХ-49, 95).— Когда зашла Аялга, разговор прервался; *Даштыгаа кажжаа кырынга салы=п ка=ар=ым=га, удатпаанда чаашкын кудуп кел=чик* (СС, ТК, 145).— Когда я поставила (чашу) на хлев, вскоре ведь начался проливной дождь.

Здесь однократное событие главной части наступает вслед за единичным событием зависимой части. В данных фразах оба события отнесены к абсолютному плану прошлого.

Если в главной части событие в настоящем времени, то взаимосвязанное с ним зависимое событие также предстает как регулярное, одновременное главному событию.

Хүндүлүг кижси өгден үн=ер=ге, өгнүң улуг ээлери сүрүштүр үнер, оон соонда ажы-төлү база үнү=п кел=ир (К-Л, ТЧБУ, 48).— Когда выходит уважаемый человек, взрослые хозяева выходят друг за другом, а потом еще выходят дети; *Өлүрген аңынын эьдин чону үлежи=п ап-па=ар=га, ол аңчы кончуг амыраар болгаш база катап аннап чору=п ка=ар* (К-Л, ТЧБУ, 65).— Когда народ разделит мясо убитого им зверя, этот охотник очень радуется и еще раз уходит охотиться; *Алгыш-йөрээл доост=ур=га, келин уруг чаа тиккен өөнге чаны=п кел=ир* (К-Л, ТЧБУ, 33).— Когда заканчиваются благословения, невеста возвращается в новую юрту.

$T_v=ap//=да$. Аналогично форме на $=ap//=га$, форма $=ap//=да$ передает действие регулярное, повторяющееся, если событие в главной части в настоящем времени.

Чаа чуртка өгнү тиг=ер=де эжин мурнуу чүкче көрүндүр азы хүн үнер чүкче углай өгле=п ка=ар (К-Л, ТЧБУ, 37).— Когда ставят юрту на новом месте, двери делают на юг или туда, где всходит солнце; *Бичии чаштар аал коданындан ырадыр ойна=ар=да, улуг улустан баар черин айтыры=п а=ар* (К-Л, ТЧБУ, 18).— Маленькие дети, когда играют далеко от аала, спрашивают у взрослых о месте, куда пойдут; *Бичии чаштар өг чанынга ойна=п тур=да, кайы-бир черден улуг назылыг кижси чедип келген болза, ыдынын мойнундан туду=п а=ар=лар* (К-Л, ТЧБУ, 17).— Когда дети играют возле юрты и приходит какой-либо взрослый человек, то они берутся за шею собаки.

В приведенных примерах оба события отнесены в абсолютный план настоящего времени, действие зависимой части носит регулярный характер.

Отнесенность события главной части в план прошлого переводит и событие зависимой в абсолютный план прошлого. Действие зависимой части носит единичный характер и одновременно с действием главной части.

Баглаажынга аът багла=п чыд=ыр=да, ак халаттыг кижги өгден үнү=п кел=ген (СС, ТК, 306).— Когда привязывал коня у коновязи, вышел из юрты человек в белом халате.

Здесь событие зависимой части предстает одновременным событию главной части.

Бир кырлаңны ажы=п ол=ур=да, Казыра хеп-хенертен туруглад=ы бер=ген, оон биччи болгаиш, хырынгайнып, бир-ле амытан-биле чокичу бер=ди ышкаш (СС, ТК, 305).— Когда переваливал через хребет, Казыра вдруг начал лаять, через некоторое время, кажется, подравшись с каким-то зверем, захрипел.

Корреспондентилер хеп-херекселин машиназынга суктуну=п тур=да, кыры-биле кускуннар ужу=п эрт=кен (СС, ТК, 258).— Когда корреспонденты клали инструменты в машину, над ними пролетели вороны.

T_v =ган//да. Третья модель зависимого сказуемого имеет форму причастия прошедшего времени в местном падеже — =ган=да; между этими аффиксами остается позиция показателя лица.

В составе этой модели форма =ган=да не выражает того значения прошедшего времени, которое характерно для формы на =ган. Здесь она выражает лишь отношение временной соотнесенности данного события с событием главной части. Каков характер этой соотнесенности — одновременность, следование или нечеткая временная связь, — это зависит уже от конкретного лексико-грамматического наполнения отдельных фраз.

Кажан тыва дыл дугайында чугаа бол=у бер=ген=де, чеден чылдар эгезинде болган бир таварылганы бо-ла сакты=п кэ=эр мен (УХ-49, 37).— Когда заходит речь о тувинском языке, (то и дело, часто) вспоминаю случаи, который был в начале 70-х годов.

Здесь воспоминания о случае, имевшем место в 70-х годах, представлены одновременными с разговором о тувинском языке. Но при этом данное совпадение событий во времени понимается как многократное, повторяющееся. Абсолютный временной план этой цепочки событий — настоящее время. Следует подчеркнуть важное обстоятельство: наличие лексического указателя на регулярность события в главной части — местоименного компонента с частицей -ла: бо-ла 'то и дело, часто'.

Событие в главной части в этом примере представлено АК, выраженной сочетанием деепричастия на =п основного глагола со вспомогательным глаголом *кел*= в форме причастия настоящего времени на =ар. Это обстоятельство способствует выражению неоднократного, повторяющегося события формой на =ган//да. Ср. еще: *Ойна=ар=ын=га ынак эвес, карандаш, саазын тут=кан=да, ыыды чид=е бэ=эр* (БХ, 89).— Не любит играть, когда берет в руки карандаш, бумагу, замолкает (букв.: голос=ее исчезает); *Кат, тоорук үн=мэ=эн=де, өскээртен-даа сөктү=п кэ=эр* (СС, ТК, 56).— Когда не растут (не урождаются) ягоды, орехи, хоть откуда приходят (идут за ними люди).

Если же событие главной части имело место в прошлом, что выражено формой прошедшего на =ган, то событие зависимой части, представленное формой на =ган//да, не мыслится одновременным событию главной части. Событие главной части наступает вслед за событием зависимой части, причем в этой последовательности события происходят неоднократно, не носят регулярного, повторяющегося характера.

Мырынай хоорай чоокиула=п кел=ген=де, Чайырмаа оон дилээн тоннарын бер=ген.— Когда уже к городу стало ближе (приблизилась), Чайырмаа дала ему пальто, которое он попросил; *Эжик шыгыраан дег бол=ган=да, семис майор кестүп келген* (СС, ТК, 198).— Когда вроде бы закрипела дверь, появился толстый майор.

Таким образом, форма на =ар//да передает единичные события, одновременные с событием в главной части, если в главной части прошедшее время. Если же в главной части настоящее время, события зависимой части предстают регулярными, повторяющимися.

В отличие от формы на =ар//да, формы =ар//га и =ган //да выражают два семантических типа отношений: одновременность и следование главного события за зависимым. Следование единичного события главной части за единичным, однократным событием зависимой части имеет место в том случае, когда оба события отнесены к абсолютному плану прошлого.

Если в главной части событие в настоящем времени, то взаимосвязанное с ним зависимое событие предстает как одновременное, регулярное. Главное же отличие формы на =ар//га от двух других в том, что эта форма выступает одним из средств выражения адмиративного значения.

Таблица 7.

Структура и семантика ППК с формами =ap/=ga и =ap//=da

Семантика \ Форма	=ap/=ga		=ap//=da		Время
	+ед.	-	+ед.	+ед.	
Одновременность	+ед.	-	+ед.	+ед.	Прош.
	+мн.	-	+мн.	-	Настоящее
Следование	-	-	-	-	Прош.
	+сл.	+*сл.	-	-	
	РСК	МСК		РСК	

Символы и сокращения:

Форма — форма сказуемого ЗПЕ

Семантика — семантика ППК

Время — временной план главной ПЕ

Одновременность — между событиями в ППК отношения одновременности

Следование — следование события главной ПЕ за событием зависимой ПЕ

+ед. — единичное действие ЗПЕ, одновременное действию ГПЕ

+мн. — многократное действие ЗПЕ, одновременное действию ГПЕ

+сл. — следование события ГПЕ за событием ЗПЕ

+* — редкое употребление (исключение из правила)

прош. — в главной ПЕ абсолютный план прошедшего времени

настоящее — в главной ПЕ абсолютный план настоящего времени

Таблица 8.

Структура и семантика ППК с формами =ap//=ga и =gan//=da

Семантика \ Форма	=ap//=ga		=gan//=da		Время
	+ед.	-	+мн.	+мн.	
Одновременность	+ед.	-	+мн.	+мн.	Прош.
	+мн.	-	+мн.	+мн.	Настоящее
Следование	-	-	-	-	Прош.
	+сл.	+*сл.	+	+	
	РСК	МСК		РСК	

Таблица 9.

Структура и семантика ППК с формами =ap//da и =gan//da

Семантика \ Форма	=ap//da		=gan//da		Время
	+ед.	+ед.	+мн.	+мн.	
Одновременность	+ед.	+ед.	+мн.	+мн.	Прош.
	-	+мн.	+мн.	+мн.	Настоящее
Разновременность	-	-	-	-	Прош.
	-	-	+	+	
	РСК	МСК		РСК	

$T_v = ca//za$. Четвертая модель связана с использованием в качестве зависимого сказуемого формы на $=ca//za$. Форма на $=ca//za$ в тувинском языке используется главным образом в качестве сказуемого прида-

точной части условного сложного предложения. Но это не единственная ее функция. Она появляется и в придаточных уступительных (осложняясь частицей $-daa$), и в причинных, и во временных. Но где бы она ни появилась, условный оттенок, компонент смысла, присутствует в ней всегда. Этим и объясняется место этой модели в рассматриваемой сейчас системе основных многозначных моделей временных сложных предложений.

Так как форма на $=ca//za$ не имеет собственного, абсолютного временного значения, отнесенность этой фразы в целом к определенному временному плану определяется формой главного сказуемого. Здесь возможны разные формы, и от этого зависит не только временной план, но в какой-то мере и сами временные отношения между событиями.

Кажсан кинолаар апар=зы=нар=за мени эдертип ал=ыр силер. — Когда пойдете в кино, зайдите за мной; *Кажсан изиг хуннер кел=зе, ынчан эшти=п киритт=ер бис.* — Когда наступают жаркие дни, мы ходим купаться.

$T_v = gyje$. Пятая многозначная конструкция сложного предложения в системе темпоральных конструкций тувинского языка — это конструкция с формой на $=gyje$ в роли сказуемого придаточной части.

Специфическая семантика предложений с формой на $T_v = gyje$ состоит в том, что событие, выраженное придаточной частью, предстает как предел, за который не переходит событие главной части. Многозначной же эта конструкция является потому, что в зависимости от разных аспектуальных характеристик протекания действий, как зависимого, так и главного, этот предел может пониматься как односторонний, (то есть как ограничение действия, события «вперед»), в перспективе его протекания), или как двусторонний (то есть своего рода «рамка», как ограничение главного события в его начале и в конце).

$T_v = gyje//che$ 'пока, в то время, пока' является вариантом рассматриваемой модели.

Двустороннее ограничение главного события.

Мен бо шелду кес=киже=м=че сен суглап эккел. — Пока я кошу это поле, ты сходи за водой.

В примерах этой группы форма на $=gyje$ образуется от глаголов, которые характеризуют действие как длящееся, занимающее собою значительный промежуток времени; главное действие предстает либо как мгновенное, краткое, либо как имеющее определенную длительность. Но в любом случае это событие укладывается в те временные рамки, которые заданы придаточной частью, «охватываются» длительностью зависимого события.

Однако самым регулярным значением формы на *=гыже* является значение предела действия в будущем — 'до тех пор, пока'.

Өөрүүс кел=гыже маңаа ыяп ызырныр ужурулуг бис (ЕТ, 152).— До тех пор, пока придут наши друзья, мы должны непременно удержаться здесь.

В данном примере зависимое действие представляется как ожидаемое в некоторый момент в будущем, но мыслится кратким (предельным), и его наступление означает окончание события главной части.

$T_v = \text{галак} // = \text{га}$. Шестая конструкция, способная выражать более чем одно временное отношение между событиями, — это конструкция, в которой сказуемое придаточной части принимает форму на *=галак//=та*. Это каритивная глагольно-причастная форма, обозначающая действие, которое еще не совершилось, но вот-вот должно совершиться. Она широко представлена в тюркских языках Сибири и в киргизском. В каждом языке она имеет свои оттенки. В тувинском она понимается скорее как будущее время, т. е. более значимым оказывается второй компонент ее семантики: «вот-вот наступит».

Аффикс местного падежа и в этом случае выражает временную соотнесенность этого еще не совершившегося, но ожидаемого события с другим, названным главной частью. Двойственность семантики самой формы на *=галак* неизбежно влечет за собой и двойственность, неоднозначность тех временных отношений, которые связывают ее с другим событием. Эти конструкции выражают, с одной стороны, одновременность того момента, когда данное событие еще ожидается (но не произошло), и события главной части. С другой же стороны, в них заключено значение предшествования события главной части этому событию, когда оно действительно произойдет.

Мен дыка ыра=гала=ам=да соомдан чоруп олур! — Догоняй меня, пока я еще далеко не убежал!; *Сат чугаазын төндүр=гелек//=те*, Козулина үзе кирипкен (ДС, 33).— Когда Сат еще не закончил свой разговор, Козулина прервала (его).

В хакасском, алтайском второй компонент «еще не произошло» имеет, по-видимому, большее значение. Ср. хакас.: *Торгы, Ойанның чоогына хынмин, төзеенер чадын, стол даа чыыл=галах=ха, тон алтына кир парган*.— Так как Торгы не понравилась речь Ояна, она на кровать легла, под шубу забралась, когда стол еще не убрали.

В отличие от рассмотренных выше конструкций, где неоднозначность была присуща лишь единицам языка, а при реализации этих единиц в речи снималась благодаря внутреннему контексту фраз и аспектуальным формам главного и зависимого сказуемого, в данном случае конструкция остается неоднозначной и в речи, и в тексте. Оба значения

присутствуют в таких фразах одновременно, и только на фоне общего контекста или всей ситуации можно сказать, которое из них в данном случае является более значимым.

Рассмотренные выше конструкции — это конструкции сложного предложения, которое образуется с помощью чисто морфологических показателей связи частей: синтетических причастно-падежных форм.

Далее будут рассмотрены группы конструкций сложного предложения, выражающих определенные временные отношения между событиями: следование, предшествование, одновременность, — формируемые аналитико-синтетическими показателями.

Основное множество этих конструкций однозначны, т. е. выражают какое-то одно из этих значений. Но поскольку рассмотренные выше многозначные конструкции также входят в определенные семантические группировки, они будут представлены в этих обзорах.

2.3. Моносемантические модели темпоральной семантики

Семантические типы темпоральных конструкций тувинского языка определяются нами в соответствии с той же классификацией, которая принята при описании русских темпоральных конструкций: это общая временная соотнесенность (ОВрС), следование (С), предшествование (П) и одновременность (О). Выявленные семантические типы темпоральных ППК представлены на схеме 2.

В данной работе мы только представим основные конструкции сложного предложения, позволяющие передать разнообразные отношения во времени между двумя событиями. Специально же временные конструкции тувинского языка исследовались нами ранее [Шамина 1987].

Общая временная соотнесенность — такое временное отношение между двумя событиями, которое подразумевает лишь их общую связь, близость во времени, но не означает ни полного совпадения во времени, ни предшествования одного из них другому.

В тувинском языке в предложениях этого типа причастное зависимое сказуемое принимает форму местного или дательного падежа предикативного склонения: *=ар//=да*, *=ган//=да*, *=ар//=га* [Шамина 1987, 101]. *Чадырвыска кел=ир=ивис=ке, ачамның кыжын аялап туруп өлүргөш, хенмелеп каан койгуннарының бирээзин авам быдаа кылып манап олур* (Ак-Көк, 17).— Когда мы пришли в чум, мама ждала, сварив суп из одного из завяленных зайцев, убитых зимой из самострела отца.

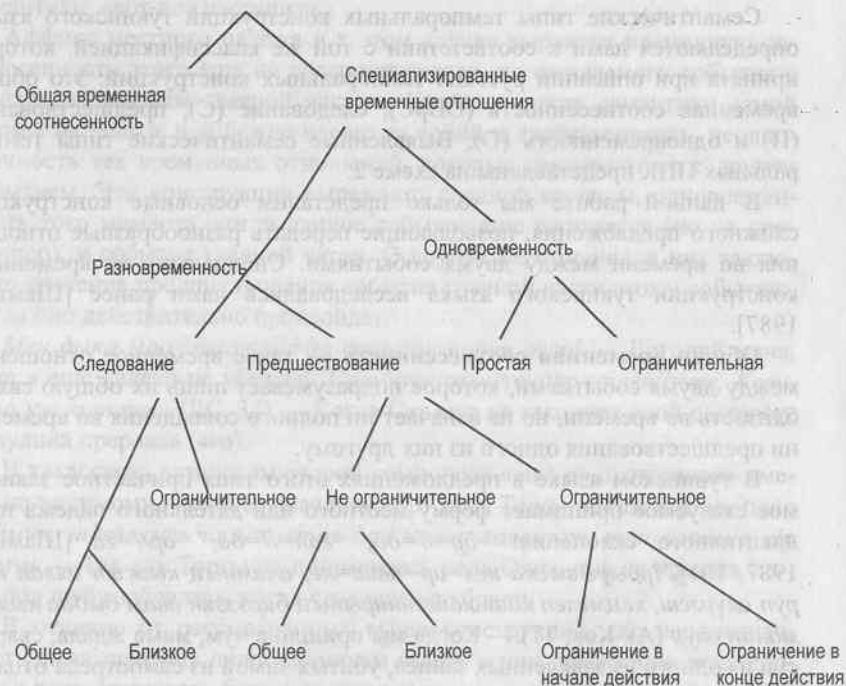
Эти отношения, как уже было сказано выше, могут выражаться и некоторыми другими формами зависимого сказуемого, например формой условного наклонения на *=са*, именами *бар*, *чок*. *Мурнунда чылдарда*

условного наклонения на =са, именами *бар, чок, Мурнунда чылдарда Анай-Кара бар=да, амыр чуве болгай* (КК, I, 338).— В предыдущие годы, когда была Анай-Кара, было легко.

Следование события главной части за событием ЗПЕ. Отношения следования — это первый вид временных отношений между событиями, который получает собственное выражение, отличное от отношений общей временной соотнесенности. Благодаря тому, что в языке появляются специальные, дифференцированные конструкции, выражающие следование и не выражающие никаких других отношений, эти отношения осознаются как особые, системно противопоставленные другим, не дифференцированным отношениям.

Схема 2

«Семантическое дерево» темпоральных ППК

В тувинском языке основным средством выражения этого отношения является причастие на =ган, сопровождаемое служебными именами — *соонда, сөөлүндө*, которые могут принимать личное оформление.

Мангыр чейзен өл=ген соонда, Барык унунга база бир дүжүмет — Сүлдем чейзеңниц көстүп келгени аңаа изиг-даа эвес, соок-даа эвес болган (КК, I, 21).— После того, как умер Мангыр чейзен, то, что в устье Барыка появился другой феодал, Сюддем чейзен, было все равно для него (букв.: ни жарко ни холодно).

После того, как осознано само отношение следования, становится возможным различие и противопоставление общего и специализированных отношений следования — близкого и ограничительного. Отношения близкого следования в тувинском языке передаются сочетанием причастия будущего времени на =ар с послелогоми *билек, орта* и причастием прошедшего времени на =ган с послелогоми *дораан, соон да-рый*.

Ол ону хар кырынга ужур база ба=ар=ы билек-ле, өске бөрүлөр малдын чук-чүгүндөн үглей-ле бергеннер (Тыва дыл, 163).— Как только он свалил его на снег, другие волки коня со всех сторон начали окружать.

Ограничительное следование выражается формами причастия на =ган с послелогоми *ояар, олчаан, бээр, сонгаар* (последние два управляют исходным падежом причастия).

Танк полузу бурунгаарлап чорут=кан=дан бээр, үш шак ашкан (Тыва дыл, 66).— С тех пор, как танковый полк направился вперед, прошло три часа.

Предшествование главного события зависимому событию. В действительности, которую отражают языковые формы, отношения предшествования и следования симметричны. Если событие А предшествует событию В, то это значит, что событие В следует за событием А. Но в системе языка, в системе полипредикативного синтаксиса эти отношения не симметричны, не равноценны. Если есть конструкция, описывающая два события, одно из которых (представленное в главной части) более позднее, то должны быть какие-то специальные причины для того, чтобы в определенных случаях появлялась другая конструкция.

Синтаксические отношения предшествования развиваются позже отношений следования, выражаются меньшим набором синтаксических форм, реже используются в речи. Отношения предшествования, как и отношения следования, представлены тремя типами: общее предшествование, близкое и ограничительное. Основным средством выражения отношения общего предшествования является сочетание причастия на =ар со служебными именами *мурнунда, бетинде, бертинде*.

Мухаммед мынаар андарлып дүж=ер=и=ниң мурнунда оон өөрү бо тамыны долгандыр үнер-кирер черин дилээи, тыптаан-на болгай (Дам., 115).— Перед тем как Мухаммед упал сюда, его друзья, поймав выход из этой пропасти, не нашли ведь.

Близкое предшествование выражается формой причастия на =галак.

Чугаа төн=гелек=те, авам кирип келди (Тыва дыл, 164).— Когда разговор почти закончился (вот-вот), вышла моя мама.

Ограничительное предшествование выражается сочетаниями причастия на =ар с послелогом чедир, отрицательной формой причастия на =ган со служебным именем шаанда, формой ограничительного деепричастия на =гыже.

Ажылывыс доозул=ба=ан шаанда, оон дек келбес бис (Тыва дыл, 165).— До тех пор, пока работа не закончится, оттуда нескоро придем; Имир дүш=күже, чоок-кавыны элээн аннап болур-дур (Тыва дыл, 103).— До того как наступят сумерки, можно вдоволь поохотиться поблизости.

Семантика предшествования или одновременности зависит от определенных соотношений видо-временных планов частей.

Одновременность. Это такое отношение между событиями, которое не маркировано ни как предшествование, ни как следование. Как специализированное отношение, отличное от отношений разновременности, одновременность осознается позже, чем следование (оно осознается первым) и предшествование.

Значение общей одновременности, полной и частичной, без ограничительного компонента, передается конструкциями общей временной соотношенности при определенных соотношениях видо-временных характеристик частей: =арда, =ганда; специализированными формами: сочетанием причастия на =ар с послелогом саныда-ла, =ган тудум-на, деепричастной формой на =нышаан.

Сен эмнегеге чыд=ыр=ың=да, өөрлерин үргүлчүкээп турдулар.— Когда ты лежал в больнице, к тебе часто приходили друзья.

Значение ограничительной одновременности выражаются сочетаниями причастия на =ар со служебными словами үеде, аразында, причастием прошедшего времени на =ган с послелогом дургузунда. Кроме того, эти отношения могут передавать и конструкции с предикатами ЗПЕ в форме на =гыже, о которой говорилось выше как о форме ограничительного предшествования и бивербальной (деепричастной) аналитической конструкцией: сочетанием знаменательного глагола в форме деепричастия на =н со вспомогательным глаголом длительной семантики: чыт= 'лежать', чор= 'идти', олур= 'сидеть'.

Хулбусту чүлгүй шаап, союп тур=ар аразында, бистер ону дескиндир олуруп алган, караавысты оттан салбайн, четтикпейн олурар бис (Тыва дыл, 166).— В то время, когда сдирали кожу козули, мы сидели вокруг нее, не сводили глаз с огня, едва сидели (букв.: не успевая сидеть).

Отношения ограничительной одновременности выражаются при условии видо-временного параллелизма событий.

2.4. Семантические отношения между структурными моделями темпоральных конструкций

В этом параграфе описываются типы семантических отношений, которыми связаны модели внутри выделенных функциональных микрогрупп (следования: общего, близкого и ограничительного; предшествования: общего, близкого и ограничительного и т. п.).

Каждый семантический тип темпоральных ППК тувинского языка представлен определенным количеством структурных моделей, содержательные отношения между которыми в целом оцениваются нами как синонимия. Определяя эти отношения моделей как синонимические, нужно сделать следующие оговорки: во-первых, среди моделей есть только моносубъектные и только разносубъектные, которые взаимно дополняют друг друга. Эти отношения дополнительности не являются разновидностью синонимии. Во-вторых, между моделями, входящими в один семантический тип, возможны как семантическое тождество, так и некоторые семантические различия. В-третьих, в отдельных случаях отношения синонимии устанавливаются не между моделями ППК, а между моделями и вариантами моделей. В-четвертых, возможно, что в некоторых случаях следует говорить не о синонимии моделей, а о реализации одной модели с незначительными вариациями плана выражения, а иногда и плана содержания одновременно.

Несмотря на эти оговорки, термин «синонимия» в целом правильно отражает существо тех отношений, о которых пойдет речь.

Рассмотрим эти отношения подробнее, начиная анализ с отношений дополнительности.

Отношения дополнительности. Это отношение между двумя моделями, передающими один темпоральный смысл. При этом одна из моделей формирует только моносубъектные фразы, другая — только разносубъектные. Таким образом, выбор модели детерминирован тем, фразу какой структуры строит говорящий.

Только моносубъектную реализацию имеют ППК с зависимым сказуемым в форме на =гаш, =нышаан, =н, =а, =пайн, а также причаст-

но-последложные конструкции =ган=ø дораан, =ган//=дан сонгаар, =ган//=ø ояр.

Модели, имеющие только моносубъектную реализацию, встречаются во всех рассмотренных выше семантических группах. Но системными отношениями они связаны не между собой, а с другими моделями той же семантики, то есть с другими моносубъектными и разносубъектными конструкциями. Поэтому рассматриваем их по семантическим группам.

В семантическом типе общего следования задействованы модели с формами деепричастий на =гаши и на =а, формирующие МСК.

Школаны доос=каш, мен фермага ажылдаар мен.— Окончив школу, я буду работать на ферме; *Биче-Ойун өртээлинге чедирип кел=геи, машинам доктаадыптым* (УХ-49, 134).— Довея Биче-Ой до станции, я остановил свою=машину; *Даштыгаа чер одаг кылып алгаи, шарының эьдин ийи-үйи катап дүлүп тур=гаи, дөггезин дүлүп чипкен болбазык-на* (УХ-49, 17).— На улице, разведя на земле костер, мясо бычка на два-три раза проварив, сварив, все съел; *Аракчаа Дембиреловичге ынча сыын адар лицензияны берип тур=а, анныыр-тывыш ажыл-агый чериниң даргазы чугаалаан* (УХ-49, 28).— Председатель коопзверопромхоза, отдавая лицензию на отстрел нескольких маралов Аракча Дембиреловичу, сказал...; *Будук алгаи дыт чөвүрээзинге шылырадыр дүрбүптерге, ам-на сезик ал=гаи, каш аас огуруп чоруй ырай берген* (УХ-49, 33).— Задев ветку, когда с шумом потерся о кору лиственницы, только теперь почувяв опасность, несколько раз прокричав, удалился.

Эта же семантика общего следования может быть передана так называемыми «вариативно-субъектными» моделями, которые формируют как моносубъектные, так и разносубъектные конструкции. Такими вариативно-субъектными моделями являются модели ЗПЕ со сказуемым $T_v=ган//=ның соонда$, $T_v=ган//=ның сөөлүнде$.

Кино көр=ген=ивис соонда, силерге баар бис.— После того, как посмотрим кино, пойдем к вам мы.— Моносубъектная фраза.

Ср.: *Бис ажылдап каан=кан=ывыс соонда, өрээлди аштаар сен.*— После того, как мы поработаем, ты будешь убирать комнату; *Хуралдан доктаат=кан соонда, шиитирни күүседир аппарат* (ШЧС, 50).— Надо выполнять решение после того, как собрание приняло постановление.

Эти фразы построены по разносубъектной модели.

Институт доос=кан=ым сөөлүнде улуг үр чорук чорбаан мен.— После того, как я закончила институт, я никуда не ездила.— Моносубъектная фраза. Эта же модель формирует разносубъектные фразы.

Бистиң алгыжып=кан=ывыс=тың сөөлүнде, ол мээң-биле чугаалашпас апарган.— После того, как мы поссорились, он со мной не разговаривает.

В семантическом типе близкого следования модель $T_v=ган=ø дораан$, имеющая только моносубъектную реализацию, коррелирует с моделями разносубъектных конструкций: $T_v=ар//=ø билек$, $T_v=ар//=ø орта$, $T_v=ар//=га-ла$, $T_v=ба=ан//=да-ла$. Кроме того, эту же семантику передает модель $T_v=ган//=ø соон дарый$, формирующая вариативно-субъектные ППК.

Авам өгге кел=ген=ø дораан-на курлап каан арагазын хамдан эгелээш, ында кижилерге дугурааннап кутту (ОСО, 206).— Мама сразу, как вошла в юрту, разнесла по стопке араку-свою (сидевшим) там людям, начиная с шамана.— Моносубъектная фраза.

Только разносубъектную реализацию имеют конструкции с последлогами *билек*, *орта* 'как только'. Наиболее частотной и распространенной в оригинальных художественных текстах является причастно-последложная конструкция $T_v=ар//=ø билек$.

Чазын хар шокарла=ар=ы билек-ле, дедир ажырап чүве болгай (СС, А, 119).— Как только запестреет весенний снег, (скот) вниз перегонять ведь (надо); *Бошка ажыт кире бэ=эр=и билек, Кежикмаа кадай хыйланган* (КК, 1, 38).— Как только Бошка скрылся из виду, старуха Кежикмаа заругалась; *Ол кел=ир=и билек, мени кыйгыр* — Позови меня, как только он придет; *Адыг көстүп кэ=эр=ø орта, бооланкан мен* (ТРС, 326).— Как только медведь появился, я выстрелил.

Причастно-последложная конструкция $T_v=ган//=ø соон дарый$ также выражает семантику быстрого следования. Эта модель формирует вариативно-субъектные конструкции.

Чедип кел=ген=им соон дарый, чагаа алдым.— Как только я приехала, я получила письмо.— Моносубъектная фраза.

Однако, как свидетельствуют информанты — носители языка, предпочтительнее в данной ситуации моносубъектная фраза, построенная по модели $T_v=ган=ø дораан$.

Чедип кел=ген дораан чагаа алдым.— Как только я приехала, я сразу же получила письмо.

Как видим, в этом случае зависимый предикат не имеет личного оформления. По данной модели строятся только моносубъектные фразы, где такое оформление является избыточным.

Разносубъектная реализация модели $T_v=ган//=ø соон дарый$, по мнению информантов, является более правильной, не искусственной.

Угбам чедип кел=ген соон дарый, чагаа бижидим.— Как только сестра приехала домой, я написала письмо; *Хурал доостур соон дарый, (бис) киноже баар бис.*— Как только кончится собрание, мы пойдем в кино.

Нам трудно сказать, насколько правомерно такое утверждение. Фразы, построенные по этой модели, довольно редки. Мы располагаем несколькими примерами, полученными от информантов. В художественных текстах нами они не встречены.

Модели $T_v=ar//=га-ла$, $T_v=ar//=да-ла$, как и рассмотренные выше причастно-послеложные модели, выражают отношения близкого следования в разносубъектных ППК. Моносубъектных фраз, построенных по этим моделям, в наших материалах нет. Носители языка указывают на невозможность построения моносубъектных фраз, точнее, на искусственный характер этих моносубъектных построений. Рассмотрим разносубъектные фразы, построенные по указанным моделям.

Өг орнуунд артында ушкан терек артынга оңгуланып чыдып алгаи, кушкаштар беле хонутт=ар=га-ла, даштап дажап тургаи, уштү сон каан бис (СС, А, 36).— Укрывшись за упавшим тополем позади бывшей юрты, кидая камни, как только птички приземлились, убили мы трех; *Эжик ажыттын=ар=га-ла бажын ишти соой берген*.— Как только дверь открылась, в доме стало холодно; *Мен боону сегирип ап чыдыр=ым=да-ла, акым бооланкан* — Как только я схватил ружье, брат выстрелил; *Бис хемниц ортузунга чор=увус=та-ла, хат эгелей берген*.— Как только мы вышли на середину реки, поднялся ветер.

В группе конструкций ограничительного следования только моносубъектную реализацию имеют модели $T_v=ган//=дан соңгаар$, $T_v=ган=ө олчаан$, $T_v=ган//=ө ояар$ 'с тех пор'.

Кел=ген олчаан чагаа албадым.— С тех пор, как я приехал, я не получал письма; *Ас=кан=ым=дан сонгаар, ылацгыя азаларга таварыш=кан=ывыс=тан соңгаар аза, бук деп чүве-биле шору таныш дээр чүве бе, азы мурнумга кээп көзүлбеге-даа, соомда эдерип чоруур ышкаш, сагыштан ыравастаан* (СС, А, 39).— С той поры, как я заблудился, особенно с той поры, как мы встретили чертей, я как бы познакомился со злым духом, хотя он и не показывался мне на глаза, но он как будто ходит за мной, не выходит из моей памяти; *Анай-кыс чанып кел=ген ояар авазының кылза чогуур ажылын даанып алгаи кирипкен* (КК, Брак, 15).— Анай-кыс с тех пор, как вернулась домой, взяв на себя работу, которую должна была делать мать, начала делать; *Кел=ген=им ояар кайнаар-даа барбадым*.— Я с тех пор, как приехала, никуда не ходила.

В группе разносубъектных ППК с ними коррелирует самая распространенная в этом семантическом типе модель $T_v=ган//=дан бээр$. По нашим данным, эта модель имеет преимущественно разносубъектную реализацию.

Чай дүш=кен=ден бээр ай ашкан.— Прошло больше месяца с тех пор, как наступило лето; *Сээң маңаа кел=ген=иң=ден бээр, бистин чуртталгавыс көңгүс өскерилген*.— С тех пор, как ты приехал сюда, наша жизнь очень изменилась; *Чай эгелэ=эн=ден бээр, оглум бажынга шуут олурбастаан*.— Как началось лето, сын совсем не сидит дома; *Бис бактажып=кан=ывыс=тан бээр, ол мээң-биле чугаалашпайн-дыр*.— С тех пор, как мы поссорились, он со мной не разговаривает.

Возможны и МСК с послелогом *бээр*.

Сен маңаа кел=ген=иң=ден бээр, кедергей арыпкан-дыр сен.— С тех пор, как ты сюда приехала, ты сильно похудела.

Рассмотренная выше модель с послелогом *олчаан*, но с притяжательным аффиксом 3-го лица (=ы) у причастия $T_v=ган=!/!=ө олчаан$ реализуется в разносубъектной ППК.

Мен ам-даа кештерни, бичимде сээң ачаң мени өөредип ка=ан=ы олчаан эттеп турар мен.— С тех пор, как в детстве твой отец меня научил, я до сих пор так выделываю шкуры.

Модель $T_v=кала$, выражающая ограничительное следование, формирует вариативно-субъективные конструкции. Она встречается реже рассмотренных причастно-послеложных конструкций. Эта модель синонимична причастно-послеложной модели $T_v=ган//=дан бээр$.

Мээң ада-ием моон чорут=кала 20 чыл ажа берген.— С тех пор, как мои родители отсюда уехали, прошло уже 20 лет.

Ср.: *Мээң ада-ием моон чоруй бар=ган=дан бээр, ам 20 чыл эрткен*.

Это были примеры разносубъектной реализации модели $T_v=кала$. Приведем пример моносубъектной конструкции.

Чырык черге чуртта=ала бөрү ийи буттап кылаштап турганын кажан-даа көрбээн мен.— С тех пор, как на свете живу, не видел, чтобы волки ходили на двух ногах.

В предложениях с семантикой одновременности модели с формами на =нышаан, =найн, аналитическая конструкция $T_v=п V=да$ реализуются в моносубъектных конструкциях.

Ажы-төлүвүстү азыра=вышаан, ажылы-биле капсырлаштыр баккының дээди сургуулунга бот-өөредилге-биле өөренип эгелээн бис (Дам., 144).— Детей-наших воспитывая, одновременно работая, стали заочно учиться в педагогическом институте; *Уруг хүлүмзүр=бүшаан, ойнай-сылдай чугаалады...* (ОСО, 197) — Девушка, улыбаясь, игриво сказала...; *Пат-ла өөрөнгени ол ыйнаан, инек саа=п тур=да мырынай халачок* (ОСО, 195).— Так выучилась, наверное, когда доит корову, совсем не испытывает затруднений.

Отрицательная форма деепричастия на =*най* формирует моносубъектные ППК с семантикой одновременности «негативного» зависимого события с главным.

Ажылындан кадайым келгеш, улуг кара дөжүнү-даа эскер=бейн, безин олче көрүн=мейн эрте берди (Дам., 154).— Жена, придя с работы, большой черной наковальни не замечая, даже на нее не глядя, прошла вперед; *Ийи кижги дааш үндүр=бейн аъттаныпкаш оожум чортуп чорупканнар*.— Два человека, не издавая ни звука, сев верхом, тихо поехали.

Рассмотренным выше моносубъектным конструкциям с семантикой полной одновременности соответствует модель разносубъектной конструкции $T_v = \text{ба} = \text{ан} // = \text{да}$. По этой модели строятся предложения с довольно сложной семантической структурой. Их можно понять и описать двояким образом: действие зависимой ПЕ отсутствует или действие еще не совершилось.

Уруглары школага өөренип эгеле=вэ=эн=де, ол өөнүң ишти чок арткан.— Она стала вдовой, когда дети еще не начали учиться в школе.

Буквально здесь сказано ‘когда не начали учиться’, функционально же фраза понимается ‘до того как (прежде чем) начали учиться’, то есть действие главной ПЕ предшествует «положительному событию» зависимой ПЕ. Но формально здесь выражено отношение одновременности «негативного» события (отсутствия события) ЗПЕ и события главной ПЕ: в тот момент времени, когда дети еще не учились, она стала вдовой. Ср. еще примеры:

Барык унунга улуг хар киир чаг=ба=ан=да, диңчилер чанып келгилээн (КК, I, 36).— Когда еще не выпал большой снег в долину реки, возвратились охотники на белок; *Бажыдны тудуп эгеле=вэ=эн=де, ооң ээзин өске районга ажылдаары-биле шилчидипкеннер*.— Дом еще не начали строить, как хозяина перевели работать в другой район.

Однако встречаются и такие фразы, которые на прагматическом уровне не интерпретируются как выражающие предшествование.

Авам ажын=ма=ан=да анаа тавында кыйгырар (ОСО, 171).— Мама, когда не сердится, просто спокойно зовет.

Здесь нет значения ‘до того, как рассердится, перед тем, раньше’.

Семантику ограничительной одновременности передает целая серия моделей, формирующих разносубъектные ППК: $T_v = \text{ар ара} = \text{да}$, $T_v = \text{ар үениң дургузунда}$, $T_v = \text{п V} = \text{ар} // = \text{да}$, $T_v = \text{ган үе} // = \text{де}$. Основной моделью в этой группе является $T_v = \text{ар ара} // = \text{да}$.

От салып, шай хайнып тур=ар ара=зын=да эртен өлүргөн диңднерин союп алганнар (Д., 44, 5).— Огонь разведя, пока варился чай, сняли шкуры с убитых утром белок; *Суг чылып тур=ар ара=зын=да...*

шайын хоюдур соктааш, хөөрексеп олурган сугже каавыттым.— Пока грелась вода ... я растолок чай и высыпал в воду, которая только-только начала кипеть; *Сээң шеригге тур=ар үениң дургузунда, кадайын бистиң өвүске чурттап болур*.— В течение того времени, пока ты будешь в армии, твоя жена может пожить у нас; *Билбээчеңневейн турарымны шынзыгып көргөш, а мен херек кырында чүнү-даа билбээн мен, аннап чора=ан үе=м=де, чүү болганын ол менээ чугаалап берген*.— Поверив, что я не притворяюсь, а действительно не знаю ничего, он рассказал мне, что произошло, пока я был на охоте; *Силер дөгертинип чада=п тур=унар=да, магазин хагдына бээр*.— Пока вы собираетесь, магазин закроется.

У рассмотренных разносубъектных моделей ограничительной одновременности есть корреляты среди моносубъектных моделей.

Мен өөрени=п тур=а, манаа чурттаар мен.— Пока я учусь, я буду жить здесь.

В группе вариативно-субъектных моделей им соответствуют модели: $T_v = \text{ар шаа} // = \text{да}$, $T_v = \text{ар} // = \text{ның өй} // = \text{де}$.

Аныяк чору=ур шаа=м=да, назын кырыырын билбейн чораан кижиги-дир мен, кончуумну көрөм (УХ-49, 139).— Пока я была молодая, о том, что годы идут, не думала я.— Это моносубъектная фраза.

Таким образом, исследование показало, что в каждой семантической группе выделяются модели, а иногда и группа моделей, связанные отношениями дополнительности. Так, моносубъектной конструкции с формой на =*гаш*, выражающей семантику общего следования, соответствует вариативно-субъектная конструкция причастно-последовательного типа: $T_v = \text{ган} // = \text{ның соонда}$ (сөөлүндө). Отношениями дополнительности связаны модели моносубъектных ППК со сказуемым ЗПЕ $T_v = \text{ган} = \text{ө дораан}$ и модели разносубъектных ППК со сказуемым ЗПЕ $T_v = \text{ар} // = \text{ө билек}$, $T_v = \text{ар} // = \text{ө орта}$, $T_v = \text{ган} = \text{ө соон дарый}$, $T_v = \text{ар} // = \text{га-ла}$, $T_v = \text{ар} // = \text{да-ла}$, передающие семантику близкого следования.

У моносубъектных моделей ограничительного следования $T_v = \text{ган} // = \text{дан соңгаар}$, $T_v = \text{ган} = \text{ө олчаан}$, $T_v = \text{ган} // = \text{ө ояар}$ есть корреляты среди разносубъектных моделей $T_v = \text{ган} // = \text{дан бээр}$ и вариативно-субъектных $T_v = \text{кала}$.

Отношения дополнительности связывают и модели конструкций одновременности. Формам на =*нышаан*, =*най*, =*гаш*, выражающим полную одновременность в ППК моносубъектного типа, соответствует модель ЗПЕ $T_v = \text{ба} = \text{ан} // = \text{да}$ в группе разносубъектных ППК.

Семантика ограничительной одновременности передается моделью $T_v = \text{п V} = \text{а}$ в конструкциях моносубъектного типа и коррелирующими с ней вариативно-субъектными моделями $T_v = \text{ар шаа} // = \text{да}$, $T_v = \text{ар} // = \text{ның}$

ой//де и разносубъектными моделями $T_v=ar\ ar//=da$, $T_v=n\ V=ar//=da$, $T_v=ar\ уенин\ дургузунда$, $T_v=ган\ үе//=де$.

Как моносубъектные, так и разносубъектные фразы, построенные по некоторой определенной модели, могут быть преобразованы во фразы других моделей соответствующего моносубъектного или разносубъектного типа. Фразы, полученные в результате такого преобразования, оцениваются информантами как правильные.

Ону көрүп=кеш-ле, кандыг кончуг чараш уруг боор деп бодадым. — Как только (я) ее увидел, подумал=я, какая красивая девушка.

Здесь семантика быстрого следования передана формой на *=гаш-ла*, где частица *-ла* подчеркивает мгновенность действия зависимой ПЕ. Это же отношение передает моносубъектная модель с причастно-последложной формой на *=ган=ө дораан*:

Ону көрүпка=ан дораан, кандыг кончуг чараш уруг боор деп бодаан сен. Ср. еще примеры: *Мээң ада-ием моон чорут=кала, 20 чыл ажа берген.* — С тех пор, как мой родители уехали, прошло 20 лет. Здесь форма на *=кала* выражает отношения ограничительного следования. Это же отношение передает синонимичная ей модель $T_v=ган//=дан\ бээр$:

Мээң ада-ием моон чоруй бар=ган=дан бээр, ам 20 чыл эрткен. Но передать эту семантику ограничительного следования моделью $T_v=ган//=дан\ соонгар$, формирующей моносубъектные конструкции, не представляется возможным. Как видим, преобразования возможны в том случае, если модели синонимичны.

Таблица 10.

Типы отношений между моделями

Семантика		Структура	Дополнительность		
			МСК	РСК	ВарСК
Следование	общее	<i>=гаш, =а</i>		<i>=ган//ның соонда, =ган//ның соолунде</i>	
	близкое	<i>=ган дораан, =гаш-ла</i>	<i>=ар// билек, =ар// орта, =ар//=га-ла, =ар//=да-ла, =ар// биле</i>	<i>=ган//соон дарый</i>	
	ограничительное	<i>=ган//=дан соонгар, =ган олчаан, ган// ояар</i>	<i>=ган//=дан бээр, =ган// олчаан</i>	<i>=кала</i>	
Одно-временность	полная	<i>=найн, =нышан, =n V=da</i>	<i>=ба=ан=да</i>		
	ограничительная	<i>=n V=a</i>	<i>=ар арал//=да, =ган үе//=де, =ар уенин дургузунда, =n V=ар//=да</i>	<i>=ар шаа//=да, =ар//=ның ой//=де</i>	

Синонимия моделей и вариантов моделей. Под синтаксической синонимией мы будем понимать функциональную эквивалентность между конструкциями, а не фразами. Конструкции эквивалентны безотносительно к тому, в каких фразах они реализуются. Так, например, причастно-последложная конструкция со сказуемым зависимой ПЕ $T_v=ar//=ның\ мурнунда$ выражает семантику общего предшествования события главной части событию зависимой части.

Бис балыкта=ар=ывыс=тың мурнунда, алышкылар четкини септен каар ужурлуг. — Прежде чем мы будем рыбачить, братья должны починить сеть; *Чору=ур=у=нуң мурнунда менди сөзүн солчур дээштиң Кодур-оол чылгычылар орар чыдыгыр кара өггө маннай берген* (СТ, 36). — Перед тем как уйти, Кодур-оол забежал попрощаться в низкую темную юрту, где живут табунщики.

Точным синонимом этой модели является модель $T_v=ar//=ның\ бетинде$.

Удуп чыдынт=ар=ы=ның бетинде (бертинде) мен аяк-саваны ап каапкан мен. — Перед тем как ложиться спать, я убрала со стола посуду.

Как видим, модели $T_v=ar//=ның\ мурнунда$ (бетинде, бертинде) передают одно и то же отношение предшествования события главной ПЕ событию зависимой ПЕ. Основной моделью, на наш взгляд, является модель $T_v=ar//=ның\ мурнунда$. Все рассмотренные модели этой группы допускают взаимозамену, смысл фразы при этом не меняется.

Это же отношение общего предшествования может быть выражено моделью $T_v=ган//=дан... бурунгаар$.

Уерлээшкин мээң оглумнун төрүттүн=ген=ин=ден бир чыл бурунгаар болган. — Наводнение было за год до того (перед тем, как) родился мой сын.

Здесь семантика общего предшествования осложнена дополнительной значимостью — указанием на конкретный срок разрыва во времени между главным и зависимым событиями. Этот же смысл возможно передать моделью со служебным именем *мурнунда*: *Мээң оглум төрүттүн=ер=и=ниң бир чыл мурнунда үер болган.*

Как видим, в структуру этих моделей входит лексический конкретизатор *бир чыл* 'один год', что делает конструкцию структурно отличной от исходной. Как свидетельствуют информанты, смысл фразы при этом хотя и незначительно, но меняется. Модель $T_v=ar//=ның\ бетинде$ в подобных построениях не используется.

Таким образом, семантику общего предшествования могут выражать синонимичные модели $T_v=ar//=ның\ мурнунда$, $T_v=ar//=ның\ бетинде$, $T_v=ar//=ның\ бертинде$ и модель $T_v=ган//=дан... бурунгаар$, синонимичная модели $T_v=ar//=ның... мурнунда$.

В группе моделей близкого предшествования также наблюдаются отношения синонимии между моделями, выражающими эту семантику: $T_v = \text{галак}$, $T_v = \text{галак}$ *тур//да-ла*, $T_v = \text{четтик} = \text{пэ} = \text{эн} = \text{де-ле}$, $T_v = \text{бэ} = \text{эн} // = \text{де-ле}$.

Чагс чагс галак = та, бажынымга турар мен. — Дождь еще не успеет начаться, я уже буду дома; *Эжикти сокта = алак тур = ум = да, ол эжикти ажыдыкан.* — Я не успел еще постучать, как он уже открыл дверь; *Уду = галак чыд = ыр = ым = да, эжик соктай бердилер.* — Я не успел еще заснуть, как в дверь постучали.

Событие зависимой ПЕ в приведенных примерах еще не наступило, но интервал между наступлением события главной ПЕ и завершением зависимого события — минимальный, в отличие от фраз с моделями $T_v = \text{ар} // = \text{ныц}$ мурнунда (бетинде, бертинде).

Эта же семантика может быть передана с помощью модели $T_v = \text{четтик} = \text{пэ} = \text{эн} // = \text{де-ле}$, $T_v = \text{бэ} = \text{эн} // = \text{де-ле}$.

Мен удуп четтик = пэ = эн = им = де-ле (уду = ваан = ым = да-ла), эжиимни улус соктады. — Я еще не успел заснуть, как в дверь постучали; *Соңганы хаап четтик = пээн = им = де-ле, кушкаш ужул чоруй барды.* — Я еще не успел закрыть окно, как птичка улетела; *Хуралбай харыылап четтик = пэ = эн = де-ле, ону Мыкылай үзе кире берген* (Сүр., ЧЧ, 57). — Хуралбай еще не успел ответить, как его перебил Николай; *Ынчалза-даа олар чүмүд-даа ужурун билип ап четтик = пээн = де-ле, кожсай кончут-тунуп үнген* (Сүр., ЧЧ, 15). — Они еще ничего не успели понять, как бай начал ругаться.

В приведенных примерах форма на $= \text{пэ} = \text{эн} // = \text{де-ле}$ выражает такое соотношение событий, при котором зависимое событие предстает как непосредственно подошедшее к своему совершению (или завершению), но в этот момент происходит внезапное, динамическое событие главной части. Экспрессивное значение внезапности, подчеркнутой быстроты вытеснения одного события другим вносится семантикой самого глагола, от которого образована форма на $= \text{ба} = \text{ан} // \text{да-ла}$ — *четтик* 'успевать' и усилительно-выделительной частицей *-ла*, подчеркивающей мгновенность действия.

Приведем примеры с моделью $T_v = \text{ба} = \text{ан} // = \text{да-ла}$ с неоднозначной семантической интерпретацией.

Өнгө келгеш, аяк-шай безин суксун хандыр иш = пэ = эн = де, дооза-зы-ла бооларлыг, он ажыг аъттыг кижилер эдертип алган Мыкылай көстүп келген (Сүр., ЧЧ, 13). — Когда он, войдя в юрту, даже (еще) не выпил чашку чая, вдруг появился Николай с десятью конными.

В этой фразе действие зависимой ПЕ можно понимать как не успешшее реализоваться, и тогда эта модель становится синонимичной моде-

ли $T_v = \text{ар} // = \text{ныц}$ мурнунда 'прежде чем'. Но это действие можно интерпретировать и как уже совершившееся, вслед за которым быстро, мгновенно происходит действие главной ПЕ: только выпил — появился Николай, — то есть быстрое следование главного события за зависимым. И в этом случае данная модель синонимична моделям $T_v = \text{ар} // = \text{ө билек}$, $T_v = \text{ган} = \text{ө дораан}$, $T_v = \text{четтик} = \text{пэ} = \text{эн} // = \text{де-ле}$.

Мен кургадып каан чүвөлөрнү чыып ап четтик = пээн = им = де-ле, чагс эгелей берген. — Не успела я собрать сушившиеся вещи, как хлынул дождь.

Для этих фраз характерно значение неполной осуществленности действия зависимой ПЕ: 'не в полную меру'. Только из контекста становится ясно — реализовалось действие (и в какой мере) или нет.

Синонимические отношения устанавливаются между моделями с семантикой ограничительного предшествования 'до тех пор, пока': $T_v = \text{гыже} // = \text{че}$, $T_v = \text{ба} = \text{ан шаа} // = \text{да}$, $T_v = \text{гыже} // = \text{ге чедир}$, $T_v = \text{ар} // = \text{га чедир}$, $T_v = \text{ар} // = \text{дан бээр}$.

Мен бодум оттуп кел = бэ = эн шаа = м = да, мени оттурба. — Не буди меня до тех пор, пока сам не проснусь.

Эту же семантику передают модели $T_v = \text{гыже} // = \text{че}$: *Мен бодум оттуп кел = гыже = м = че...* — и $T_v = \text{ба} = \text{ан} // = \text{да}$: *Бодум оттуп кел = бээн = им = де...*

Приведем еще примеры.

Бодум көр = бэ = эн шаа = м = да, бүзүрөвес мен. — Не поверю, пока сам не увижу; *Мен медээлеп алгыр = гыже = м = че (алгыр = баан шаамда), кым-даа боолакас ужурулуг.* — Пока я не крикну, никто не должен стрелять.

Как видим, во всех приведенных фразах в обеих частях содержится отрицание, причем отсутствие действия главной ПЕ должно продолжаться до тех пор, пока наступит действие зависимой ПЕ. В составе моделей, передающих эту семантику, содержится отрицание: $= \text{бэ} = \text{эже} = \text{м} = \text{че}$, $= \text{ба} = \text{ан шаа} = \text{м} = \text{да}$, $= \text{ба} = \text{ан} = \text{да}$.

$T_v = \text{ар} // = \text{га чедир}$ также выражает ограничительные отношения — предел действия в будущем. При этом во фразах нет отрицания ни в главной, ни в зависимой части.

Чылдыя-на ховуга хар чаат = ар = ын = га чедир ажылдап тур бис. — Каждый год мы работаем на полях до тех пор, пока выпадет снег; *Хун аж = ар = ын = га чедир аннаар турдуvus.* — Мы пробыли там до тех пор, пока зашло солнце.

Аналогичные отношения передаются моделью $T_v = \text{гыже} // = \text{ге чедир}$.

Сен маңаа кел = гыже = н = че чедир, бис манап олурап бис. — Мы будем ждать до тех пор, пока ты придешь сюда; *Маңаа олур, мен*

кел=гигже=м=ге чедир.— Сиди здесь до тех пор, пока я приду. В этих фразах также отсутствует отрицание.

Синонимична рассмотренным моделям T_v =гигже//ге чедир и T_v =ар//га чедир модель T_v =ар//дан бээр.

Караңгы имир дүж=ер=ден бээр, аалче чанып келир бис.— До тех пор, пока наступят сумерки, мы вернемся в аал.

В семантическом типе следования выделяются синонимичные пары моделей близкого следования T_v =ар//ø билек – T_v =ган//ø соон дарый.

Силер бажындан үн=ер=инер билек (силер бажындан үн=ген=инер соон дарый), күштүг чагс эгелээн.— Как только вы вышли из дома, пошел сильный дождь.

Синонимичны и модели ограничительного следования T_v =ган//дан бээр и T_v =кала (см. примеры выше).

Среди моделей, передающих отношения одновременности, отношениями синонимии связаны модели T_v =ар//ара//да, T_v =п V=ар//да.

Силер дөгертини=п тур=ар ара=нар=да (силер дөгертини чада=п тур=унар=да), магазин хагдына бээр.— Пока вы собираетесь, магазин закрывается.

Синонимичны модели T_v =п V=а, T_v =гигже//че, T_v =ар өй//де.

Өөренип тур=ар өй=үм=де маңаа чурттаар мен.— Пока я учусь, я буду жить здесь.

Мы рассмотрели синонимические отношения между моделями темпоральных полипредикативных конструкций. В отдельных случаях отношения типа синонимии устанавливаются не между моделями, а между моделями и вариантами моделей. Так, с одной стороны, в синонимические отношения с моделями общего следования T_v =ган//ныц соонда, T_v =ган//ныц сөөлүндө вступают семантические варианты моделей общей временной соотнесенности T_v =ган//да, T_v =ар//га.

Коңга эдитт=ер=ге=даа кым=даа чоруксаваан.— Даже когда прозвенел звонок, никто не хотел уходить; *Самолет хонупт=ар=га радио дамчыштыр чарлантар ужурулуг.*— Когда самолет приземлится, по радио должны сообщить.

Ср.: *Оглувус удуй бер=ген соонда телевизорну ажылдадыр улус бис.*— После того, как сын заснет, мы включаем телевизор; *Оглум шеригден чедип кел=ген=де кезек ажылдаан кижси.*— Когда мой сын вернулся из армии, он некоторое время работал.

С другой стороны, модель T_v =гигже//ге (чедир) выражает отношения ограничительного предшествования.

Аалчылар чыглып кел=гигже=ге чедир, эде кеттинип четтигиптер мен.— До того, как соберутся гости, я еще успею переодеться.

Вариант модели T_v =гигже=че выражает отношения ограничительной одновременности.

Сен олур=гуже=ң=ге, мен аптека маңааш кэйн.— Пока ты сидишь, я сбегаю в аптеку; *Мен бо шөлдү кес=кижсе=м=че, сен суглап эк-кел.*— Пока я кошу этот лужок, сходи за водой.

Естественно, что в синонимические отношения с моделями, выражающими ограничительное предшествование, – T_v =ба=ан шаа//да, T_v =ар//га чедир, — вступает вариант конструкции T_v =гигже//ге чедир.

В синонимические отношения с моделями одновременности T_v =ган саны//да-ла вступают также семантические варианты моделей общей временной соотнесенности T_v =ган//да, T_v =ар//га, T_v =ар//да.

Оглунун чагаазын эккеп кэ=эр=им=ге-ле, мени шайладыр кижси.— Всегда, когда я приносил ему письма от сына=его, он угощал меня чаем.

В этом примере форма на =ар//га-ла выражает действие, регулярно повторяющееся в прошлом. Частица -ла подчеркивает эту семантику регулярности. Эту же фразу можно передать с помощью моделей T_v =ар//сан//да-ла, T_v =ган//сан//да-ла.

Оглунун чагааларын эккеп бэ=эр сан=ым=да-ла, ол менээ үргүлчү-ле вареньелиг шайын кудар кижси.

Здесь также выражено действие регулярно совершавшееся, обычное, 'всякий раз, когда'.

Ср. еще примеры:

Ол төөгүнү дынна=ан сан=ым=да-ла, караам чажы келир.— Всякий раз, когда я слышу эту историю, у меня на глаза наворачиваются слезы; *Оглум даг үн=ер сан=ын=да-ла, дүвүрээр мен.*— Всякий раз, как сын едет в горы, я волнуюсь; *Чүгле манза дүш=кен сан=ын=да-ла, пет-пет дээрден өске, кандыг-даа дааш чок* (СТ, 223).— Только всякий раз, когда падали доски, кроме пошлепывания не было никаких звуков.

Семантика повторяемости, обычности действия передана в этих фразах сочетанием формы на =ган или на =ар со служебным именем санында 'всякий раз'. Кроме повторяемости, эти фразы осложнены дополнительным оттенком причинности, то есть действие главной ПЕ мотивируется и вызывается регулярно совершающимся действием в зависимой ПЕ.

Бо хонашты көр=ген сан=ым=да, тенек шаамны база сактын кээр мен ийин.— Всякий раз, когда я смотрю на это кочевье, я всегда вспоминаю мое озорное время.

Эту же семантику повторяемости выражают варианты моделей общей временной соотнесенности.

Сен бичи тур=уц=да, сенээ ырлар ырлап берип чораан мен.— Когда ты был маленьким, я всегда пела тебе песни.

Заканчивая обзор синонимических моделей и их вариантов, подчеркнем, что в некоторых случаях следует, вероятно, говорить не о синонимии моделей, а о реализации одной модели с незначительными вариациями. Это замечание относится к вариациям с базовой формой на =гыже, где варьирование падежных аффиксов и сочетание с послелогом чедир дают четырнадцать засвидетельствованных форм, которые мы склонны считать вариантами одной или двух моделей.

Башкы кирип кел=гыже=ге (кел=гыже чедир), класска шимээн үнүп турган.— До того, как вошел учитель, в классе было шумно.

Таблица 11.

Семантика	Синонимия						
	Структура	Предшествование			Следование		Одновр.
		общее	близкое	огранич.	общее	близкое	
Модель	=ар// =нын мур- пунда, =ар// =нын бетин де, =ган// =дан бурун- аар	=галак, =галак тур// =да-ла, =бэ=эн =де-ле, четтик =нэ=эн =де-ле	=гыже//=че, ба=ан шаа//=да* гыже// =ге чедир*, =ар// =га чедир*, =ар// =дан бээр, ба=ан// =да	=ган// =нын соон- да* =ган// =нын соолун де*	=ар //би лек, бээр, =ган соон да- рын	=ган //! =дан бээр, =кала	=ар// ара//=да, =н ара//=да, =н V=a, =гыже// =че =ар ой//=де, =ган са- нын//=да- ла*
Вариант			=гыже//= че, =гыже//= ге чедир	=ар// =га =ган// =да		=ган//=да =ар//=да, =ар//=га	

Жирный курсив и знак * обозначают модели, имеющие синонимические варианты.

Квасисинонимия. Последнее, на чем мы остановимся, анализируя типы семантических отношений между структурными моделями внутри выделенных групп,— квазисинонимия. Эти отношения устанавливаются между моделями одной семантической группы. Так, например, среди рассмотренных выше разносубъектных моделей близкого следования, ограничительной одновременности и некоторых других, имеются модели, которые хотя и незначительно, но явно различаются по смыслу. Покажем

это на примере моделей $T_v=ap//\emptyset$ билек и $T_v=ap//\emptyset$ орта. Обе эти модели выражают одно значение — близкое следование 'как только'.

Чанчыктын сегелинче солагайлап шанч=ар орта, карак оду кызаи дээн (К-Л, 292).— Как только ударил левой по подбородку Чанчыка, искры из глаз посыпались.

Ср. другой пример:

Ынчангац караңгы имир дүж=ер=и билек, тутсуттар бодаан мен (К-Л, 288).— Итак, как только наступят сумерки, быстро отправлюсь в путь, решил я.

Перевод мы дали сходный, но в оригинале интервал между событиями главной и зависимой ПЕ в последнем примере оценивается как более значительный, нежели в предыдущей фразе: 'ударил — посыпались искры'. Как показало исследование, ППК со сказуемым ЗПЕ в форме на =ap//\emptyset орта ограничены временным планом прошлого, тогда как в ППК с послелогом билек в составе сказуемого зависимой ПЕ действие главной ПЕ в подавляющем большинстве случаев относится в план будущего времени.

Кроме того, различия в семантике, передаваемой данными моделями, на наш взгляд, связаны с семантикой глагола, от которого образуются формы на =ар + послелог. Так, в ЗПЕ, построенных по модели $T_v=ap//\emptyset$ орта, часто употребляются глаголы с семантикой 'бить' — шанчар, 'ударять' — моннаар, 'закричать' — алгырар и т. п., то есть глаголов интенсивного, однократного, законченного действия.

Семантику общего предшествования могут передавать модели $T_v=ap//\text{нын}$ мурнунда и $T_v=ap$ мурнуу чарыында.

Маша авазының ажылдан кэ=эр=и=нин мурнунда, грядканың сигенин чулуу каапкан.— Маша, прежде чем мать пришла с работы (перед приходом), выколола траву с грядки.

Ср. другой пример:

Кыш эзелэ=эр мурнуу чарыында ававыс Кангыга база Бежендейге ужуражыр дээш чорупкан (СТ, 60).— Перед самым началом зимы наша мать поехала навестить Кангы с Бежендеем.

В этом примере в составе аналитической формы сказуемого ЗПЕ содержится служебный элемент чарыында, построенный по модели служебного имени: чарык 'половина' — основа имени + =ын — аффикс 3-го л. + -да — аффикс местного падежа. По свидетельству информантов, этой моделью передается предшествование одного события другому, интервал между которыми более краткий, нежели во фразах, построенных по модели $T_v=ap//\text{нын}$ мурнунда. Мы не беремся судить о том, насколько точно такое утверждение. В нашем распоряжении нет достаточного количества авторитетных примеров, позволяющих сделать

однозначные выводы. Несомненно, что какие-то оттенки в семантике, различающие эти модели, есть.

Интересной представляется тувинская интерпретация информантами русской фразы: 'до тех пор, пока ты не пришел, я не верила тому, что ты придешь':

Сен бажыңче кирип кел=гиге=н=ге, сээң чанып кээринге бүзүреведим. — До тех пор, пока ты не вошел в дом, тому, что ты придешь, я не верила.

Здесь события главной и зависимой ПЕ осознаются как одновременные: событие главной ПЕ ограничивается наступлением события зависимой ПЕ.

Ср. другую модель:

Сээң бажыңче кир=ген=ин сөөлүндө безин, сен чедип кээр деп чүвеге бүзүревейн турдум. — Даже после того, как ты вошел в дом, тому, что ты придешь, я не верила.

Здесь события представлены в сознании информанта как последовательные: событие главной ПЕ продолжается и после совершения события зависимой ПЕ — 'после того, как ты пришел, я не верила'.

Различия в семантике наблюдаются среди моделей ограничительной одновременности $T_v=ar\ ar//=da$, $T_v=ar\ шаа//=да$, $T_v=ar\ үениң дургузунда$. Модели $T_v=ar\ шаа//=да$ и $T_v=ar\ үениң дургузунда$ используются тогда, когда речь идет о событиях более длительных: 'пока была молодая', 'когда была маленькая', 'когда работал шофером', 'пока будешь в армии' и т. п. Ср.:

Сен чолаачылап чору=ур шаа=н=да, лама болгаш хамнарнын ады-биле холбашкан сөстү чугула документиге кирип биживес турган, уттаан боор сен бе? (УХ-49, 139). — В то время, когда ты работал шофером, не вписывали в важные документы слова, связанные с названием лам и шаманов, не забыл, наверное, ты?

Модель $T_v=ar\ ar//=да$ используется в том случае, когда интервал между событиями главной и зависимой ПЕ небольшой: 'пока обедали', 'пока собирались', 'пока грелась вода'.

Таким образом, исследование семантики темпоральных полипредикативных конструкций тувинского языка позволяет заключить, что система выражаемых им временных отношений дифференцирована и богата. Она располагает специальными группами структурных моделей для выражения девяти общих типов временных отношений: три — семантический тип следования, три — предшествования, два — одновременности, один — общей временной соотнесенности. Внутри этих семантических групп на фоне основного типа — синонимии — развиваются различные квазисинонимические отношения. Из приведенного здесь

обзора семантических отношений видно, что в дальнейшем на основе уже имеющихся семантических оппозиций могут развиваться новые, более тонкие семантические разновидности временных конструкций.

Временные отношения — самый простой тип отношений между событиями. Далее будут рассмотрены более сложные отношения внутренней обусловленности одного события другим: причинно-следственные, целевые, условные, уступительные. В основе этих предложений, как будет показано, лежат временные конструкции. Осознание, а затем и специальное выражение этих отношений становится возможным лишь после того, как осознаны и выражены простые отношения событий во времени.

3. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОБЫТИЯМИ

Каузальными отношениями принято называть отношения причинно-следственного типа. В отличие от темпоральных отношений, каузальные отношения понимаются как отношения внутренней, не случайной связи событий (процессов) в естественном и социальном мире, в природе и обществе.

В каузальный комплекс входит множество отношений, которые группируются следующим образом.

1. Причинно-следственные отношения, представленные разными конкретными видами отношений. Причинно-следственные отношения являются центром всего этого комплекса, они выступают как категория более высокого порядка по отношению к целевым, условным и уступительным, которые занимают в нем подчиненное положение и включаются в родовое значение причинности.

2. Целевые отношения, которые рассматриваются как специфическая разновидность причинных, обусловленная тем, что человек как субъект сознания проецирует возможные ситуации в будущем и ставит перед собой цель, которая обуславливает, каузирует его действия, направленные к ее достижению.

3. Условные отношения, представляющие собой виртуальную проекцию причинных (причинно-следственных) отношений, то есть представляющие событие как имеющее место не в реальной действительности, а только в мыслимой, гипотетической. Особое место в системе отношений, относимых к числу условных, занимают отношения, которые предстают как имеющие место не в возможной, а в невозможной, уже не реализовавшейся действительности.

4. Уступительные отношения представляют следствие некоторой причины как противоречащее ожиданию. Это отношения между предпосылкой и неожиданным следствием.

Все эти типы отношений получают выражение с помощью языковых средств. Они могут выражаться и лексически, и грамматически, разными формами словосочетаний и предложений — и простыми, и осложненными, и сложными предложениями. Но наиболее четко и адекватно они выражаются сложными предложениями.

Причинно-следственные отношения связывают причину и следствие. Причинные отношения не существуют без следственных. Причина и следствие — две стороны одного отношения. Однако применительно к языковым формам, выражающим эти отношения, причина и следствие противостоят друг другу. В языках могут существовать формы, ставящие во главу угла либо причину, либо следствие.

Эти четыре основных типа выделяются лингвистической традицией. К ним, как правило, добавляется отношение следствия.

Различия между названными типами даются обычно описательно. Причинные предложения обозначают, чем вызвано действие главного, из чего оно вытекает, почему имеет место; предложение цели обозначает действие, к осуществлению которого направлено действие главного предложения, либо действие, вытекающее из состояния, обозначенного в главном предложении; условные предложения указывают на обстоятельство, с которым связано осуществление действия в главном предложении; уступительные предложения обозначают обстоятельства, неблагоприятные для действия главного, хотя и не препятствующие его осуществлению [Беличева-Кржижкова 1985, 432].

Имеются работы, в которых классифицируются типы придаточных на основе совокупности различительных семантических признаков. Этот подход предпринят в Грамматике-70, где выделяются следующие типы причинной обусловленности явлений: 1) прямая и обратная, 2) непосредственная и отдаленная, 3) реальная и гипотетическая, 4) стимулирующая и результирующая.

По первому признаку предложения причины, условия, следствия и цели противопоставлены уступительным; по второму признаку условные и цели противопоставлены причинным, уступительным, следствия. По третьему признаку причинные и следственные предложения — реальная обусловленность; в уступительных предложениях выражается как реальная, так и гипотетическая обусловленность. По четвертому признаку причинные, условные и уступительные (стимулирующая обусловленность) противопоставлены следственным (результирующая обу-

словленность); в предложениях цели явление-стимул вместе с тем представляет собой результат [Грамматика-70, 710].

В тувинском языке различаются синтаксические конструкции, выражающие причинно-следственные отношения, и предложения, акцентирующие следствие.

3.1. Причинные (причинно-следственные) сложные предложения

Причинные отношения не существуют вне отношений причины и следствия. В объективной действительности любая причина является следствием других причин, любое следствие влечет за собой новые следствия, и не одно, а множество следствий. В языковых конструкциях конкретные причина и следствие связаны как части высказывания, и эти отношения наиболее четкое выражение получают в бинарном сложно-подчиненном предложении, в котором одна часть называет следствие, другая — причину.

В причинных предложениях причина бывает названа придаточной ЗПЕ, содержащей падежный показатель, послелог или служебное имя или сочетание падежного форманта с аналитическим. По своей семантике они являются причинно-следственными, и в разных случаях акцент может делаться либо на причине, обусловившей совершение данного действия, либо на следствии, обусловленном данной причиной.

Способы выражения причинных отношений. Причинные отношения представляют центр каузального комплекса. Задачей настоящего описания причинных конструкций является, во-первых, фиксация всех связующих средств, т. е. всех форм зависимого сказуемого причинно-следственных конструкций, а затем и выявление сфер употребления каждой и сравнение этих сфер. Во-вторых, выявление собственных семантических возможностей каждой из падежных и падежно-последних форм зависимого сказуемого, т. е. каждой скрепы.

Причинные сложные предложения выражаются разными способами. Простейшим из них являются синтетические конструкции с предикатами ЗПЕ в разных падежных формах.

1) В форме исходного падежа, которая выступает в значении источника знания:

Вера уруглар эмчизи болуру өске кандыг-бир эмчи болурун=дан эң-не таарымчалыг тускай эртем дээш шилип алган.— Вера решила быть педиатром, так как это более удобная специальность, чем другие; *Пат шаа төнгенин=ден боду билбейн удуй берген.*— Так как сильно устала, сама не зная (как) уснула.

2) В форме местного падежа:

Совхозтун агар санында акша-хөрөңги чок чүве болган=да, банк чүгле кывар-чаар чүүл, артык кезектер садып алырынга, ажылчыннарның акша-шалынын төлээринге чээли берип турар мындыг.— Раз нет денег на счете совхоза, банк дает кредит только на горючее, запчасти, зарплату работников.

3) В форме творительного падежа:

Үр үе иштинде шай-даа, сүт-даа, хойтпак-даа ишпээн=и-биле аштааш, пат боорда тендирип чоруур улус-тур, билдиң бе? (СТ, 12) — Оттого что долгое время ни чая, ни молока, ни хойтпака не пили, изголодались, еле-еле шатаемся мы, понимаешь?

4) В форме дательного падежа:

Силерниң дөгереңерниң каң-кадык болганыңар=га хөлчөк өөрүп тур бис.— Оттого что вы живы-здоровы, мы очень рады; Сени МааР-дыр-оол үдөп барбааның=га муңгарай бердиң бе? — Ты расстроилась из-за того, что Маадыр-оол не пошел тебя проводить?—

Формально несколько более сложными являются аналитико-синтетические, падежно-последложные конструкции. Из них простейшую представляет сочетание послелога ужун с падежно неформленным причастием прошедшего времени на =ган или причастием, оформленным родительным падежом.

Бистиң-биле сээң чор=ба=ан=ың ужун, бактажып алдывыс.— Из-за того, что ты не пошел с нами, мы поссорились; Шуурган эгелз=эн=и=ниң ужун, чоруур ужурга таварыштым.— Я вынужден был уехать, так как начался буран.

В последнем примере причастие оформлено родительным падежом =ның.

Конструкции с предикатами, выраженными сочетаниями причастных форм (в неопределенном падеже) с послелогом билек по первичному типу принадлежат классу темпоральных с семантикой следования, но по вторичным значениям входит в число причинных и целевых.

Ынчалза-даа хүн чүгле аж=ар билек, соогунга даштыгаа чангыс костюм-биле шыдавас апар.— Но как только зашло солнце, из-за холода на улице в одном костюме становится невозможно.

Ср., однако: Хүн үн=ер=и билек, бис ажылдай берген бис (ГРС, 103).— Мы начали работу, как только взошло солнце.

В последнем примере чисто временные отношения.

Наиболее сложными являются конструкции аналитического типа. Их предикативные части соединяются местоименно-последложными скрепами, которые функционально эквивалентны синтетическим и аналитико-синтетическим скрепам. Это причинный союз чүге дээрге, чүге ди-зе и группа причинно-следственных скреп: мооң ужун 'поэтому', мооң

ужурунда 'поэтому', ооң-биле 'вместе с тем', ооң кадына 'при этом', ынчалза-даа 'но, однако', ынчанмыже 'несмотря на то, что', ынчал-зажок 'хотя бы, однако', оон башка 'а то; кроме того'.

Кайнаар-даа барба, оон башка менде дүлгүүрлер чок.— Никуда не уходи, а то у меня нет ключей; Дүктүң чуңгаа эвээш, барык кургаг чыгыы. Ооң ужурундан хой бүрүзүнден дөңгүн-ле бир килограмм беш чүс грамм дүк кыргыттынып турар мындыг.— Жиропот (шерсти) мал, почти сухая (шерсть). Из-за этого от каждой овцы настригают еле-еле один килограмм, пятьсот грамм шерсти.

Следственные отношения в тувинском языке выражаются аналитическим способом (скрепа ынчангаиш 'поэтому').

Каң-оол кажан-даа айтырыг катаптавас кижси, ынчангаиш харыы манаткан туруп берди (КК, I, 262).— Каң-оол никогда не повторял вопроса, поэтому стоял ждал ответа; Ол аъттар шоолуг ылгал чок, ынчангаиш кайызын-даа адаарга дөмей турган (ШК, Б, 145).— Эти лошади не очень отличались, поэтому все равно, которую из них звать; Оларнын аразында Шойдан дээр оол салымныг өөренир, ынчангаиш Чанзаң биле Чымба ол эжин хүндүлээр, ооң аайындан эртпес.— Среди них Шойдан учится талантливо, поэтому Чанзан и Чымба уважают этого друга, слушаются его; Бо уруг ону дыңнаан-даа чадавас, ынчангаиш бистен корткан боор (ШК, Б, 21).— Возможно, ребенок слышал это, поэтому, наверное, боится нас; Чүге дээрге бир метр хире ханыда-ла мөңге доң чер чыдар болгай, ынчангаиш ыяштар узап шыдавас (КК, I, 338).— Так как в глубине около метра лежит вечно мерзлая земля, поэтому деревья не могут вырасти в длину.

В тувинском языке зависимая часть сложного предложения со значением следствия строится по своим законам. Следственная аналитическая скрепа представляет собой обстоятельство причины, выраженное падежно-последложной формой местоимения ол или бо (см. табл. 6). Она вводит предикативную единицу, построенную как простое предложение.

В синтетических причинных конструкциях с инфинитно организованной зависимой частью причинное звено всегда препозитивно. В предложениях с союзной связью маркированная союзом предикативная часть всегда постпозитивна. Прямой порядок повествования требует также и постпозиции следственного звена.

Скрепы типа ооң ужун, ооң аңгыда, оон башка чаще начинают собой новое предложение, то есть перед ними ставится точка. Запятая, выражающая более тесную связь между предложениями, превращение их в части сложного целого,— более редкий случай.

Итак, причинные отношения передаются разными формальными средствами. Среди них есть такие, которые выражают именно причин-

ные отношения в качестве первого и единственного своего значения, и такие, которые в первом, основном своем функциональном варианте передают временные отношения и лишь окказионально интерпретируются как причинные.

С семантической точки зрения различают несколько разновидностей отношений причинного типа. Все они объединяются общим, инвариантным значением причины, противопоставляясь друг другу разными специфическими оттенками. В разных языках эта общая система причинных отношений между событиями наполняется по-разному. Но чем больше формально разных причинных конструкций в языке, тем вероятнее, что какие-то из них уже противопоставлены семантически или могут развиваться противопоставляющие их оттенки смысла.

О необходимости разграничения причинно-следственных предложений (причинной зависимости) и предложений основания-вывода (причинного обоснования) говорили многие исследователи [Бабалова 1974].

ППК причинной зависимости базируются на объективной связи двух явлений, одно из которых позволяет совершиться другому. Главная и зависимая ПЕ представляют два диктумных события. Манифестируют эти ППК конструкции синтетического и аналитического типа со сказуемым ЗПЕ, выраженным причастием прошедшего времени на =ган в исходном падеже: =ган//=дан; причастно-последложными конструкциями =ган ужурунда//=дан, =ган ужун, =ар боорга; союзами болгаши, чүге дээрге, чүге дизе.

Уйгур дьл тыва дьлдан шоолуг ылгал чок бол=ган=ын=дан үш хуурак барык-ла хостуг чугаалажыр болган.— Так как уйгурский язык мало отличается от тувинского, три послушника почти свободно говорили; Олар чаңгыс чер чурттуг болгаши, үргүлчү чарылбас, бот-боттарынга дыка ынак.— Так как они земляки, (они) никогда не разлучаются, очень любят друг друга; Өг чайлагда хевээр, турган-ла черинде тур=ар боорга, оожурган, шуглаанче дедир киргеш, катап удуй берген (Суваң, 19).— Так как юрта стоит, где стояла, как и на летней стоянке, успокоившись, лег в постель, снова уснул; Чылыг бол=ган төлээде, тон кетпейн (тон чок) үнүп болур (ГТЯ, 454).— Можно выходить без пальто, потому что тепло; Көдээниң иштинде болбаазыраңгай кижси звэ=эш төлээде, түмен араттар дүрүм-саавыр-биле танышпаан, эртем-союлу тудуу болуп турар-дыр (КК, I, 147).— Так как в деревнях мало образованных людей, много аратов не познакомились с грамотой, не хватает у них знаний.

Вхождение отрицания в словоформу главного сказуемого вносит причинную семантику во фразу с формой =ар ужун: Боду кел=ир ужун

бизик ытпады (НФ, 885).— Так как он сам собирался приехать, письмо (он) не послал.

ППК причинного обоснования выражают умозаключение о причине, которое делает говорящий. В главной части выражается отношение говорящего к диктумному событию. Поскольку ППК причинного обоснования основаны на умозаключении говорящего, то само событие ППЕ может предстать как психически переживаемое событие, установление которого невозможно без участия мыслящего субъекта.

Ок эктинге дегенинден боор, холун хенертен бадырынты.— Наверное, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку; Ашаа эжиси күштүг хаап=кан=ын=дан боор, кожказының эжиси ажыттынып келди.— Вероятно, муж сильно хлопнул дверью, потому что открылась дверь соседской квартиры; Багай чүве болур деп бодап турдум-на, чүге дизе бо кижси кандыг-даа багай чүүдү кылып каар кижси.— Я чувствовала, что случится беда, потому что этот человек был способен совершать плохие поступки; Аалдап баар мен деп сөс бер=ген=им=ге хомудап тур мен, чүге дизе эжи шай-суксунун харамнаныр, аалчыларга ынак звес.— Я пожалела, что дала обещание пойти в гости, потому подруга была скупа на угощения, не любила принимать гостей.

В ППК причинного обоснования выражается предположение, суждение о причине на основании следствия. В таком случае модальная частица (напр.: боор 'вероятно') входит в состав сказуемого главной ПЕ, эксплицируя позицию говорящего. Ее может и не быть, или это может быть не частица, а вводное модальное слово или целое предложение типа 'Я понимаю'. Представляют эту семантику ППК аналитического типа со скрепами чүге дизе и чүге дээрге 'если сказать, что', ППК аналитико-синтетического типа с причастно-последложными формами.

Эрткен кыш эң-не соок бол=ган ужурунда, суг күштүү-биле дашталдыр доңуп калганы ол боор оң (Тыва дьл, 167).— Потому что прошлая зима была холодная, наверное, поэтому так сильно замерзла вода; Дыштаныр хуннер болгаши оларның телефону үш хонуктуң дургузунда харыылавайн турган-дыр, а боттары дыштанып чоруй барган хевирлиг.— Так как время отпускное, их телефон три дня не отвечает, а все, наверное, уехали отдыхать.

Рассмотренные конструкции составляют ядро конструкций причинной семантики. Периферию составляют конструкции, в которых представлены признаки и тех, и других,— это конструкции со значением санкции, эмоциональной реакции и др.

Л. Л. Бабалова выделила в особый тип причинные предложения, содержащие семантический компонент, названный ею «модальностью знания» [Бабалова 1974]. «Модальность знания» предполагает, что в се-

мантической структуре предиката главной части содержится обязательный компонент осознанности данного действия.

Бис Вера-биле силерге эртен чеде бээр бис, чүге дизе бөгүн Вера чай чок, а соң даарта мен ада-ием сугже баар мен. — Мы с Верой придем к вам завтра, потому что сегодня Вера занята, а послезавтра я поеду к родителям.

В главной и зависимой ПЕ действие проецируется в будущее, предполагается информированность говорящего о предстоящем действии.

Мен силерге эртен эрте долгавадым, чүге дизе силерни оттурарындан кортум. — Я не звонил вам утром, потому что боялся вас разбудить (говорящий знает, что собеседник по утрам долго спит); *Сээн чааскаан эвес келиринчи билгеи, мен шуптузунга чедер кылдыр чемни кылдым.* — Так как я знала, что ты придешь не один, я приготовила еду, чтобы хватило на всех; *Эртен садыг хааглыг болур, ынчангаи бөгүн шуптузун садып алыр ужурлуг.* — Завтра магазин будет закрыт, поэтому все сегодня купить должны; *Природалап чоруурундарда чылыг идик-хевинер ап алыр силер, чүге дизе неделянын төнчүзүнде соок боор.* — Так как в конце недели похолодает, выезжая на природу, возьмите с собой теплую одежду.

Выделяется в тувинском языке и специфическая причинная семантика, передаваемая по-русски союзом 'раз': =ган бол=ган=да, =ган төлээде.

Эта конструкция представляет событие-причину как уже совершившийся конкретный факт, открывающий или закрывающий возможность определенных следствий.

Араттын хувискаалы тишлэ=эн бол=ган=да, моон сонгаар «хайырааты» деп чугааны соксаткан чүве-дир (КК, I, 20). — Раз революция аратов победила, то слова «высочество», «господин» прекратили (произносить); *Бир-тээ мөгелер содак-шудаан кеткеш девин үнүп=кен төлээде, олар-биле хурежир атаар* (КК, I, 105). — Раз уж борцы, надев одежду, вышли плясать, придется с ними бороться; *Херээжсен чон ынчаар энд баштай чыгыр деп турар бол=ган төлээде, хуралга эки билеткенир херек* (КК, I, 109). — В таком случае, раз женщины сначала так хотят собраться, надо хорошо подготовиться к собранию.

Возможно выражение специальными формами =ган=ø болгаи, =ган!/-биле, =ган!/=ø ужун благоприятной и неблагоприятной причин: 'благодаря тому что' и 'благо'.

Кыргыз бичизинден тура-ла кадыг-бергеге чаңчыгып, аажы-чаңын, тура-соруун күш-ажылга дадыктырып кел=ген болгаи ам ооң мурнунда диргелип келген бергедээшкиннерден коргуп, сүртөвээн. — Благодаря тому, что Кыргыз с детства привык к трудностям, закалял ха-

рактер, волю, не боялся трудностей, которые сейчас перед ним встали (букв.: нависли).

Скрепка *болгаи* передает значение 'благодаря'.

Чаьс хөй чаг=ган=ы-биле тараа чаагай болган (ШЧС, 41). — Благодаря тому, что было много дождя, хорошо выросли хлеба; *Оглу шеригден халажып кел=ген=и-биле холбаштыр ол бөгүн аалчылар чалап турар.* — По случаю того, что сын из армии вернулся, он сегодня гостей приглашает; *Оолдуг бол=ган=ынар ужун байыр чедирип тур мен, Мария Ивановна* (Сүр., ЧЧ, 121). — Я поздравляю, Мария Ивановна, с рождением сына; *Сээн оглуң төрүттүн=ген=и-биле сеңээ байыр чедирип тур мен.* — Поздравляю тебя с тем, что у тебя родился сын.

Здесь значение благоприятной причины выражено причастно-падежной формой =ган!/-биле, причастно-последложной формой =ган! ужун.

ППК со значением санкции 'за то' (благоприятная и неблагоприятная). Выражается причастно-последложными формами =ган!/=ø дээш, =ар!/=ø дээш. Специфика ППК санкции состоит в том, что в них обязательно присутствует субъект сознания — человек или коллектив. Управляющие глаголы представлены двумя группами: с семантикой санкции — положительной (*кадак тудар* 'дарить кадак') и отрицательной (*торгаар* 'штрафовать') и глаголами речевой санкции — *сөглээр* 'ругать'.

Ном номча=ан=ы дээш моолдар колдуунда кадак тудар болган, чамдык өелер ланшаа-даа бээр-ле. — За то, что прочитал молитву, монголы в основном дарят кадак, некоторые дают ланшаа; *Дываажан ораныга баргаи, бо үүлгеткен нүгүлүвүс дээш шаажыладыр атаар.* — Находясь в раю, за то, что совершили грех=мы, должны быть наказаны мы; *Хөй кезинде бисти дүрген чору=ур=увус дээш азы чок болза кызыл өңгө халдып эрте бер=ген=ивис дээш торган турар.* — Чаще всего нас штрафуют за превышение скорости или за то, что едем на красный свет.

3.2. Целевые сложные предложения

С причинными отношениями формально и содержательно тесно связаны целевые. Близость грамматического выражения причинных и целевых связей прослеживается в языках разных систем. Во многих языках имеются служебные слова, способные выражать как причинные связи, так и целевые отношения. Ср., например, английское *for* 'для', 'из-за', 'по причине'; японское *tame (ni)* 'ради', 'из-за', 'благодаря' со значением причины и цели. Целенаправленная практика человека обособливает представление о причинности.

В литературе, посвященной целевым отношениям, отмечается, что последние содержат указание на активную и сознательную (контролируемость действия со стороны субъекта) деятельность субъекта [Грамматика-70, 725; ТФГ 1996, 164].

Цель — это то, что представляется сознанию говорящего как ожидаемый и желаемый результат тех действий, которые уже есть, или были, или же еще должны быть произведены в будущем. Как уже говорилось, это та же причина, которая из будущего «управляет» сознательными действиями лиц, стремящихся к ее достижению. Цель позволяет людям организовать свое поведение, предвидеть результаты осознаваемых действий.

В тувинском языке целевые отношения нередко передаются теми же формальными средствами, что и причинные — с помощью послелогов (*ужун, дээш, төлээде*), падежного форманта *-биле*, но с использованием причастных форм не прошедшего (как в причине), а будущего времени.

Целевые предложения содержательно менее разнообразны, чем причинные. Главные из них — это конструкции с причастием на *=ар* и послелогом *ужун, дээш, төлээде* и аналитико-синтетические конструкции с предикатом в форме побудительно-желательного наклонения и служебным словом *деп*, конструкции инфинитивного типа (с предикатами ЗПЕ в форме *=ар=ы-биле* с глаголами движения).

Четкая целевая конструкция связана с использованием в качестве предиката зависимой части причастно-послеложной конструкции *=ар=ө дээш, =ар=ө төлээде, =ар ужун*.

Когараан малдын дуоун тургуз=ар дээш, улустун хууда малын садын ап тур бис, чугле акша чедишпес бооп-тур. — Чтобы восстановить скот, мы покупаем у людей личный скот, оказалось, (нам) денег не хватает (на покупку скота); *Тывага коммуналар хөй тургустунар, оларны бот-боттарындан ылга=ар төлээде, оларга тус-тус аттар бээр деп даргалар тайылбырлааннар* (КК, I, 154). — Начальники объяснили, что в Туве будет много коммун, и чтобы их отличать друг от друга, им надо давать разные названия; *Институт кирип ал=ыр төлээде, эки өөренир херек.* — Чтобы поступить в институт, надо хорошо учиться; *Кичээлден озалда=вас төлээде, далажыр херек* (ТРС, 419). — Чтобы не опоздать на занятия, надо торопиться; *Сээң хол чу=ур ужун суг эккелдим* (НФ, 885). — Я принес воды, для того чтобы ты вымыл руки; *Бистин чору=ур=увус ужун чарлык келди* (НФ, 885). — Пришел приказ, чтобы нам ехать.

По сравнению с другими конструкциями целевой семантики ППК со сказуемым ЗПЕ в форме *=ар//ужун* встречается реже.

Целевая конструкция связана также с использованием в качестве предиката зависимой части формы типа инфинитива. Известно, что специальной формы инфинитива типа *=арга*, как в других тюркских сибирских языках, в тувинском языке нет. Форму причастия будущего времени *=ар* в творительном падеже с посессивным показателем 3-го лица *=ы* (*=ар///-биле*) можно назвать «целевым инфинитивом». Целевое значение свойственно инфинитиву. В главной части — глаголы движения: *кирер* 'входить', *чоруур, эккээр* 'привозить', *олур=*; глаголы интеллектуальной деятельности: *өөредир* 'учить', *өөренир* 'учиться', формирующие моносубъектные конструкции «супинного типа». Причастие получает обязательное оформление посессивным аффиксом 3-го лица *=ы*.

Уруглар колхоз садынче яблоктан ал=ыр=ы-биле кире бергеннер. — Мальчишки залезли в колхозный сад нарвать яблок; *Кырган дыштан=ыр=ы-биле олуруп алган.* — Старушка присела отдохнуть; *Алды шыырак эрни Ак бажынын тайгазынын хөртүүн казып апкаш, Чалдаанай биле Докпаанайны эккэ=эр=и-биле дерээш чоруткан.* — Шесть крепких парней на вершину Ак тайги сугробы раскопать, Чалданай и Докпанай привезти, снарядив, отправили; *Шанмаан иштинде илденөөрүшкү-биле оолдарны хүлээп алгаш, эн-не эки дуганга өөред=ир=и-биле тыва хуурактарны кирип каан.* — Шанмаан с приятной радостью в душе приняв мальчиков, в самый хороший храм учить (их) зачислил тувинских послушников; *Хуурактар өөрен=ир=и-биле делегейде эн улуг Потала дуганга келгеннер.* — Послушники пришли учиться в самый большой храм в мире — Потала; *Ол улусту баштап чору=ур=у-биле мурпунда Ааң хемнерге диинден шаг болган ийи эн шыырак аңчыны аьткарган.* — Этими людьми, раньше охотившимися на белок у реки Аан, руководить отправили двух сильных охотников; *Өрээлди сериidedип ал=ыр=ы-биле соңганы ажыттывыс.* — Мы открыли окно, чтобы проветрить комнату.

Причастие на *=ар* в составе этой формы абсолютное временное значение будущего в значительной мере утрачивает, но сохраняет направленность на предстоящее действие (относительное будущее). Действие, обозначаемое этой формой, предстает как результат действия, названного главной частью, которое в момент речи может быть уже совершено, а результат достигнут либо не достигнут. Действие, названное данной формой, предстает как потенциальное, возможное, но не совершенное в действительности. Это очень важная характеристика целевого значения.

Целевые отношения могут осмысливаться на базе побудительных отношений, выражаться с помощью побудительно-желательных форм. В этом случае цель предстает как рекомендация совершить то или иное действие. Главная часть таких предложений обычно содержит предикат

со значением желания или просьбы, целенаправленного действия, а сказуемое зависимой ПЕ принимает форму повелительного наклонения, за которой следует служебное слово *деп* (*дээш*). Внутренняя форма этой конструкции становится прозрачной, если слово *деп* мы переведем русской частицей 'мол'. С учетом первичного значения служебного деепричастия внутреннюю форму такого придаточного можно представить так: «Пусть X сделает, мол».

Дүне даглар кези=ве=зин деп ону сагындыр.— Остереги его, чтобы ночью по горам не ходил (букв.: 'не ходит пусть он, мол...'); *Бисти школага өөрөн=зин деп ававыс аажок күзеп чораан.*— Мать очень хотела, чтобы мы учились в школе (букв.: 'учатся пусть они, мол'); *Бисти кыжын доң=ма=зын дээш ававыс чылыг уктар аргыгылап берген.*— Чтобы мы не мерзли зимой, мать связала нам теплые носки (букв.: 'не мерзнут пусть они').

3.3. Условные сложные предложения

Грамматика-70 определяет условные отношения как «прямую стимулирующую гипотетическую обусловленность» [Грамматика-70, 715]. Прямая обусловленность — это такая связь, при которой одно явление служит основанием для другого.

Условные конструкции (УК) «представляют собой бипредикативную семантическую конструкцию» [Типология, 1998, 15]. В УК выражаются две пропозиции, из которых одна определенным образом зависит от другой. Зависимая ПЕ выражает то действие или состояние, положение дел, которое должно быть достигнуто и которое обусловлено действием, названным в главной части. Т. е. зависимая часть, маркированная средством связи, называет стимул, а главная часть — итоговое состояние, которое достигается благодаря событию-стимулу.

Свекла садын ал=ыр бол=зу=м=за, борщ хайндырып каар мен.— Если я куплю свеклу, я сварю борщ.

Гипотетическая обусловленность предполагает, что обусловливающее действие еще не стало реальностью, оно остается потенциальным, возможным, которое может совершиться или не совершиться. Возможны две формы представления условного значения, относящегося к будущему: вероятное и предположительное условие. Первое выражается реальной УК, второе — нереальной УК. В нереальных УК событие может мыслиться как уже не происшедшее и потому невозможное и в будущем. Это особый случай условной связи, наиболее близкий к причинным отношениям.

Главное отличие условности от причинности состоит именно в потенциальности всей цепочки действий (событий). Причина — это отно-

шение совершившегося действия (события) к другому, которое произойдет после него и вследствие него. Условие — это отношение между двумя событиями, связанными во времени аналогично причинным, но при этом первое событие мыслится еще не происшедшим. При этом оно может быть представлено как возможное или невозможное, желательное или нежелательное.

Показателем связи оформляется зависимая часть, представляющая обусловливающее событие-стимул, то есть называющая условие, делающее возможным событие-следствие. Семантическая специфика частей УК отражается разнообразными терминами [Типология, 1998], среди которых пара 'условие — следствие' используется нами в работе.

Типология условных сложных предложений определяется характером (типами) условий и формами, способами выражения этих значений. Традиционно условные предложения делятся, прежде всего, на предложения со значением реального (выполнимая возможность) и нереального (невыполнимая возможность) условия [Типология, 1998, 34, 98]. В Грамматике-70 выделяется третье — потенциальное условие [Грамматика-70, 715].

Сложные предложения с семантикой реального условия. Сложные предложения реального условия характеризуются тем, что в их зависимой части говорится о событии, которое мыслится как реально осуществимое и способное вызвать то следствие, которое названо главной частью.

Главным показателем условных отношений в тувинском языке является аффикс =са (и его фонетические варианты), который называют показателем условного наклонения глагола. Этот аффикс может принимать непосредственно глагол (как в простой форме, так и в аналитической), называющий обусловливающее действие, или вспомогательный глагол *бол=* в составе аналитических конструкций, которые используются в позиции сказуемого зависимой части условных конструкций.

В тувинском языке это следующие формы: =са, =ган бол=за, =ар бол=за, =галак бол=за, N бол=за, N бар / чок бол=за, Tv=n V=са.

Бир звес ону бодувусче чоокиулады=n ал=зы=выс=са, дыка эки эмчи болур.— Если мы приблизим его к себе, будет очень хорошим врачом.

Форму на =са называют «условным наклонением». Типологически форма на =са очень близка к спрягаемым деепричастиям [Структурные, 1986, 59]. Это явно древняя форма. Она спрягается по типу прошедшего времени на =ды, то есть принимает личные аффиксы лично-финитного типа, кроме 3-го лица, которое выражается значимым отсутствием личного показателя.

Этим способом выражаются суждения о привычной связи двух явлений, событий.

Ол дагааларны көрүп каг=зы=м=за-ла, кезээде кайгаар мен.— Если (когда) увижу этих куриц, всегда удивляюсь я; *Агаар-бойдус бүргей, күштүг хат бол=за-ла, бажым дескинип, ажылдап шыдавастай бээр мен.*— Если погода пасмурная и сильный ветер, у меня кружится голова и я не могу работать.

Но эта же форма передает и окказиональную связь между событиями.

Ам чүгле ийи сыын ат=са, план күүсеттинер (УХ-49, 31).— Теперь только если двух маралов застрелить, план будет выполнен; *Дириг-ле бол=за, тынты бээр ыйнаан* (Сувац, 28).— Если живой, найдется наверное; *Солун шеткел суг бол=ур апар=за, келир мен* (ТРС, 389).— Я приду, если будет какой-нибудь интересный доклад; *Уруг-дарыг дынна=п каг=за, багай болур* (МК, «Т.ч.ы.», 77).— Если услышат дети, то будет плохо; *Тишлеп үн=е бер=зе, аксының кежйи-ле ыйнаан, чадажып кагза, канчаар, салымы-ла ыйнаан* (ВМ, «Б.б.х.», 118).— Если поведут, то их счастье, а если не смогут, то их судьба.

Квалификация какой-то ситуации как несостоявшейся — по отношению к «норме», в соответствии с которой она обычно имеет место, — достаточна для интерпретации данной ситуации в качестве обуславливающей или обусловленной. Негация — это один из важнейших способов выражения негативной обусловленности. Употребление отрицания органично для конструкций обусловленности. Негативная обусловленность может быть выражена лексическими и другими негативно-оценочными средствами. В тувинском языке используется синтетический показатель отрицания =ба, входящий в словоформу сказуемого ЗПЕ.

Даарта чась чаг=ба=за, тоорук дүжүрүп чоруур бис.— Если завтра не пойдет дождь, пойдем бить орехи; *Чодураа тывыл=ба=за, Чадан улундан айтырар мен.*— Если Чодураа не найдется, буду спрашивать людей из Чадана.

Так как форма на =са не имеет абсолютного временного значения, это значение сообщается ей из главной части, сказуемое которой чаще всего выступает в форме будущего времени или повелительного наклонения. Это значит, что форма на =са употребляется преимущественно для выражения условия в будущем и настоящем.

Среди предложений этого типа немало таких, в которых снимается оппозиция между условными и временными отношениями между событиями.

Хар бичии-ле эриге бер=зе, аннап киринтер бис.— Если (когда) выпадет много снега, мы пойдем на охоту; *Чась чок бол=за, агаарлап чоруулар* (ГТЯ, 402).— Если (когда) не будет дождя, мы пойдем гулять;

«Мөгенин майыгы кадырык» деп үлөгөр чугаа бар, бир эвес бичии чыкпак мөге улуг мөгени октап дүжүрер суг бол=за, ушкан дым-ла, төнмес-батпас көскү боор чүве (Ак-Көк, 27).— Есть такая поговорка: «Если (когда) маленький малорослый борец опрокинет большого борца, то (он=большой) подобен упавшей лиственнице».

Кроме простой формы на =са (от простого глагола или от аналитического с маркированным аспектуальным значением), в тувинском языке имеются аналитические временные формы на =са. В этом случае временное значение выражается причастием основного лексического глагола, а условное передается формой вспомогательного глагола бол=за с личным оформлением в 1-м и 2-м лицах и нулевым оформлением в 3-м лице. Причастие принимает форму будущего =ар или =ган.

Бир эвес ол кел=ир бол=за, ону бис эки хүндүлээр бис.— Если (когда) он придет, мы его хорошо угостим; *Чайын кел=ир бол=зу=ң=за, бодун караан-биле көөр сен ыйнаан* (ЕТ, 101).— Если (когда) летом приедешь ты, своими глазами увидишь, может быть; *Оруктап бир кижси бар чыт=кан бол=за, ону албан-биле өггө чалап эккээр* (К-Л, ТЧБУ, 43).— Если (когда) кто-то идет по дороге, его обязательно приглашают в юрту.

В позиции знаменательного компонента сказуемого зависимой ПЕ встречаются имена наличия/отсутствия — *бар/чок*; качества и количества — *эки, хөй, эвээш*; имена прилагательные на =лыг; имена существительные. Конструкция при этом выражает реальное условие.

Шынап-ла, Сайлык деп сөс чок бол=за, Сайлыкмаа деп ат кайыын үнер деп (Ак, 5).— Действительно, если нет слова Сайлык, откуда появится имя Сайлыкмаа; *Бир эвес айтырыг бар бол=за, менээ дүне-даа болза кээп туруңар.*— Если есть вопросы, ты приходи ко мне хоть ночью; *Кижиниң угааны эки бол=за, хевири ала-чайгаар-ла чараш апар* (К, 238).— Если у человека хороший ум, внешний вид его постепенно становится красивым; *Аң хөй бол=за, аннаар мен* (ТРС, 110).— Если зверя много, пойду на охоту.

Условная конструкция, осложненная «модальностью незнания». Постановка зависимого сказуемого в форме =ган бол=за может передавать более сложную семантику, соединяющую в себе взаимоисключающие значения. Достигается это появлением новой семы — семы «незнания». Событие, очевидцем которого говорящий не является, могло произойти или не произойти в действительности, но если говорящий не располагает информацией о разрешении альтернативы «случилось или не случилось?», он может использовать условную конструкцию, смысл которой будет правильно понят адресатом речи.

Самовар хайны бер=ген бол=за, аалчыларны столче чала.— Если самовар уже закипел, приглашай гостей к столу.

Более четко это значение «незнания» выступает в том случае, если и сказуемое главной части имеет форму на =са хөңнү 'может быть, возможно'.

Бир эвес акым самолеттан озалдап кал=ган бол=за, ол аэропортка хонуп алгаш, бөгүн чоруп=са хөңнү. — Если мой брат опоздал на самолет, он заночевал в аэропорту и, возможно, улетит сегодня; *Бир эвес ам-даа Алдынай үн=мэ=эн бол=за, Чодураа долга=ан бол=за хөңнү.* — Если Алдынай еще не выехала, наверняка Чодураа уже позвонила ей.

Ср. также: *Ол бөгүн кел=зе хөңнү* [ТРС, 491]. — Возможно, он придет сегодня.

Главная часть таких предложений носит обычно прогностический характер: в ней высказывается предположение, что произошло (наверное, скорее всего, произошло, могло произойти) в связи с тем, что совершилось обуславливающее событие.

Сложные предложения с семантикой нереального условия. При выражении нереального условия события главной и зависимой частей ориентированы в план прошлого.

Сложные предложения нереального условия характеризуются тем, что в их зависимой части говорится о событии, которое не мыслится как реально осуществимое. Главным показателем нереальных условных отношений в тувинском языке является причастно-послеложная конструкция =ган бол=за в зависимой части и сказуемое главной части в форме сослагательного наклонения =ар ийик, =ган ийик, этимологически восходящей к форме прошедшего времени недостаточного глагола эр- (*эди), который в тувинском языке сохранился лишь в форме сослагательной частицы [Насилов 1966, 100].

Ол Испан чурту чоок тур=ган бол=за, бис база барып дузалашсы-высса (ЕТ, 61). — Если бы эта Испания была близко, мы тоже помогли бы; *Эжиң бисче аалдап келген деп аңаа чугаала=ан бол=зу=нар=за, ол ыявыла чедип кэ=эр ийик.* — Если бы ему сказали, что его друг гостит у нас, он бы обязательно пришел. (Фактически здесь выражена причина: он не пришел, потому что ему не сказали). *Чалалганы алган тур=ган бол=зу=м=за, конференцияже чору=ур ту=ган ийик мен.* — Если бы я получил приглашение, я бы поехал на конференцию.

Специфическую разновидность ирреально-условных предложений составляют такие, в которых утверждающая по смыслу придаточная часть содержит отрицание, в главной части отрицания нет или оно есть.

Эх, шериг чоруур деп бар=ба=ан бол=зу=м=за, мен шынап-ла алдын казып ажылда=ар ийик мен – деп, ол арай хомудай аарак чугаалаан (ЕТ, 84). — Если бы не стал собираться уходить в армию, я бы действительно пошел работать, добывать золото, — так он, немножко сожалел,

сказал; *Час=па=ан бол=зу=м=за, улуг олчалыг чан=ар ийик мен.* — Если бы я не промахнулся, то вернулся бы домой с большой добычей; *Озалда=ва=ан бол=зу=н=за, хуралды өйүндө эгелэ=эр ийик бис.* — Если бы ты не опоздал, мы бы вовремя начали бы собрание;

Бир эвес Петров физиканы репетитор-биле немей кичээлде=вэ=эн бол=за, ол университетче кирип алб=ас ийик. — Если бы Петров не занимался дополнительно с репетитором по физике, он не поступил в университет; *Бир эвес Маша эрте өгленип ал=ба=ан бол=за, университетте өөренип турар эштеринге адаарга=вас ийик.* — Если бы Маша не вышла рано замуж, она бы не завидовала подругам, которые учатся в университете.

Используя параметры исчисляющей классификации условных конструкций (УК), предложенные в [Типология 1998, 34–41], представим в таблице 12 возможности их комбинирования и средства выражения применительно к тувинским условным ППК. Первый классификационный параметр — деление УК на реальные (1) и нереальные (2). Второй параметр учитывает таксисную зависимость между условием (р), выраженным в ЗПЕ, и следствием (q), выраженным в ГПЕ: 1) р раньше q; 2) р позже q; 3) р одновременно с q. Третий параметр отражает временную отнесенность условия и следствия. Возможны девять комбинаций временных значений: 1) р в буд., q в буд.; 2) р в буд., q в наст.; 3) р в буд., q в прош.; 4) р в наст., q в буд.; 5) р в наст., q в наст.; 6) р в наст., q в прош.; 7) р в прош., q в буд.; 8) р в прош., q в наст.; 9) р в прош., q в прош.

3.4. Уступительные сложные предложения

Уступительные отношения выражаются и, вероятно, формируются на базе условных.

В грамматических описаниях различают два вида уступительных конструкций: реально-уступительные и предположительно-уступительные. Такая дифференциация семантики основана на различии модальности зависимой части [Грамматика-70, 720]. Предположительно-уступительные предложения, в свою очередь, делят на потенциально-уступительные и ирреально-уступительные.

В реально-уступительных конструкциях тувинского языка явление, названное в ЗПЕ, предстает как реальный факт, относящийся к прошлому или настоящему. Передается эта семантика большим разнообразием структурных моделей, относящихся к синтетическому и аналитико-синтетическому типам. Представляем эти модели, также фиксируя лишь форму зависимого сказуемого.

Таблица 12.

Комбинация средств выражения условной семантики

	Реальные УК	Нереальные УК			
Р одн. Q	(ар болза)...(ар); (пайн турар болза)... (п олуар)		(ар турган болза)... (ар турган ийик); (пайн турган болза) ...(п олуар ийик)	Р н-буд.	
		(п турган болза)... (п турган)	(ган турган болза)... (ар турган ийик)	Р про- шед.	
Р Рань ше Q		(ган турган болза)... (п ган)	(ган турган болза)... (ар турар ийик)		
	(ар болза)... (ар); (п турар болза)... (ар)	(п ган болза)... (ар); (п ган болза)... (п турар)	(ган турган болза)... (ар турган ийик); (ган турган болза)... (п турар ийик)	(ар болза)... (ар ийик); (п ган болза)... (ар турган ийик)	Р н-буд.
	Q н-будущее	Q прошедшее		Q н-будущее	

Символы и сокращения, используемые в таблице:

Р — условие, выражаемое в ЗПЕ;

Q — следствие, выражаемое в ГПЕ;

Р одн. — условие одновременно со следствием q;

Р раньше — условие раньше следствия q;

Р н-буд. — настоящее-будущее время. Мы объединили в одну клетку значение настоящего и будущего времени. Настоящее время выражается аналитической формой =п турар (олуар); будущее — формой на =ар;

()... () — в скобках указаны средства выражения условия (линейно первая) и следствия (вторая).

$T_v=(\text{отриц.})=зы//за-даа$ 'хотя':

Дүн орайта=за-даа, тарап чоруксаар кижилер чок болган (УТЯ, 142).— Хотя была поздняя ночь, желающих разойтись не было; *Мен үннерни дынна=зы=м=за-даа, чүнү-даа көр=бейн-дир мен* (СТ, 15).— Хотя и слышу голоса, но ничего не вижу; *Харламтий хүлдүн ал=база-даа, туттурган кижги байдалында* (Там., 79).— Хотя Харламтия и не связывали, он находился в состоянии человека, попавшего в плен; *Үүлгеткен херээниц ужурун ынчан эки бил=бе=зе-даа, ялазын хүлээп алган* (ДС, 131).— Хотя и не понял тогда сути того, что натво-

рил, но наказание принял; *Сен мени күштүг ит=си=н=зе-даа, мен демей-ле буттарымга ызырындым.*— Хотя ты и сильно меня толкнул, я все равно на ногах удержался.

Обратим внимание на то, что в рассматриваемые конструкции может входить отрицание. Оно может быть в составе сказуемого либо зависимой, либо главной ПЕ. Тем самым выявляется и акцентируется значение противопоставления, которое присутствует и в конструкциях, где нет отрицания.

Дедир өрү чүткүүрүн кызыт=са-даа, оон буттарындан бир-ле узун холдуг чүве ону куду алзы киир шеле сопкан (АД, 48).— Хотя (он) и старался подняться обратно вверх, но некто (букв.: некто) с длинными руками быстро сдернул его за ноги вниз.

Кроме этой, основной, универсальной для всех тюркских языков модели, передающей уступительную семантику, тувинский язык располагает целым рядом других моделей.

Семантика реальной уступки регулярно передается конструкцией, где сказуемое зависимой ПЕ выражено сочетанием причастия будущего времени на =ар в дательном или местном падеже с уступительной частицей -даа.

$T_v=ар//га-даа$ 'хотя':

Бо болза мээң бодумнуң өөредип алган өөреникчим-дир дэ=эр=им=ге-даа, мени тоо=вас болган (УХ-49, 138).— Хотя я и сказал, что это ведь мой ученик, которого я сам обучил, на меня никто не обратил внимания; *Авалышкылар хөөрежип дыка үр мана=ар=га-даа, Илдирмаа кел=бэ=эн* (Белек, 26).— Хотя мать с сыном долго ждала, Илдирма не вернулась. Здесь также присутствует отрицание в главной части.

$T_v=ар//да-даа$ 'хотя':

Олар аңаа кел=ир=де-даа, оон үнүн чору=ур=да-даа, машинадан дүжүн, черни черзилеп кылашташаанын бодаарга, аңаа чаңгыс эвес удаа чораан кижилер-дир дээрзи тодаргай билдинип турган (Там., 93).— Хотя они и когда приезжали туда, и когда уезжали оттуда, не выходили из машины осматривать местность, было ясно видно, что люди приезжали не раз.

$T_v=гаш-даа$. Здесь уступительная частица -даа сопровождает форму деепричастия на =гаш. Такие конструкции моносубъектны.

Көр=геиш-даа, таны=ва=ан.— Хотя и видел, но не узнал (ср.: *Көрзе-даа танываан*).

Для тувинского языка этот способ выражения уступительных отношений не типичен.

Реально-уступительные отношения выражаются также более сложными моделями с частицей *-даа* в составе аналитических глагольных форм.

$T_v = п$ олуру//=*за-даа* (*тур=за-даа*, *кел=зе-даа*). Здесь в составе сказуемого зависимой ПЕ — вспомогательные глаголы *тур=*, *олур=*, *кел=*, принимающие показатели лица и условного наклонения.

Харын буянынг херекте барган-дыр оглум деп бодап олур=зу=м=за-даа, сестип олурар-дыр мен (АД, 43).— Но хотя я думаю, что мой сын пошел на благородное дело, (все равно) побаиваюсь; *Ам-даа ак хар шыпкан тайганын соогу хаарын кел=зе-даа, адыгжыгаш дүжеп-дүжеп удуп чыткан* (Д., ЧЧ, 12).— Хотя покрытая белым снегом тайга еще обжигала холодом, медвежонок спал и видел сны.

Более распространенными и широко употребляемыми являются модели, где уступительная частица *-даа* входит в состав аналитической формы зависимого сказуемого, представляющего собой сочетание различных причастий в положительной и отрицательной форме со вспомогательным глаголом *бол=*, оформленным соответствующими грамматическими показателями. Здесь также возможны имена наличия/отсутствия, существительные в предикативном употреблении, прилагательные и местоимения. Рассмотрим вначале группу конструкций с причастными формами.

$T_v = прч.$ бол=зу//=*за-даа*. Причастие на *=ган* в этих конструкциях передает действие, совершившееся в прошлом.

Ол час=кан-даа бол=за, частырыгны эдип ан болур (РТС, 473).— Хотя он ошибся, ошибку можно исправить; *Күс апар=ган бол=за-даа, ыяштар ам-даа ногаан* (РТС, 110).— Хотя уже наступила осень, деревья все еще зеленые; *Мээң бир-ле шагда, бир-ле катап көр=ген=им ышкаш бол=за-даа, бодап тыптадым* (Там., 195).— Хотя мне казалось, что подобное я видел когда-то, (но) я не мог вспомнить.

Причастие на *=ар* передает действие, совершающееся обычно, постоянно.

Лена-биле ажылга хун бүрү ужураж=ыр-даа бол=за, хөй чугаалажыр үе чок (ЕТ, 110).— Хотя встречаюсь с Леной на работе каждый день, нет времени много разговаривать; *Силерниц-биле кады чурттавайн-даа тур=ар бол=зу=м=за, силерниц араңарга өскөн мен* (Ак, 3).— Хотя и не живу с вами, выросла среди вас; *Ол чагааларнын үжүктери дагый-моксуй көст=ур-даа бол=за, сөстери кижиниң бодалын чырыдын келир оттуг-көстүг болду* (УХ-49, 137).— Хотя буквы этих писем корявые, выраженные (ими) человеческие мысли были огненно-горячие.

$T_v = галак$ бол=зу//=*за-даа*. Причастие на *=галак* («будущее предполагаемое») передает действие, которое вот-вот совершится.

Мен школаны доос=калак-даа бол=зу=м=за, белеткел курстарынча барын турар мен.— Хотя я пока еще не окончил школу, я хожу на подготовительные курсы.

Здесь действие предполагается и совершится в недалеком будущем. Ср.: *Мен школаны доос=на=ан-даа бол=зу=м=за...* — Хотя я не окончил школу... — где отрицательной формой *=ба=ан-даа бол=зу=м=за* выражено, что действие не совершилось, т. е. школа не окончена и среднее образование отсутствует.

Приведем еще примеры с отрицательными формами причастий на *=ган* и на *=ар*.

Сен ышкаш агроном эртем доос=на=ан-даа бол=зу=м=за, чер, хөргүн дугайында шору билир мен (ХО, 10).— Хотя я, как ты, агрономических знаний не получил, о земле, о почве я знаю прилично; *Хойларнын уксаазы эки-ле экижиттин=мэ=эн-даа бол=за, сөөлгү чылдарда олардан эки туннелдерни ап келген* (УХ-49, 16).— Хотя не очень-то улучшена породность овец, в последние годы от них получена хорошая прибыль; *Ам-бодум чадаг-терге мунуп бил=бес-даа бол=зу=м=за, чолаачы дунмам сеңээ кончуг чоргаарланып чурттап чор мен* (УХ-49, 142).— Хотя сам я не знаю, как сесть на велосипед, но тем, что ты, мой младший брат — шофер, очень горжусь я.

Как мы могли видеть, сказуемое зависимой ПЕ передает абсолютное время своего события. Это происходит потому, что для конструкций обусловленности нет обязательной зависимости времени зависимой ПЕ от времени главной ПЕ, как для темпоральных конструкций. Поэтому здесь возможно свободное варьирование причастных форм. Отрицание в этих конструкциях также подчеркивает элемент противопоставления совершаемых событий.

Реально-уступительную семантику передает группа моделей, куда в качестве одного из компонентов зависимого сказуемого входят различные имена: *бар*, *чок*, существительные, прилагательные, местоимения.

N (*adj, pron*)-*даа* бол=за. У этой модели несколько вариантов. Частица *-даа* может сопровождать имена наличия и отрицания.

Колхоз төвүнде бажыным бар-даа бол=за, өг-биле көжөр кижидир мен (СТ, 9).— Хотя и есть дом-мой в центре колхоза, я ведь кочевник; *Эт-сеп бар-даа бол=за, олар демей-ле каракты өөртпестээн* (АД, 6).— Хотя и есть вещи, они все равно не радовали глаз; *Чайы чок-даа бол=за, ол келир* (РТС, 631).— Хотя времени нет, он придет.

В конструкциях с этими именами сообщается о таких событиях, которые мыслятся в широко понимаемом настоящем времени.

Частица *-даа* может оформлять группу однородных членов, присоединяясь к последнему из них. Это могут быть, например, локальные имена существительные со служебными именами.

Бис мында дүмбей тайга ортузунда, хайыраканнар аразында-даа бол=зу=вус=са, хүннүн-не радио дыннап, солун сеткүүлдерни номчуп турар-ла болгай бис... (ДС, 12) — Хотя мы в глухой тайге, среди медведей, (все равно) каждый день слушаем радио, читаем газеты...

В роли зависимого сказуемого в уступительных конструкциях встречаются имена прилагательные.

Сотниковтун холдары алдын-даа бол=за, аксы байбаң (УХ-61, 21). — У Сотникова хоть и золотые руки, да рот болтливый; *Өе шитинде улус шыгырт долу-даа бол=за, кезек када шытың турган* (ЕТ, 14). — Хотя юрта полна людьми, некоторое время стояла тишина; *Ол кырган-даа бол=за, сергек* (РТС, 631). — Он хотя и стар, но бодр.

Эта модель сказуемого ЗПЕ широко используется в пословицах и поговорках. По сути, здесь не выражаются собственно-уступительные отношения, а противопоставляются два явления.

Хат улуг-даа бол=за, хаяны угбас, хаан бай-даа бол=за, эдинге пөкпес (ЧЧ, 26). — Хотя ветер силен, да скалы ему не поднять, хотя в золоте хан, да жадности не унять; *Кускун кара-даа бол=за, төлүнгө ынак* (ЧЧ, 53). — Хотя воронята черны, да вороне милы.

В отдельную группу мы выделяем уступительные конструкции, где сказуемое зависимой ПЕ выражается вопросительным местоимением *кайы* 'который' или *чеже* 'сколько' со специфическим посессивным оформлением. Явление, названное в зависимой ПЕ, предстает как реальное, отнесенное в план прошедшего или настоящего времени.

Кайызы-даа тур=за узун, тут=са мөге (УХ-49, 29). — Каждый, кто ни встанет — высок, кого ни возьми — борец; *Ол аалдын кижилери чежемейиң-даа машинам үгеп тур=за, ынаар салазын дээртир кижиси чок болду* (УХ-49, 135). — Люди того аала сколько бы ни окружали мою машину, не было человека, дотронувшегося до нее пальцем; *Бо даглар аразынга чеже-даа чуртун бол=за, бир дугаар хой кадарып үнген кижиге берге-ле болгай* (УХ-49, 20). — Среди этих гор, хоть это и твоя родина, в первый раз вышедшему пасти овец человеку трудно ведь.

Для реально-уступительных конструкций нехарактерно отнесение явления, представленного зависимой ПЕ, в план будущего. В тех редких случаях, когда такое отнесение в план будущего возможно, именно знание ситуации, контекста помогает говорить о событии не в условной форме ('если'), а как о реальном факте.

Айт чеже-даа дывыла=за, андазын тудазындан салдынма... (К-Л, ЧС, 241) — Сколько бы конь ни брыкался, не отпуская скобу плуга

(здесь усиительно-уступительная семантика, тем более, что конь строптивый — это известно); *Бистиң күрүневис чеже-даа бай бол=за, чалгаалар халас азыраас* (ДС, 110). — Как бы ни было богато наше государство, даром лентяев кормить не будет.

Местоимения в этих моделях зависимого сказуемого выражают качественную или количественную характеристику явления.

Мы рассмотрели реально-уступительные конструкции, где одним из компонентов сказуемого зависимой ПЕ была уступительная частица *-даа*. Как мы уже сказали выше, вхождение этой частицы в состав временной причастно-падежной конструкции (напр. *=ар=га* 'когда' и *=ар=га-даа* 'хотя') формирует новую модель уступительной семантики. Другая усиительно-выделительная частица *-ла* также обнаруживает способность трансформировать исходную временную семантику в уступительно-противительную.

$T_v = n$ тур=да-ла. Уступительную семантику передают конструкции, сказуемое зависимой ПЕ которых выражено сочетанием деепричастия на *=n* основного глагола с одним из четырех вспомогательных (*тур=*, *олур=*, *чымт=*, *чор=*) в местном падеже, осложненных частицей *-ла*. Исследователи тувинского языка их называют «противительными союзами» [Сам 1983, 98].

Хар чаап тур=да-ла, самолет Красноярскиже үнүкөн (ШЧС, 98). — Хотя шел снег, самолет до Красноярска улетел.

$T_v = n$ турбуже//=че; $T_v = n$ чорбуже; $T_v = n$ турзажок. Представляет интерес еще одна группа конструкций, в которых связующее средство — особые лексикализованные формы глаголов *тур=* и *чор=*, передающие реально-уступительную семантику.

Агаар багай турбуже, ужудукчулар ужар деп шиттиирлээннер (ТРС, 424). — Несмотря на то, что погода была плохая, летчики решили лететь; *Дозуп турбужемче, айттар алдыртпайн барды* (Суван, 98). — Несмотря на то, что я подкарауливал, лошадей не удалось поймать; *Аңчы далажып чорбуже, сыын арга шитинче кире берген* (Суван, 98). — Несмотря на то, что охотники спешили, марал скрылся среди леса.

С морфологической точки зрения эти скрепы образованы от вспомогательных глаголов *тур=* (*чор=*) + аффикс *=буже*. Очевидно, что это единый, неделимый аффикс типа *=гыже*. Он занимает в словоформе позицию, которую обычно занимает причастный или деепричастный аффикс. За аффиксом *=буже* могут следовать показатели грамматического лица и падежный аффикс *=че*. Судя по имеющимся примерам, *турбуже* употребляется с предикатами (нередко именными), характеризующими стативное действие, *чорбуже* — с предикатами движения. Ср.: *дала-*

жыи чорбуже 'спеша ехали хотя'; дозун турбуже 'подкарауливая стоял хотя'.

Морфологическая структура скрепы *турзажок* более прозрачна. Это стяжение условной формы вспомогательного *тур=* и имени отрицания *чок* (*турзажок < тур+за+чок*).

Күштүг чаг турзажок, бис бажынывыстан үнү чоруптувус (РТС, 301).— Несмотря на сильный дождь, мы вышли из дома.

Т₁=прч хире//=де. Реально-уступительные отношения часто передаются также аналитико-синтетической причастно-последложной конструкцией со служебным именем *хире//=де* 'хотя'. Для этой конструкции характерно чередование причастных и именных форм, а также отрицательные причастные формы. Служебное имя *хире//=де* регулярно получает показатели грамматического лица.

Силерден ындыг чоокта тур=ар хире=м=де, Тывага чаңгыс-даа каттап барып көрбээн (К, 120).— Хотя я живу от вас недалеко, ни разу не бывал в Туве; *Үжүк-бийик бил=бес хире=зин=де-ле, кижиниң чаңгыс чугаалаан чүвезин доктаады шаап аар* (УХ-49, 137).— Хотя и не знает грамоты, сказанное мною один раз выучивает наизусть; *Дүне ол хире чайыктап, дидмиреп тур=ган хире=зин=де ам чүү-даа болбаан ышкаш...* (ОСО, 184) — Хотя ночью так лило и гремело, сейчас как будто ничего и не было...; *Тускай сургуул доос=па=ан хире=зин=де партия ажалынга салым-чаянынг кижидир* (УХ-61, 17).— Хотя и не закончил специальную школу, к партийной работе у него способности (ведь).

Т₂=прч эртип. В тувинском языке сохранилась одна из форм архаичного глагола *эр=* 'быть': *эртип* 'хотя'. Ш. Ч. Сат назвал ее частицей смягчения [Сат 1955, 713]. В тофаларском языке В. И. Рассадин отмечает союз *эрт* 'хотя', образованный от этой древней глагольной формы [Рассадин 1978]. В современном тувинском языке *эртип* функционирует в роли скрепы в монособъектных конструкциях уступительной семантики. Эта форма может быть компонентом сказуемого ЗПЕ, когда она следует за причастием и замыкает линейно первую, зависимую ПЕ.

Ол ону билип тур=ган эртип, чугаалаваан-дыр (РТС, 619).— Хотя он об этом знал, он ведь не сказал; *Ол караа чет=нес эртип, ону көрүп каан* (РТС, 619).— Хотя он близорукий, его увидел (он).

Здесь *эртип*, сочетаясь с формами причастий на *=ган* и *=бас*, образует аналитическую форму сказуемого зависимой ПЕ.

Эртип функционирует в роли уступительной скрепы также и при именном сказуемом. Относясь непосредственно к одному из членов предложения, слово *эртип* конкретизирует, подчеркивает его качественную характеристику, т. е. выступает в функции частицы.

Ашак кижги эртип, орта чугаазы чок (К-Л, ЧС., 251).— Хотя и старый человек, как следует не говорит (букв.: нормальной речи= его нет); *Улуг кижги эртип, тенектенир кижги* (РТС 1955, 713).— Хотя он и взрослый, шалит (он).

Своеобразную структурно-семантическую разновидность конструкции со скрепой *эртип* дает вхождение вопросительной частицы *чүге* в главную часть.

Сен билип турган эртип чүге чугаалаваан сен? (РТС, 619).— Раз ты знал, почему не сказал?

В данном случае семантику фразы можно интерпретировать как причинную (так как ты знал, ты должен был сказать). Частица *чүге* 'почему' акцентирует причинный компонент в формально-уступительной конструкции.

Обратим внимание на то, что в последнем примере субъект зависимого действия выражен отдельной формой подлежащего — личным местоимением 2-го л. *сен* 'ты'. Зависимый предикат показателей личного оформления не имеет. Это вызвано тем, что в ряде монособъектных конструкций тувинского языка могут отсутствовать обязательные для других структурных типов показатели грамматического лица у зависимого предиката.

Как мы могли видеть, в конструкциях с *хиреде* и *эртип* чередование причастных и именных форм, во-первых, не меняет семантику модели, во-вторых, временная семантика самих этих форм не фиксирована, она не зависит от временной семантики главной части. Е. И. Убрятова [Убрятова 1976] отмечает аналогичное явление в якутском языке, где с послелогом *инин* 'ради', формирующим уступительную конструкцию, используются разные причастные формы и формы имен. Причастные формы сохраняют здесь обычно свои абсолютные временные значения.

До сих пор мы говорили о таких уступительных конструкциях, где формирующие их скрепы структурно принадлежат зависимой ПЕ, располагаясь в ее конце; после них обязательно ставится запятая. Рассмотрим конструкции, имеющие другую структурную организацию. Прежде всего, в них скрепы начинают собой зависимую ПЕ, а не замыкают ее. Речь идет о скрепах *ындыг-даа болза*, *ынчалза-даа*, *ынчалзажок*, *ынчанмыже*, *ынчаарга*, *ол хиреде*. Эти скрепы имеют довольно сложную морфологическую структуру.

(ПЕ), **ындыг-даа бол=за (ПЕ).** Это многокомпонентная скрепа: первый компонент *ын=* восходит к указательному местоимению *ол* 'тот', второй компонент — аффикс обладания *=дыг*, третьим и четвертым компонентом выступают уступительная частица *-даа* и вспомогательный глагол *бол=* в форме условного наклонения.

Удаваанда ачам-биле барык-ла үе ашак, ооң соондан алдан хире харлыг, ындыг-даа болза кадыг семизи кончуг кадай кирип келдирер (ОСО, 179).— Вскоре вошел старик в возрасте моего отца, за ним — женщина лет шестидесяти, но (букв.: хотя и так, но) здоровая и очень толстая.

(ПЕ), ынчалза-даа/ынчалзажок/ынчамыже/ынчаарга (ПЕ):

Кирген аалымның ээзи кижги ортузу дүже берген, ынчалза-даа аны-як шырайын оскунмаан (К, 295).— Хозяин аала, в который я заехал, был человеком старше средних лет, несмотря на это не потерявшим моложавый вид; Фронт ам ырак эвези-ле илдең, ынчалза-даа орук төнер деп чок (ЕТ, 127).— Ясно, что фронт сейчас недалеко, но однако дорога бесконечна; Соок турган, ынчанмыже (ынчалза-даа, ынчалзажок) эшитип турган бис (ТРС, 598).— Было холодно, но, несмотря на это, мы купались; Кырган, ынчалза-даа (ынчанмыже, ынчалзажок) шыырак аът (ТРС, 598).— Старый, тем не менее сильный конь.

В анализируемых скрепах содержится общий структурный элемент — местоименный глагол (один из класса «местословий», см.: [Наделяев, 1988]) ынча= 'так поступать'. Здесь видим те же морфологические компоненты =мыже, =зажок, что и в скрепах, образованных от глагола тур=, ср.: турзажок – ынчалзажок, турбуже – ынчанмыже, турза-даа – ынчалза-даа. Как можно видеть из примеров, эти «местословные» скрепы синонимичны между собой и взаимозаменяемы.

К группе скреп с местоименным компонентом относится скрепа ол хирезинде.

Ол-ла энме-хаяжок бодалдарым аразында, черле бодаар хөңнүм чок, ол хирезинде-ле өжөшкен чүве ышкаш бо-ла карарып келир бодалым бар (СС, А, 101).— Среди всех этих многочисленных мыслей только об одной не хочется думать, но тем не менее, как назло, все время она приходит в голову.

Рассмотренные скрепы местоименного типа, располагаясь в начале линейно второй, зависимой ПЕ, выполняют функцию внутрифразового и межфразового (после точки) средства связи, а также используются как средство связи с предшествующим контекстом, начиная собой абзац.

Итак, мы рассмотрели первую группу уступительных конструкций, выражающих отношения между двумя реальными явлениями действительности. Реально совершающемуся или совершившемуся уже явлению, названному в зависимой части, противопоставляется реальное событие главной части, осуществляемое вопреки ожиданию. В структурном плане этот семантический тип отношений 'реальность — реальность' представлен богатым набором моделей.

Предположительно-уступительные ППК. Вторую группу уступительных конструкций составляют предположительно-уступительные, сообщающие о двух явлениях, одно из которых, представленное зависимой ПЕ, только может реализоваться или уже не реализовалось. Исходя из этого, традиционно различают «предложения со значением нереализованной возможности, отнесенной в план прошлого или настоящего» [Грамматика-70, 721]. Материал тувинского языка позволяет говорить только о потенциально-уступительных конструкциях с модально-временным планом будущего в зависимой ПЕ. Частица -даа сочетается здесь преимущественно с деепричастными формами (=n, =a) и формами имен.

T_v=дпр-даа V=за; N-даа V=за.

Аң-даа ады=n ал=зы=ң=за, анаа хонар сен (УХ-49, 33).— Если даже убьешь зверя, там ночуй; Хой-даа кадар диз=e, чажам дивес ийик мен (К, 149).— Если даже скажут пасти овец, я, наверное, не откажусь; Өлүүрү-даа каар ди=зи=н=зе, черле ыттаваас мен (ТРС, 631).— Хоть убей, ничего не скажу; Өл=ү-даа бер=зи=м=зе, кээп, мээң, сөөгүм тутпас болгай аан (ОСО, 175).— Даже если я умру, приехав, прах-мой не возьмет ведь (не похоронит ведь); Шүгүмчүлелдин изиг чалынынга арның кызыл-даа апар=за, чарын аразын кымысаяктар ызырган ышкаш ажыңайы-даа бер=зе, дүгү адыыйн туруп-даа кел=зе, дыңнап-ла, дыңнап-ла олур (ДС, 147).— Пусть (даже если, хотя) от горячей волны критики лицо станет красным, пусть между лопатками пощипывает, как от укуса муравьев, пусть волосы станут дыбом, сиди и слушай!

Ср. также; ...ам мени эки дыңна: даартадан эгелеп, бисти канчап-чооп-даа тур=гаш бол=за, мээлеривисче тевенеден кадап-даа тур=гаш бол=за, тайганың эртеминче өөредип каг! (ДС, 144) — ...Теперь слушай меня хорошо: начиная с завтрашнего дня хоть каким образом, хоть даже вбивая в наши мозги большие иголки, но научи нас знаниям тайги!

В рассмотренных примерах явление, названное в зависимой ПЕ, представлено как потенциально возможное, отнесенное в план будущего времени, которое, однако, не может (не должно) воспрепятствовать (а может быть, должно способствовать) совершению события главной ПЕ. Предикат главной ПЕ выражен формой будущего времени, осложненной различными модальными частицами (болгай, ийик). Зависимый предикат представлен аналитическими глагольными формами. Форму на =са часто принимают вспомогательные глаголы ал=, бер=, де=, кел=, апар= и др., фиксирующие определенные изменения физического состояния человека ('краснеть' и т. п.) в отличие от болза, передающего действие и сочетающегося с временными формами на =ган, =ар, =галак.

Как видим, потенциально-уступительные предложения четко соотносимы с условными. Говорящий не знает, произойдет или не произойдет событие, обозначенное в зависимой ПЕ.

Реально-уступительные же конструкции обнаруживают, с одной стороны, семантическую соотнесенность с причинными (если ни в главной, ни в зависимой ПЕ нет отрицания); но еще больше они соотносятся с противительными конструкциями, особенно когда отрицание в них отсутствует.

Мы рассмотрели основные типы конструкций обусловленности. При общей характеристике отношений обусловленности мы концентрировали внимание на системных признаках, объединяющих отдельные типы обусловленности.

Итак, причина, цель, следствие, условие, уступка как элементы одной подсистемы связаны компонентом «внутренняя (закономерная) обусловленность». Однако уступка — это как раз тот элемент подсистемы, который принадлежит ей лишь в минимальной степени. Ведь уступка — это событие, обратное данному, т. е. это аналог следствия, но непредвиденного, противного ожиданию. По мнению исследователей, есть глубокая аналогия в отношениях между следствием и соответствием, с одной стороны, и уступкой и несоответствием (противоречием) — с другой [Черемисина, Колосова 1987, 74; Типология, 1998, 96].

Тип обстоятельственных конструкций, который включает более десяти подсистем, объединенных общностью устанавливаемого между событиями отношения, оказался более нагруженным. Он включает, прежде всего, временные конструкции — самая крупная подсистема. Причина, условие, уступка, цель и др. объединяются в понятии предложений обусловленности.

В предложениях обусловленности выражается внутренняя связь (зависимость) между явлениями (в противоположность внешней связанности двух явлений, характерной для конструкций темпоральной семантики). Традиционно выделяемые пять типов отношений, объединенных общей семантикой обусловленности одного события другим, представляют одну подсистему, характеризующуюся не случайным, а закономерным характером связи между событиями.

Семантика обусловленности сложнее темпоральной семантики, и специальные формы, передающие эту семантику, складывались в языках, когда уже сложилась темпоральная система. В истории развития различных языков прослеживается связь семантики слов, выражающих понятие причины, со значением пространственных и временных отношений. Представление о близости значений обусловленности, т. е. зна-

чений причины, условия, следствия, уступки издавна прослеживаются в грамматической литературе [Виноградов 1972, 564; ТФГ 1996, 138–140].

На раннем этапе своего развития сознание человека воспринимает лишь те характеристики причинной связи, которые доступны для непосредственного чувственного восприятия (смежность в пространстве и последовательность во времени причины и следствия). Вычленение понятия причинности из общего комплекса пространственно-временных и причинных представлений происходило в результате осознания внутренней необходимости, взаимосвязи между явлениями, при котором одно из них вызывается другим. Происходило и соответствующее развитие, модификация темпоральных форм, приспособление их к выражению более сложных значений — причинных, условных, уступительных.

Объединение разных типов конструкций в рамках поля обусловленности имеет как языковые, так и неязыковые основания. Под экстралингвистическим углом зрения языковые категории причины, следствия, условия, цели и уступки рассматриваются как отражение «детерминированности явлений действительности, их влияния друг на друга, упорядоченности по отношению друг к другу» [ТФГ 1996, 139]. Центральное место в этих построениях занимает категория причинности. И с лингвистической точки зрения центральное место принадлежит полю причинности.

Минимальные семантические структуры обусловленности биситуативны. Вследствие обязательного признака двуситуативности, они также имеют двуситуативную семантическую структуру, как и конструкции темпоральной или другой (сравнительной и т. п.) семантики. Ср., например, фоновое значение обусловленности в темпоральных конструкциях:

Дона бергенде, ажылдаары дам баар (СС, А, 227).— Когда замерз-нешь, еще активнее работаешь;

или в сравнительных конструкциях: *Кызыл-Бөрттүг боостаазынга дүктүг бышкак чыдып=кан дег, харлыгып, чүве чугаалап чадап каан* (Кудажы, 188).— Кызыл-Бөртүг не смог ничего выговорить, как будто в горле его застрял комок;

в конструкциях сопоставления: *Хөй кеш тып=кан=ывыс тудум-на, акшаны хөйнү алып бис*.— Чем больше мы добудем шкур, тем больше получим денег.

Изыяснительные ППК наряду с основным значением легко передают значения обусловленности: «*Тавакты*» *Эң баштай көрүп кааш, хей-ле корга бер=ген=им=ге ол хомудаан* (Суваң, 5).— Он очень огорчился тому (из-за того), что так испугался, впервые увидев «тарелку».

Значения обусловленности могут быть выражены определительными и другими типами ППК: *Сессиязын эки демдекке дужаан студентилер өстүргөн стипендия ап турарлар.* — Студенты, которые сдают сессию на отлично, получают повышенную стипендию

Таким образом, обусловленность, помимо специализированных средств (собственно ППК обусловленности), имеющих узконаправленную семантическую специализацию (в них значение обусловленности предстает в качестве доминирующего), выражается большим количеством неспециализированных, не имеющих узконаправленной семантической ориентации на выражение только обусловленности. Такие предложения выражают какие-то определенные значения, не являющиеся значениями обусловленности (изъяснительные, определительные и т. п.). Значения обусловленности в таких предложениях предстают как сопутствующие, фоновые, не занимающие доминантного положения.

4. Сравнительно-сопоставительные ППК

В лингвистике уже осознан ряд других отношений, которые не вполне укладываются в традиционные пять типов обусловленности. «Но их системные места остаются неясными, терминологические имена неоднозначны» [Черемисина, Колосова 1987, 68]. Однако на данном этапе остается неясным не только состав этих отношений, но также и принципы их группировки в системе конструкций обусловленности.

Поскольку же известно, что этих отношений больше, чем указывается в грамматических описаниях, то очевидна актуальность их детального описания для разных языков, как имеющих развитую грамматическую традицию, так и для мало описанных.

Мы выделяем несколько отношений, которые считаем возможным сблизить с временными отношениями, отношениями обусловленности, со сравнительными. Эти конструкции смыкаются с теми, которые составляют ядро обстоятельственных отношений, как в семантическом, так и в структурном отношении. Однако в русистике эти отношения и выражающие их конструкции не привлекали к себе специального внимания исследователей. Они не имеют устойчивых, общепринятых терминологических имен. Мы объединяем эти конструкции под общим названием «сравнительно-сопоставительные типы ППК».

Сравнительные ППК. Категориальное значение сравнения включает в себя две разновидности реального и ирреального (образного) сравнения.

В сфере реального сравнения вычленяются конкретное и обобщенное сравнение. Конкретное подразделяется на конкретное единичное и конкретное повторяющееся. Семантический объем ирреального сравни-

тельного значения охватывает собой семантику образного сравнения с оттенком тождества и семантику образного сравнения с оттенком каузации [Поркшеян 1991, 7].

Структурно-семантическое ядро названных конструкций составляют собственно сравнительные, устанавливающие сходство объектов. В качестве эталона сравнения выступает ситуация, передаваемая зависимой ПЕ. Такие сравнения базируются на предикативных характеристиках сопоставляемых событий.

В тувинском языке отношения сравнения выражаются с помощью аналитических показателей, в составе которых послелогои, частицы и др. Мы выделяем пять основных моделей с этими показателями: *Tv=прч=ø* *ышкаш* 'словно'; *Tv=прч дег* 'словно, будто'; *Tv=прч кылдыр* 'так'; *Tv=прч//=ø дег кылдыр* 'так, что словно'; *Tv=прч-зыг* 'наподобие того, как'; *Tv=ган=ø чүве дег* 'словно'.

Идиктеримни кеткеш, авый-шавый шидиттиниттеримге, чылыг, чымчаан канчаар боор ону: буттарым ана каттыра бергилэ=эн ышкаш болган де (Ак-көк, 18). — Когда одевал идики, шнуровал их крест-накрест, как было тепло и мягко: было так, как будто ноги мои засмеялись; *Боттарының космонавтыларынга дөмейлеп, бисти скафандрлар кедип ал=ган кылдыр бодап турар-дырлар* (Суван, 6). — Сравнивая со своими космонавтами, они думают о нас так, (будто) мы одели скафандры (*кылдыр* 'так'); *Кызыл-Бөртүг боостаазынга дүктүг быш-как чыдып=кан дег, харлыгып, чүве чугаалап чадап каан.* — Кызыл-Бөртүг не смог ничего выговорить, как будто в горле его застрял комок; *Ындыкы өрээлде бир-ле аар чүве кээп дүш=кен=зиг болду.* — В другой комнате наподобие того, как какая-то тяжелая вещь упала, было (послышался звук).

Сопоставительные ППК: *Tv=ган//=ø* *тудум 'чем... лучше'*. Употребление высказываний в определенных жизненных ситуациях создает условия для формирования синтаксических структур и их дифференциации. Под воздействием прагматического фактора от предложений, выражающих ценностное суждение, отделились предложения «операционального предпочтения» [Арутонова 1998, 224]. В предложениях этого типа описывается сознательный выбор, программирующий действия: 'Лучше провести вечер дома, чем в гостях'. Компаратив 'лучше' характерен для ситуаций, создаваемых волей и действием человека. В этом его отличие от компаратива 'хорошо', который относится к ситуациям, независимым от воли человека: 'Хорошо, если дождь пойдет'.

В конструкциях сопоставительного типа представлены два потенциальных события, которые сопоставляются по степени проявления у них

некоторого признака. В основном этим признаком оказывается качественная характеристика: 'легче, лучше, больше'.

Балык болгаш этти хөйну үүжелеп ал=ган=ывыс тудум, кыжын биске чиик болур. — Чем больше запасем рыбы и мяса, тем легче нам будет зимой; *Хөй кеш тып=кан=ывыс тудум-на, акшаны хөйну алыр бис.* — Чем больше мы добудем шкур, тем больше получим денег.

Отношения сравнения в предложениях операционального предпочтения могут преобразовываться как в отношения противопоставления: 'Лучше не ныть, а действовать', — так и в значения замещения.

Заместительные ППК: $T_v=ap/!=$ ныц орнунга ...L^{on}. Особый вариант сопоставительного значения представлен в заместительных предложениях, аналогичных русским конструкциям 'вместо того, чтобы + инфинитив'. В состав сказуемого главной ПЕ, передающего побуждение к 'правильному, нужному', с точки зрения говорящего, действию, входит оценочная лексема *дээрэ*, *чиик* 'лучше, легче'. Сказуемое зависимой ПЕ выражается причастно-последложной конструкцией $=ap/!=нын орнунга$. Здесь сравниваются реальные ситуации, происходящие (или не происходящие) в момент речи. Ситуации описывают сожаление, упрек, вызванные неправильными действиями, в отличие от рассмотренных выше ситуаций, содержащих решение, рекомендацию по совершению действия.

Мээн-биле чугаалаш=паз=ы=нын орнунга акым мени эттээн болза дээрэ. — Чем не разговаривать со мной, пусть бы лучше брат побил меня; *Ол дедир ээп кээринге чедир мана=ар=ы=нын орнунга, кижси боду барганы чиик.* — Легче пойти самому, чем ждать, пока он вернется; *Мындыг шуурганда чору=ур=у=нун орнунга, (ол) оожургай бергижсе манаалыңар.* — Чем идти в такой буран, подождем, пока он утихнет.

Другой поворот семантики заместительных ППК связан с тем, что главное действие представляется неправильным, ненужным с точки зрения говорящего. Но тем не менее оно реально осуществляется. Зависимое действие, напротив, правильное, обычное, но реально не осуществляется.

А андазын тудукчузу оол ону хору=ур=у=нун орнунга, харын-даа сонда «дембилдейин» ырлап чоруп турган болбас ийикпе (Ак-көк, 13). — А тот парень, который держал плуг, вместо того, чтобы запретить, ведь даже за ним ходил и пел «Дембилдей»; *Бляш кирип ба=ар=ы=нын орнунга ол магазин чоруй барган.* — Вместо того чтобы пойти за дровами, он пошел в магазин.

Отношения сравнения и сопоставления входят в общий блок компаративности. Сопоставительные конструкции находятся на периферии этой общей системы, но четкой границы между ними нет. Интегрирую-

щим признаком является компаративная семантика, присущая обоим типам. Основным дифференцирующим признаком является реальность и конкретность сопоставляемых событий, которые, однако, являются не в одинаковой мере значимыми.

Возможность преобразования компаративных отношений в противительные и заместительные отличает предложения предпочтения от собственно сравнительных конструкций [Арутюнова 1998, 243].

Ограничительные ППК: $T_v=прч/!=$ дан кадына; $T_v=ap/!=$ дан аңгыда 'кроме'; $T_v=ган/!=$ дан өске; $T_v=прч.=$ дан башка 'кроме'.

В русском языке выделяются обстоятельственные детерминанты со значением включения и исключения [Грамматика-80, 161]. В обстоятельном распространителе 'кроме' заключены два значения: исключяющее (все, кроме тебя) и включающее (кроме тебя, еще и он). Тувинские послелоги *аңгыда* и *кадына* со значением 'кроме' имеют включающее значение и исключяющее. Последнее зависит от наличия отрицания в главной ПЕ. Послелоги *башка* и *өске* выражают исключяющее значение.

ППК с семантикой включения: $T_v=прч/!=$ дан кадына; $T_v=прч/!=$ дан аңгыда.

Үш-дөрт хонукта салдап бадый олурувуста, сал кырында чыгдынын келген хамык чоңгу, хок-бокту доозазын чалгып ширбип каап=кан=дан кадына, чамдык бакка баглап каан чудуктарнын чамдыын шуут ушта шаап алгаш барган (СТ, 70). — Когда 3-4 дня спускались на плоту, сильный ветер, кроме того, что на плоту все накопившиеся щепки и мусор смыл, некоторые из бревен разбил; *Ол кыдат бараан саарып сад=ар=ын=дан аңгыда, бичии ногаа тарыырынга кончуг сундулуг чораан* (ХЧ, 76). — Этот китаец, кроме того, что продавал, любил сажать и овощи; *Колхоз чүгеле яслиниц кол-кол септелгезин кылган боор=дан кадына, хамык-ла хоюглаар ажылды боду кылган* (СТ, 143). — Кроме того, что колхоз только сделал основной ремонт яслей, всю шлифовочную (=отделочную) работу делала сама.

Эти послелоги могут выражать значение исключения. В главной ПЕ содержится отрицание.

Кожуун, сумунун араттарынын байдалын билбес улус ынча дээр боор=дан кадына, ол байдалды билир кижси ынча дей албас (СТ, 36). — Кроме так говорящих людей, которые не знают положение аратов кожуна, сумона, это положение знающие люди, так не скажут; *Элезинге дегген чалгыгларнын оожум шулура=ар=ын=дан аңгыда, ховуда кандыг-даа ыт-шимээн чок турган* (Тыва дыл, 134). — Кроме тихого шелеста волн, касающихся песка, в степи ничего не было слышно (было тихо).

ППК с семантикой исключения: $T_v = \text{прч} // = \text{дан}$ өске; $T_v = \text{прч} // = \text{дан}$ башка.

Аксы-сөзү чок дээр=ден башка бо база кижси дег дириг амытан (Тыва дыл, 139). — Кроме того что не может говорить, он ведь тоже живое существо, как человек; *Суурда ында-мында ыттар туткулаар бор=дан башка, шип-ле шимээн* (Тыва дыл, 103). — Кроме того что в деревне тут и там время от времени лают собаки, тихо-тихо; *Мен силерге чүгле четтирдим дээр=ден өске чүнү-даа аазап шыдавас-тыр мен, сарыым* (Часкы хөөннер, 99). — Я ничего не могу обещать вам, моя дорогая, кроме того что сказать “спасибо”; *Чүгле номчуп, бижиттер кылдыр тыва бижикти өөренип алган дээр=ден башка, олар чаңгыс класс безин дооспаан* (ГК, 76). — Они не закончили ни одного класса, кроме того что научились читать, писать на тувинской письменности.

«Заместительно-возместительные» ППК. К сопоставительным по семантике и структуре примыкают такие предложения, где событие главной ПЕ не замещает зависимое, как в описанных выше заместительных ППК, а как бы прибавляется к нему: ‘где уж там... когда; не то чтобы’. В зависимой ПЕ скрепа *хамаанчок* ‘не только, но даже’, в главной — наличие отрицания. В русском языке скрепы типа ‘где уж там...’, ‘не то чтобы’ и т. п. называют «фразеосоюзными» [Черемисина, Колосова 1987, 176].

Аъттарны уур хамаан чок бистерни безин ууп чадап каан кылын эвес дош болган. — Лед-то был неплотный, не то чтобы лошадь выдержать, даже нас не выдержал; *Мындыг чемни чиир хамаан чок, шагда ут=кан улус бис.* — Мы такую еду не то чтобы есть, давно уже позабыли (что это такое); *Сени көөр хамаанчок, дыңна=ва=ан мен* (ТРС, 466). — Я тебя не только не видел, но даже не слышал; *Бажыңнар безин хул-чаи апарганда, каяа дериг-херексел артар чувел аан.* — Где там остаться надворным постройкам, когда даже дома были превращены в пепел.

Мы рассмотрели конструкции сопоставительной семантики. В них две реально существующие ситуации соотносятся друг с другом по признаку различия или сходства, соответствия или несоответствия одна другой. Эти конструкции также обнаруживают семантическую и формальную близость к временным, условным, причинным конструкциям.

5. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Изъяснительными называются такие сложные предложения, главная и придаточная части которых связаны изъяснительными отношениями. Конструктивной вершиной изъяснительной полипредикативной конст-

рукции является конечное сказуемое. В этой роли выступают глаголы определенных лексико-семантических групп, обозначающие тот или иной вид обработки информации о действительности и оперирования ею.

В соответствии с формально-семантическими типами предикатов выделяются различные типы сложных изъяснительных предложений. В зависимости от того, какой глагол (переходный или непереходный) формирует ППК, все модели конструкций с глагольным конечным сказуемым противопоставлены друг другу.

При переходных глаголах зависимая (диктумная) предикативная единица выступает в позиции прямого объекта психического действия, принимая грамматическую форму прямого дополнения. Это глаголы оперирования информацией типа: *билир* ‘знать’, *бодаар* ‘думать’.

При непереходных глаголах, а это в основном эмотивные глаголы, зависимая предикативная единица выступает в сильно управляемой обстоятельной позиции косвенного объекта эмоции, принимая форму дательного или исходного падежа. Это глаголы типа *амырар* ‘радоваться’, *магадаар* ‘восхищаться’, *ажынар* ‘сердиться’ и др.

ППК как с переходными, так и с непереходными глаголами противопоставлены ППК с глаголами, образованными от тех же корней, но снабженных залоговыми аффиксами. Придаточная часть в таких ППК выступает в позиции предикативного подлежащего.

ППК с изъясняющим компонентом в роли дополнения. Первую группу конструкций с переходными глаголами в роли конечного сказуемого составляют ППК с глаголами оперирования информацией. Эти глаголы управляют винительным падежом зависимой предикативной единицы.

Синтаксическая семантика этого подкласса изъяснительных конструкций — отношение интеллектуального действия к его объекту, т. е. к представлению о некоторой ситуации действительности. Глаголы, передающие это отношение, называются ментальными или глаголами оперирования информацией. В лексико-семантической группе глаголов оперирования информацией выделяем четыре семантические подгруппы:

1) обладание информацией, оперирование, переработка. Это глаголы *билир* ‘знать’, *угаар* ‘соображать’, *бодаар* ‘думать’, *сананар* ‘размышлять’ и т. п.

Самый распространенный глагол этой группы — *билир*.

Чүну чугаалап турарын сагыжым-биле билип каар чордум (Суван, 15). — Что он говорит, умом догадываюсь; *Ооң канчап билип каанын база билбес мен* (МК, «Т.ч.ы.», 74). — Даже не знаю, откуда он узнал это.

2) получение информации, ее переработка: *көөр* 'видеть', *дыңнаар* 'слышать', *угаан бодаар* 'догадаться', *ужурун тывар* 'выяснить', *миннир*, *медээр*, *билип каар* 'чувствовать', *эскерер* 'замечать'.

Оон чүнуканчап ка=ан=ын шуптуңар дыңнаан-на болгай силер (ВМ, «Б.б.х.», 97).— Вы же все слышали, что он сделал; *Сылдыс «тавакты» көрүп чыда, оон уундан агаар соолаш кын=ган=ын эскерип кан* (Суваң, 7).— Сылдыс, рассматривая «тарелку», заметил (почувствовал), что от нее подул влажный воздух; *Колдуунда нүгүлдекчи чагаа-дыр дэ=эр=зин билип кааптым* (Орук, 84).— Я почувствовал, что в данном письме в основном клевета.

3) хранение или утеря информации: *сактыр*, *сактып келир*, *сактып алыр* 'вспомнить', *уттур*, *уттуп кааптар*, *уттуптар* 'забывать'.

Ол үжөн ажыг чылдар мурнунда Шериг-оол-биле сөөлгү катан байырлажып тур=ган=ын сактып келген.— Он вспомнил, как он в начале тридцатых годов в последний раз простался с Шериг-оолом; *Ынчалза-даа ол чык узун чудуктар дэ=эр=зин уттуп ап-тыр мен ийин моң* (Ак-көк, 14).— Но я, оказывается, забыл, что этот груз — длинные бревна.

4) выражение информации, ее передача другому лицу глаголами говорения: *чугаалаар*, *ыдар* 'рассказывать', *тайылбырлаар*, *тайылбырлап бээр* 'объяснять', *сөөлээр*, *дээр* 'говорить', *дилээр* 'просить'; глаголами писания *бижиир* 'писать'.

Булат бодунуң төөгүзүн кысказы-биле бижээш, ада-иезиниң адреси ылавылап бэ=эр=ин дилээн болду (Суваң, 37).— Оказалось, что Булат, написав кратко свою биографию, попросил уточнить адрес его родителей; *Черге бир хон=ган=ым=ны соглевес дээш, ашак улусту мегелеп-кеш, ыяды бээдим* (СС, А, 111).— Я застыдился (и), чтобы не сказать, где ночевал, обманул пожилых людей.

За рамками этих групп остается несколько глаголов, составляющих их периферию, в том числе часто употребляемые глаголы *ынаак болур*, *ынакшыыр* 'любить' и *манаар* 'ждать', *деп бодаар* 'предполагать, думать', *кайгаар* 'удивляться', *идегээр* 'надеяться'.

Чаңгыс сен-не мээн амы-тынымны ал=ыр идегеп ордум (СС, ТК, 200).— Я надеялся, что только ты один спасешь мою жизнь; *Ону шүлүкчү ана=ар=ын боданнар.*— Ждали (предполагали), что он будет поэтом.

Вторую группу составляют ППК с непереходными глаголами эмоциональной реакции, управляющие дательным и исходным падежами ЗПЕ.

Предложения с дательным падежом ЗПЕ. Дательным падежом управляют преимущественно глаголы, выражающие эмоциональную

реакцию субъекта на событие, выраженное в ЗПЕ. Известно, что во всех языках слов для выражения отрицательных эмоций и оценок гораздо больше, чем положительных, и тувинский в этом отношении не исключение. Положительная эмоция: радость, удовольствие — выражается широко употребительным глаголом этой группы *өөрүүр*, *амыраар* 'радоваться'.

Чаптанчыг чараи өөрлеривисти камгала=ан=ывыс=ка аажок-ла сагыжывыс өөрдү (Аялга, 107).— Оттого, что мы защитили милых, хороших друзей, очень душа=наша радовалась (тому, что).

Нейтральные и отрицательные эмоции выражаются разными глаголами: *чоргаарланыр* 'гордиться', *адааргаар*, *магадаар* 'завидовать', *хүннээр* 'ревновать', *хомудаар* 'обижаться, досадовать'; целая серия глаголов передает разные оттенки грусти, печали: *мунгараар*, *кудараар*, *сырыннаар*, *уяраар*, *ундараар* 'грустить', 'печалиться'; неудовольствия: *хыйланыр*, *химиренир*, *думчуктаар* 'ворчать'.

Башкы өөреникчилериниң ажылын музейде көргүзүп тур=ар=ын=га чоргаарланыр.— Учитель гордится тем, что работы его учеников показывают в музее.

В казахском, алтайском языках вариативно дательным падежом управляют глаголы, выражающие такие эмоциональные состояния, которые связаны со стремлением отстраниться от объекта, вызывающего отвращение, страх, стыд, хотя для глаголов этой группы характерно управление исходным падежом.

Каз.: *Синтаксистен емтиханды жаксы тапсырматыны=на коркып тур* (Анк., 97).— Они опасаются, что не сдадут успешно экзамен по синтаксису; *Кыз кешик кел=ген=i=нен корқап, есіктің жанына тоқтады* (Анк., 97).— Девочка, опасаясь, что опоздала, встала тихонько у двери.

Алт.: *Мен бу ишти эдип бол=боз=ы=ма (болбозынан) коркып турум* (Анк., 97).— Я боюсь, что не справлюсь с этой работой.

В тувинском и хакасском языках предикаты названной семантической группы управляют в основном исходным падежом, хотя и здесь, как и в названных выше языках, возможно управление предикатов с семантикой «отвращения» дательным падежом.

Дательный падеж:
Тув.: *«Тавакты» эн баштай көрүп кааш, хей-ле корга бер=ген=им=ге ол хомудаан* (Суваң, 5) — Он очень огорчился тому (из-за того), что так испугался, впервые увидев «тарелку».

Хак.: *Мин ну кізінең таныс полганымнаң сағын=ар=га даа чиркестіг полған* (Анк., 97).— Мне о том, что я была знакома с этим человеком, даже думать отвратительно.

Исходный падеж: *Тув.: Бо ажылды кылып шыдавас бо=ор=ум=дан коргун тур мен.—*

Я боюсь, что не справлюсь с этой работой; *Багай кеттинип ал=ган=ын=дан оол ыядып турган.—* Мальчик стеснялся того, что он плохо одет.

Хак.: *Кичигдегёк чили, ичези аны көксеп сыг=ар=ы=наң хорыххан.—* Он боялся, что мать начнет его ругать, как в детстве.

Во всех рассмотренных предложениях содержательные отношения между предикативными частями — это отношения стимула (ЗПЕ) и эмоциональной реакции (ГПЕ): какое-то событие воздействует на чувства человека, и он отвечает на это воздействие той или другой эмоциональной реакцией. Главная часть управляет зависимой ПЕ, что характерно именно для изъяснительных сложных предложений.

По содержанию такие предложения тоже своеобразны: отношения «стимул — эмоциональная реакция» требуют, чтобы субъектом главной части был человек. Предложения с семантикой «стимул — реакция» составляют ядро всех полипредикативных предложений с управляемой ЗПЕ в дательном падеже, но не исчерпывают собою этого типа. В тувинском языке есть глаголы, которые, не будучи эмотивными, называют интеллектуально-психические состояния, обусловленные субъективным восприятием действительности, определенным положительным или отрицательным отношением к ним: *идегээр, ынаныр, кордаар* 'надеяться', *бүзүрээр, шынзыгаар* 'верить'. Зависимая ПЕ при них тоже оформляется дательным падежом.

Улуг-хүнде агаар экижсий бээр дэ=эр=зин=ге бүзүрээр мен.— Я надеюсь на то, что к воскресенью погода улучшится; *...мен база Булат кылаштап болур-дур дэ=эр=зин=ге бузурей берген бис* (Суван, 34).— (и) я тоже поверил в то, что Булат сможет ходить.

Глагол *кайгаар* (магадаар) 'удивляться' в тувинском языке вариативно управляет как дательным, так и винительным падежом. Причем чаще используется винительный падеж.

Оглум эрте келген=ин кайгай бердим.— Я очень удивилась, что сын вернулся домой рано. Ср.: *Оглум эрте кел=ген=ин=ге кайгай бердим.—* Я очень удивился тому (что), сын вернулся домой рано.

Предложения с исходным падежом зависимой ПЕ. Исходным падежом управляют глаголы лексико-семантической группы отстранения, отчуждения, отдаления от объекта, вызывающего негативное отношение. В их числе — глаголы, близкие к эмотивным: *ыядыр* 'стыдиться', *эгенир, эпчоксунар* 'стесняться', *сестир* 'опасаться', *чекскинер, чүдескинер* 'брезговать', *мугуртаар, мунгагдаар* 'отчаиваться', *чөгенир*

'разочароваться'. Но есть и глаголы другого типа: *ойталаар, ынавас* 'отказываться', *коргар* 'пугаться' и некоторые другие.

Ол киноже ба=ар=ын=дан ойталаан.— Он отказался пойти в кино; *Мен өгленмейин ба=ар=ым=дан авам сестир чораан.—* Мать опасалась, что я никогда не женюсь; *Дунмам-биле бир-ле чүве бол=ган=ын=дан мен муңгарай бердим.—* Я пришла в отчаяние от мысли, что что-то случилось с братом; *Кежээ чааскаан чан=ар=ым=дан чүдек коргар кижидир мен, мени бажынымче үдеп каан* (ВМ, «Б.б.х.», 88).— Так как я очень боюсь вечером одна идти домой, проводил меня домой (букв.: Я человек, который очень боится вечером идти один домой, меня до моего дома проводил).

Предложения этой группы часто бывают моносубъектными.

А оолдар мо=ор=тан сезингеш, тракторун тургуспас болдур ийин (Ак-көк, 13).— А парни, опасаясь этого, ведь не оставляют трактор=их.

Мы рассмотрели две группы моделей ППК эмоциональной семантики: «положительные эмоции» ('любить') и «отрицательные эмоции» ('брезговать' и пр.). В первом случае средством связи выступает аффикс дательного падежа, а во втором — исходного. Это конструкции «активной эмоциональной семантики», формирующие их глаголы в активном залоге.

Третий тип ППК эмоциональной семантики — конструкции с эмотивными глаголами в форме понудительного залога. Предикативная единица — название события-стимула — занимает позицию подлежащего, а имя субъекта эмоции занимает позицию прямого дополнения.

2. Предложения с подлежащей зависимой частью. В ППК с глагольными сказуемыми, выраженными глаголами с залоговыми аффиксами, диктумная (придаточная) часть выступает в позиции и в форме предикативного подлежащего (предикативное имя события). Изъяснительные предложения, в которых придаточная предикативная часть имеет форму именительного падежа, устроены иначе, чем рассмотренные выше. В них придаточная часть выступала в роли дополнения в одном из трех основных актантажных падежей — винительном, дательном или исходном. Форма именительного падежа соответствует функции подлежащего.

Конструкции с предикативным подлежащим представлены двумя разными типами.

Первый тип представлен предложениями с оценочными именными конечными сказуемыми (*эки* 'хорошо', *багай* 'плохо', *берге* 'трудно', 'тяжело', *кайгамчыг* 'удивительно, превосходно', *элдептиг* 'странно' и др.).

Второй тип составляют предложения с глагольными сказуемыми ментальной или эмотивной семантики в залоговых формах, например: *дыңналыр* 'слышаться', *көстүр* 'видеться', *кайгадыр*, *магадыр* 'удивлять', *коргудар* 'пугать' и др.

Подлежащие ППК с глагольным финитным сказуемым. В роли сказуемых в предложениях этого типа выступают, во-первых, глаголы, образованные при помощи залоговых аффиксов от глаголов оперирования информацией, во-вторых, от эмотивных глаголов.

На базе глаголов оперирования информацией при помощи залоговых аффиксов образованы три регулярно встречающихся глагола, формирующие предложения данного типа. Будучи в исходной своей форме переходными, они, принимая аффиксы косвенных залогов, становятся непереходными.

1. Глагол *көстүр* 'показываться, появляться'. Этимологически это форма возвратного залога от глагола *көөр* 'видеть', но в современном языке это самостоятельный глагол.

Автобустарның кээп тур=ар=ы сонгадан эки көстүп тур. — Из окна хорошо видно, как автобусы подъезжают к остановке; *Киды өглерге оглун-на часкаандырзын тудуп алган чору=ур=у көстүр* (КК, I, 106). — Было видно, что она ходит по гостям, держа лишь одного сына на руках; *Бирээзи дагже үнүп каан, өскези хемни өрү чоктаан, ында кара туруг ба=ар=ы көзүлгөн* (КК, I, 57). — Один поднялся на гору, другой пошел вверх по реке, там показалась передняя часть скалы.

2. Глагол *дыңналыр* 'слышаться, доноситься' образован от глагола *дыңна* 'слышать' с помощью аффикса страдательного залога. В данной конструкции формы с каузативным или возвратным аффиксом невозможны. В зависимости от того, какова зависимая часть, выделяются разные смысловые типы предложений.

Это может быть слуховое восприятие звука как такового, если сказуемое ЗПЕ — глагол звучания. Восприниматься на слух может событие, лишь сопровождающееся звуком.

Чакс дамдыларының дүжүп тур=ар=ы тода дыңналып тур. — Было ясно слышно, как падают капли дождя; *Адыш-даа часка=ан=ы дыңналган* (КК, I, 181). — И аплодисменты послышались (букв.: было слышно, как хлопают ладони).

Объектом восприятия может быть и звуковая речь. В этом случае предикат *дыңналып* означает не только слуховое восприятие, но и понимание услышанного. В одних случаях внимание сосредотачивается на звучании речи, на ее интонациях.

Кырган-авамның кухняда хыйланып тур=ар=ы дыңналып тур. — Было слышно, как недовольно ворчала бабушка на кухне.

В других случаях внимание сосредотачивается на смысле услышанного, на тех событиях, информация о которых получается устно.

Оларның кулаанга Аянаның уруу-биле удавас кэ=эр=и дыңналы берген боор. — До их ушей (слуха) уже, наверное, донеслось, что скоро приезжает Аяна с ребенком.

3. Глагол *билдирер* 'становиться ясным' ('заметным', 'видным'). Он образован от глагола *билир* 'знать' с помощью аффикса каузативного залога. Подлежащее — обязательный компонент рассматриваемой конструкции предложения, без него изъяснительного предложения данного типа существовать не может. В качестве подлежащего при этом глаголе выступают номинализованные предикативные единицы, имена событий, ситуаций, которые становятся кому-то ясными, понятными, и т. п.

Лицо, воспринимающее описываемое событие, как правило, остается неназванным. Обычно имеется в виду говорящий.

Глагол *билдирер* выступает не только в разных временных формах, он может принимать и негативную форму: *билдирбес* 'незаметный, незаметно, втихомолку'.

Еще один предикат — *билдингир* 'понятно, ясно', производный от основы страдательного залога *билдин* + *-гыр* — словообразовательный аффикс, обозначающий качество действия.

Олар бөгүн ажылын доос=нас деп чүве билдингир апарды. — Стало ясно, что сегодня они не закончат работу.

Изредка в роли конечных сказуемых полипредикативных предложений с подлежащей зависимой предикативной частью выступают другие глаголы и эквивалентные им выражения: *илерээр* 'выясняться, разъясняться'.

Бир чыл болгаш ол чагааны Чодураа боду бижэ=эн деп чүве илертине берген. — Год спустя выяснилось, что Чодураа сама написала это письмо.

В рассматриваемой конструкции употребляются также эмотивные глаголы; принимая аффиксы каузативного залога, они становятся переходными. Позицию прямого дополнения при них занимает субъект эмоции, а позицию подлежащего — предикативная единица, представляющая то событие, которое вызывает у субъекта соответствующую эмоцию, является стимулом эмоционального переживания. В предложениях этого типа субъект эмоционального переживания, выраженный прямым дополнением в винительном падеже, является строго обязательным.

Өрттенип калган чодурааның чазын катап чечектели бер=ген=и бисти кайгадытты. — Нас удивило, что обгоревшая черемуха весной снова зацвела; *Мээң оглумнун ол оол-биле ам-даа өнүктежип*

тур=ар=ы мени дувүредип турган. — Меня беспокоило то, что сын продолжал дружить с этим парнем.

Конечными предикатами конструкций с предикативными подлежащими могут быть также отдельные глаголы без залоговых аффиксов: глагол *тааржыр* 'нравиться' (с управлением «что — кому») и эквивалентные глаголам выражения, например: *сагышка кирер* 'приходить на память, вспоминаться'.

Японияже мээн бир дугаар чора=ан=ым бо-ла сагышка кирип кэр. — Мне часто вспоминается моя первая поездка в Японию.

Подлежащие ППК с именным финитным сказуемым. Выполняя роль предикативного подлежащего, придаточное не принимает падежного аффикса. Соответствующее падежное значение передается отсутствием падежного показателя. Словоформа зависимого сказуемого заканчивается притяжательным аффиксом: =ым — 1-е л., =ын — 2-е л., =ы — 3-е л.

Форма именительного падежа соответствует функции подлежащего. Подлежащее координирует с конечным сказуемым. В целом предложение полипредикативно, поскольку в нем представлены два предикативных узла. Но этого еще не достаточно, чтобы признать его собственно сложным. Собственно сложное предложение должно содержать два предикативных узла, и при этом ни один из компонентов одного из них не должен входить во второй. Здесь же придаточной части принадлежит полноценный предикативный узел, тогда как главная часть представлена только составом конечного сказуемого. И оно (сказуемое) имеет при себе подлежащее, выраженное не словом, а зависимой предикативной единицей.

Для того чтобы получить возможность соединиться с предикатами, предложение должно быть номинализировано. Номинализованное предложение может занять позицию субъекта в составе более сложного предложения [Арутюнова 1988, 106].

Общим для обоих типов подлежащих конструкций (с глагольным и именным финитным сказуемым) является то, что в позиции подлежащего стоит номинализованная форма предложения — предикативное имя оцениваемого события. Различают номинализации пропозитивные, или фактообразующие, и событийные; полные и неполные.

Неполные пропозитивные номинализации реализуются в предложениях, в которых фактообразующее значение занимает место субъекта. В таких предложениях высказывается суждение о суждении. «Значения неполных номинализаций принадлежит области эпистемологии (знаний, мнений, утверждений и других категорий ментального плана)» [Арутюнова 1988, 105]. Т. е. номинализация пропозиции характеризуется пре-

дикатами, соответствующими модусам знания, сомнения, допущения, возможности, психического воздействия, общей оценки.

Итак, в позицию предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение — оценку. «Оценочность — такая категория, граммемы которой указывают, хорошо или плохо относится говорящий к факту или его участникам» [Мельчук 1998, 196].

То, что в позиции подлежащего стоит предикативное имя оцениваемого события, исключает появление в той же самой позиции лица — субъекта оценки. Но указание на лицо, которое выносит оценку, возможно, если важно это подчеркнуть. Основная форма такого субъекта — форма дательного падежа.

Чарлып тура Айананын ыглавыт=на=ан=ы аңа=а хомуданчыг болган. — То, что Айана, прощаясь, даже не всплакнула, было ему особенно горько; *Оглуңуң ажылдап, арага иштейн тур=ар=ы ада-иезин=ге кончуг эки.* — То, что сын работает, не пьет, родителям его очень хорошо.

В этих предложениях, как видим «заинтересованное лицо» представлено формой дательного падежа: *аңа=а хомуданчыг болган* 'ему было горько'; *ада-иезин=ге кончуг эки* 'родителям очень хорошо'.

Языковые структуры, в которых выражаются оценки, подробно исследованы в лингвистике. Детально анализируются оценочные номинации и структуры высказывания, содержащие оценку, в работах В. Г. Гака [1998], Е. М. Вольф [1985], Н. Д. Арутюновой [1988]. Кроме способов выражения оценки, в этих работах рассматриваются оценочные структуры с точки зрения той роли, которую играет оценка в отдельном высказывании и тексте.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «все ценностные суждения скрывают за собой общее утверждение, т. е. отсылку к некоторому стандарту» [Арутюнова 1988, 23]. Это значит, что любая оценка представляет собой некую процедуру оценивания. Смысл этой процедуры в том, что человек — субъект оценки сравнивает оцениваемый объект, например предмет или ситуацию, факт действительности, с имеющимся у него в сознании эталоном, т. е. представлением о том, каким должен быть или каким обычно бывает типичный объект данного класса.

Е. М. Вольф указывает на то, что оценка характеризуется особой структурой, содержащей ряд обязательных и ряд факультативных элементов. Эту структуру можно представить как модальную рамку. Главными элементами оценочной модальной рамки являются ее субъект и объект, связанные оценочным предикатом.

Кроме того, в модальную рамку оценки входят, как правило, имплицитно, шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих [Вольф 1985, 11]

Таким образом, для того чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека. Возьмем, например, выражение: *Бо хевин багай*. — Эта одежда твоя плохая. Здесь содержится отрицательная оценка, которая вынесена говорящим на основании сопоставления данной одежды с представлением о хорошей одежде. Ср. также:

Мындыг самдар курткa-биле чоруп тур=ар=ым, меңээ ыадынчыг. — В такой рваной куртке хожу я, мне стыдно.

Слова типа *самдар*, *орбак* ‘рваная’, *хирлиг* ‘грязная’ выражают отрицательную оценку конкретно, указывая на тот признак, по которому она вынесена. Оцениваться могут не только предметы, но и события, ситуации, которые получают выражение в формах предложений. В таких случаях предложения, выражающие оценку, оказываются полипредикативными.

Основной грамматической формой выражения оценки является предикативное прилагательное. В тувинском языке, как и в других тюркских, прилагательное, как и наречие, — неизменяемая часть речи, не имеющая собственных ни падежных, ни предикативных форм. Поэтому в составе сказуемого оно выступает в сочетании со связкой, которая в настоящем времени индикатива представлена значимым нулем.

Уругунч чугаалап тур=ар=ы, бодун алдынып турар=ы — чараш. — То, как эта девушка говорит, как она ведет себя в обществе — красиво (наст. вр.); *Оон начальник-биле чугаалажып тур=ган=ы, кандыг айтырыглар салып турган=ы — дыка-ла дидим болган*. — То, как он разговаривал с начальником, какие задавал ему вопросы — смело было; *Хамнын үнүн таны=ыр=ым ышкаш болду* (КК, I, 192). — Шамана голос узнал я, (то) как будто было (показалось, будто голос шамана знаком); *Ол хуралга кел=бэ=эн=им меңээ дыка-ла эпчок болду*. — На это собрание я не смог прийти, мне очень досадно было.

В этих примерах связка *бол=* в формах прошедшего времени на =ды и =ган. Лицо, выносящее оценку, в дательном падеже, если речь идет о 1-м или 2-м л. (что можно увидеть также из примеров, приводимых ниже).

В качестве оценочных сказуемых могут употребляться также фразеологизмы, слова междометного типа: *ажырбас* ‘ничего, ладно’ (букв.: ‘обойдется’); *оюнчук* ‘игра’ (в знач. ‘ничего не стоит’), *херек чок* ‘пустяк’ (букв.: ‘дела нет’).

Телевизорун үрели бер-ген=и ажырбас. — То, что телевизор сломался — ничего; *Бичи-ле чүве дээш, өглерниц, кожсазы аалдарның оолдары-биле чокшу каапт-ар=ы ацаа оюнчук* (УХ, 19). — Из-за пустяка подражаться с мальчишками из соседних аалов — ему игра (=ничего не стоит); *Кырган-ачазының ынак шаажанын бузуп каавыт-ар=ы — ацаа*

херек чок чүве-дир он. — Даже когда он разбил любимую чашку деда — ему пустяк; *Дарга хорадаары, менче алгыр-ар=ы меңээ хей чүве-дир*. — То, что начальник рассердился, накричал на меня, мне вздор.

Н. Д. Арутюнова выделяет два основных типа оценочных значений: общеоценочный и частнооценочный [Арутюнова 1988, 75]. Первый тип реализуется прилагательными «хороший» и «плохой». Второй тип более разнообразен и содержит семь разновидностей оценочных значений: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические оценки, которые объединяются в три группы. Первую группу составляют сенсорные оценки, вторую — эстетические и этические оценки, третью — рационалистические оценки. Основное синтаксическое различие между двумя типами оценочных значений связано с различиями функций, которые они выполняют. Частнооценочные значения выступают в основном в функции предиката, пригодного для характеристики объектов разных видов. Тогда как общие оценки могут выступать еще и в функции «модального оператора», обслуживающего пропозицию.

Ср.: Хорошо (плохо), что сейчас зима (общая оценка) но нельзя сказать: — Красиво, что сейчас зима (эстетическая оценка).

Как видим, оценка может даваться по самым разным признакам (истинность — неистинность, важность — неважность и т. п.), однако основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком «хорошо — плохо».

Универсальная оценочная шкала бинарна и содержит два полюса: эки ‘хорошо’ — *багай* ‘плохо’, «между которыми расположена зона нейтрального» [Вольф 1985, 49]. Ср.: *багай эвес* ‘неплохо, сносно, ничего’. На эту основную шкалу накладываются все другие, выражающие тот или иной вид оценки.

В тувинском языке мы выявили восемь подсистем оценки, позволяющих оценивать диктумные пропозиции, выражаемые предикативными подлежащими.

1) Значение, отражающее общую оценку.

Положительная оценка выражается словами со значением ‘хорошо’ — эки, *дуза* ‘польза’ (в знач. ‘хорошо’), отрицательная — словами со значением ‘плохо’ — *багай*, *аргажок* ‘плохо’ и средняя — *чугээр* ‘удовлетворительно’.

Аалчыларның кээп тур=ар=ы эки. — Гости приходят, (то) хорошо; *Быштак, боорзак, эт чип турган=ы эки* (УХ-49, 140). — Сыр, боорсаки, мясо есть — (то) хорошо; *Улус-биле чугаалаш=кан=ың эки болган-дыр*. — Ты с людьми поговорил, (то) хорошо; *Ачанның өгө чог=у-*

сээн аас-кежии! — Отца нет дома, (то) твое счастье; *Бир черден келген орустарның чер ажылынга өөредип тур=ган=ы улуг дуза.* — Приехавшие откуда-то русские, учили земледелию, (то) тоже большая польза; *Сен бодундун аазаашкының уттун=кан=ың багай-дыр.* — Ты свое обещание забыл, (то) плохо; *Акызының чагаа бижэ=эн=и ону дүвүредипкен.* — Брат письмо написал, это его встревожило (то, что ему написал брат в письме); *Бак-ла чүвези — даңды акшазын чидирген болур.* — То, что плохо в нем — постоянно теряет деньги (букв.: плохая вещь=его — постоянно деньги=его теряющий есть).

Оценочные имена часто образуются от именных основ при помощи аффикса обладания =лыг.

Эртежик кел=ир=и менээ таарымча=лыг-дыр. — Приходить пораньше, (то) мне удобно; *Силер-биле чор=ба=ан=ым хомудан=чыг-дыр.* — Я не поехал с вами, (то) жалко; *Ут=па=ан=ыңар менээ өөрүн=чүг-дүр.* — Вы помните (меня), (то) мне приятно.

К оценочным именам присоединяются слова-интенсификаторы: *дыка, холчок, аажок, кончуг* 'очень'.

Чурум дугайында чугаалаажып тур=ар=ывыс кончуг-ла чөп=түг-дүр (УТЯ, 129). — Мы говорим о дисциплине, (то) очень справедливо; *Эжиге номну белекке бер=ген=иң кончуг эки-дир.* — Другу книгу ты подарил, (то) очень хорошо.

Сказуемое оценочных ППК может выражаться сочетанием предикатов типа *чорук, херек* 'дело', *чүве* 'вещь', *кижи* 'человек' с оценочным определением.

Кыржып=кан=ыңар мелегей чорук-тур. — Вы поссорились, (то) глупо (букв.: 'глупое дело'); *Мында хөөлбек суг эвээш болганындан, өдүрек, кас көвүдөдип өстүр=ер=и херек чок бодал* (*херекчок* 'ненужный') — Поскольку здесь водоемов мало, уток, гусей разводить, (то) бессмысленно (букв.: 'мысль ненужная').

В рассмотренных примерах субъект зависимой предикативной единицы выражается личным показателем сказуемого. Он также может быть выражен и лексически, имея форму неопределенного и родительного падежей (ср. примеры выше: *сен, сээн, орустарның, бажыңның, аалчыларының*).

2) Значение, отражающее оценку сообщений с точки зрения истинности, достоверности. Эти оценки относятся не к событиям, о которых сообщается, а к сообщениям о событиях.

Предикаты этой группы — *шын* 'правда, правильно', *чоп* 'правильно', *ылап* 'верно', *чигзиниг чок, чугаажок* 'несомненно', *чигзиниглиг* 'сомнительно', *шын, чоп, шынчы* 'верно, честно', *шын эвес, меге* 'не-

правда, неправильно', *нугул* 'ложь' и др. обычно подтверждают или опровергают какое-то утверждение, мнение о событии.

Бо олурган Чудурукпай дарганың кадайы сыртты саадааш чок апарга, ооң чаш төлүн кээргээш, хойлап ал=ган=ым шын (КК, I, 112). — Когда у этого сидевшего Чодурукпая жена умерла от родов (букв.: от задержки послета), я, пожалев, взяла их ребенка, (то) правда; *Самагалдай, Балгазын болаш өске-даа хүрээлерни үрегдеп, өрттедип кап=кан=ы ылап, ынчалза-даа Буян былгаарын оралдашкан* (КК, I, 49). — Что разрушили, сожгли Самагалдай, Балгазын и другие церкви, (то) верно, но Буян попытался запутать (разговор об этом); *Барык унунга амыдырал кырынга үш чейзең тур=ган=ы аргажок шын — Мангыр, Херик, Сүлдем* (КК, I, 156). — Что в долине Барыка действительно были три чейзена Мангыр, Херик, Сүлдем, (то) чистая правда (букв.: 'безвыходный + правда'); *Саванды кажсан-даа мегелевес ооң ынчан Беш-Мелдерин чидирген тур=ган=ы-ла аргажок шын* (КК, I, 165). — Саванды никогда не обманывает, что он тогда потерял Беш-Мелдера, (то) чистая правда; *Моолдун Ногаан дарийги биле Сагаан дарийгиге чет=кен=им шын, ал бодум оларга тейлеп чалбары=ва=ан=ым арга чок шын* (КК, I, 292). — То, что я был (букв.: добирался до монголов) у Ногаан тарийги и Сагаан тарийги — правда, то, что я сам никогда не молился перед ними — чистая правда.

В рассмотренных примерах содержится интенсификатор *аргажок* (*арга чок*) 'безвыходный, невозможный'. Информант интерпретировал сочетание *аргажок шын* как 'чистая правда'. В словарях такая семантика этого сочетания не отмечена.

Субъект зависимого действия выражен личным показателем сказуемого.

Предикаты *чигзиниг чок, чугаажок* 'несомненно', 'нет сомнения' и *чигзиниглиг* 'сомнительно' занимают положение на этой шкале, близкое к *шын*, но обычно относящиеся к еще ожидаемым событиям.

Мергенның кайгамчыктыг актер бол=ур=у чигзиниг чок. — Что Мерген будет замечательным актером, (то) сомнения нет.

Оценка, выражаемая этими предикатами, включает в себе семантический компонент модальности, которого нет у оценок «хорошо — плохо».

3) Значение, отражающее оценку наблюдаемых ситуаций с точки зрения ясности, понятности происшедшего и выводов, которые из этого следуют: *тодаргай, билдингир, илдең* 'ясно', *тодаргай эвес* 'неясно', *дурум* 'закон'.

Хирезин бодаарга, Нам даргазы мындыг байдалдарга черле чангыс эвес удаа таваржып тур=ган=ы илдең (КК, I, 177). — Партийный рко-

водитель не один раз сталкивался с такими обстоятельствами, (то) **ясно**; *Брак чер чора=ан=ы илдең* (КК, I, 28).— Что ехал в далекую землю, (то) ясно; *Уруглар аштап артып кал=ган=ы билдингир*.— Что дети остались голодными, (то) **было ясно**; *Савандының кор=кан=ы-даа, өөрэ=эн=и-даа билдинмес, ырлаар-даа, ыглаар-даа болган* (КК, I, 9).— Испугался ли Саванды, радовался ли, (то) **непонятно** было, (было так, что он) и пел, и плакал; *Аьш-чем чок турттап бол=баз=ы бойдустан дуруму*.— То, что нельзя жить без пищи, — **закон** природы.

Среди рассмотренных ППК отмечены такие, где диктумная предикативная единица начинается вопросительным словом, то есть восходит к вопросительному предложению.

Чүнү кыл=ыр=ым билдингир болгай.— Что я должен делать, (то) **ясно** ведь.

4) Значение, отражающее оценку диктумных пропозиций с прагматической точки зрения. Здесь встречаются предикаты *өртектиг* 'ценно', *ажыктыг, дузалыг* 'полезно', *херек* 'нужно', *чугула* 'важно', *чаңчыл* 'привычка, традиция', *таварылга эвес* 'неслучайно', *хамаан* 'отношение', *эпчок* 'неудобно', *элек* 'рано', *солун* 'интересно' и др., характеризующие целесообразность, нужность, полезность диктумных событий. Эти предикаты в качестве объектов оценки предполагают прежде всего действия, поступки людей.

Чүгеле Улуг-Хем кожууну дэ=эр=и чугула (КК, I, 204).— Назвать только Улуг-Хемский кожуун — (то) **важно**; *Алдын тывыжының арбыда=ан=ы — эң-не чугула*.— Добыча золота увеличилась (то) (**очень**) **важно**; *Телеграмма үзінде кел=ир=и кончуг чугула*.— Чтобы телеграмма пришла вовремя, (то) **очень важно**; *Бир талазында, сумунун удуртур эштери боорга, Чудурукпай биле Анай-Караны хүндүлээш, улус оларның өөнүң эжисин ашпас, черле ынчаш даргалар турар черже кижил бол=ган=ы барбас чаңчыл турган* (КК, I, 165).— С одной стороны, хотя и являются товарищами управляющего сумона, (но) уважая Чудурукпая и Анай-Кара, люди не открывали дверь их юрты, вообще же не ходить в места, где начальники живут, — **была привычка**; *Черле ынчаш орус улустун чурттаар чер кылдыр эге баштай Би-Хемни щилип ап тур=ган=ы таварылга эвес* (КК, I, 50).— Все же то, что русские люди местом жительства (букв.: жить, каким образом, место) выбрали в первую очередь Бий-Хем, — (это) **не случайно**; *Мергежилдиг башкының кичээл эртирип тур=ар=ын көөр болзунза силерге ажыктыг*.— Как опытные учителя уроки проводят, если вы посмотрите, (то) вам **полезно**; *Мээң дилээм-биле сени бергедедип турар=ым менээ эпчок тур*.— Моей просьбой тебя затруднять, то мне **неудобно**; *Бо оол өзүн келгеш кым болур=у, сайгарар=ы ам-даа элек*.— Этот мальчик, когда

вырастет, кем станет, (то) анализировать еще **рано**; *Тараа быжар=ы элек* (ТРС, 611).— Созревание хлебов, (то) еще **рано**; *Соок дүжөр=и элек* (ТРС, 611).— Похолодание еще не началось (букв.: холод(у) наступить, (то) рано); *Орайтадыр ооң кайнаар чоруккан=ы ол, солун-дур аа*.— Поздно куда пошел он, то **интересно**; *Сессияны канчаар дужаар=ым, мээң чурттагамда хөй чүүл хамаан болур*.— То, как я сдам сессию, многие вещи моей жизни **отношение** имеют.

5) Значение, отражающее оценку трудовых действий, как физических, так и интеллектуальных усилий, с точки зрения трудности или легкости для человека. Выражается такая оценка предикатами *белен, чшик, амыр* 'легко', *бөдүүн* 'просто', *берге* 'трудно', *амыр эвес* 'нелегкий' и некоторыми другими.

Баштайгы үеде кичээл эрттир=ер=и аажок бөдүүн турган (КК, I, 120).— В первое время давать уроки — (это) **очень просто** было; *Бижикке өөрөн=ир=и берге эвес* (КК, I, 115).— Письму обучить — (это) **нетрудно**; *Ону бижис=ир=и чүдөн белен* (КК, I, 115).— Ему писать — **что за труд** (букв.: что за легкий); *Оларны чедит ал=ыр=ы ындыг амыр бе* (УХ-49, 13).— Легко ли добиваться их; *Өргелер анна=ар=ы белен эвес*.— Охотиться на сусликов **нелегко**; *Багай чаңчылдар-биле демисеж=ир=и берге*.— С дурными привычками бороться, (то) **трудно**.

Ср. еще примеры: *Ындыг көвей койгуннарны чааскаан тудуп алганыңга, бүзүрэ=эр=и берге-дир*.— Так много зайцев ты один добыл=тому, поверить, (то) **трудно**.

Здесь усложненный тип ППК. Глагол *бүзүрээр* 'верить', выступающий в роли сказуемого первой главной ПЕ, управляет дательным падежом ЗПЕ [*Ындыг көвей койгуннарны часкан тудуп ал=ган=ың=га*.— Тому, что ты один добыл так много зайцев]. Вся эта ЗПЕ служит подлежащим для главной части, сказуемое которой представлено предикатом *берге* 'трудно'.

Для конструкций с предикатами «легко — трудно» характерна следующая особенность строения зависимой части: независимо от того, обозначает ли она реально произошедшее единичное действие, или повторяющееся, или потенциальное, форма сказуемого в ЗПЕ — всегда причастие будущего времени. Сказуемое же первой ЗПЕ (косвенное дополнение) в форме прошедшего времени на =ган. Т. е. здесь ППК с двумя ЗПЕ и ГПЕ.

Нередко эти же предикаты используются для оценки психических и физических состояний, переживаний людей.

Оолдун караа дам аарын, баксырап тур=ар=ы адазынга аажок берге.— То, что глаза мальчика становились все хуже, отцу его **очень тя-**

жело; *Авазының хун келген тудум кошкан олур=ар=ы уруунга дыка берге.*— То, что мать слабела с каждым днем, дочери ее **очень тяжело**.

Кроме рассмотренных, самых регулярных, в тувинском языке представлено еще несколько групп конструкций оценочного типа со своими специфическими оценочными предикатами, которые соотносятся напрямую со шкалой «хорошо — плохо» не через посредство антонимических пар, а благодаря оценочной семье, заключенной в самом их лексическом значении.

б) Значение, отражающее оценку, выносимую на основании эмоционального впечатления от данного события или высказывания о событии. Оно выражается с помощью предикативов — безличных прилагательных: *солун* 'странно, интересно, любопытно', *ажыг* 'горько', *каттырынчыг* 'смешно' *хамаан чок* 'нет отношения' ('все равно') и др.

Кымның кажан чору=ур=у менээ хамаан чок.— Мне безразлично, кто когда уезжает; *Мангыр чейзен өлген соонда, Барык унунга база бир дүжүмет* — *Сулдем чейзеңниң көстүп кел=ген=и аңаа изиг-даа эвес, соок-даа эвес болган* (КК, I, 21).— То, что в долине Барыка появился еще один чиновник — Сюддем чейзен, ему было **ни жарко, ни холодно** (=все равно); *Орайдадыр ооң кайнаар чоруп=кан=ы ол, солун-дур аа.*— Интересно, куда же он пошел так поздно.

Многие оценочные предикаты этой группы образованы от эмотивных глаголов. Последние сами выступают в качестве предикатов, формирующих изъяснительные предложения с предикативным косвенным дополнением: *өөрүүр* 'радоваться' (кто — чему), *өөрүүнчиг* 'радостно, весело, приятно' (что — кому), аналогично *хомудаар* 'обидеться', *хомуданчыг* 'обидно, досадно', *мунгараар* 'печалиться', *мунгаранчыг* 'печально', *кайгаар* 'удивляться', *кайгамчыг* 'удивительно', *ыянчыг* 'стыдно', *элдептиг, чиктиг* 'странно' и др.

Кино бар=ба=ан=ым хомудан=чыг-дыр.— То, что я не попал в кино, **досадно**; *Бистин суурувус силерге сонуурган=чыг бол=ган=ы менээ өөрүн=чүг болду.*— То, что вам понравилось наше село, мне было **приятно**; *Июньда мынчаар соок тур=ар=ы кайгамчыг.*— То, что в июне так холодно, **удивительно**; *Ындыг мелегей айтырыг салып=кан=ым дээш, менээ ыянчыг-дыр.*— Такой глупый вопрос я задал, то мне **стыдно**; *Ооң силерге таарыш=па=ан=ы, элдептиг-дыр.*— То, что она вам не понравилась, **странно**; *Ооң ам-даа чогу чиктиг.*— Его до сих пор нет, то **странно**; *Дунмаңнын чуртталгазының дугайын чугаалап тур=ар=ың шунту дыка мунгаранчыг-дыр.*— О жизни сестры все, что ты рассказываешь, (то) **очень печально**.

Для сравнения приведем примеры изъяснительных ППК с глагольным сказуемым в главной части. Зависимая ПЕ выполняет функцию косвенного дополнения и оформляется аффиксом дательного падежа.

Чайын оглунуң чанып кел=бэ=эн=ин=ге ада-иези хомудаан.— Летом сын не приехал домой — родители **огорчились** (тому); *Чамдык өөреникчилер сөөлгү үеде кичээл кылбастай бер=ген=ин=ге дүвүрөп тур мен.*— Меня **беспокоит**, что некоторые ученики в последнее время перестали готовить уроки; *Сээд чедип кел=ир=иң=ге бүзүрээр мен.*— Я **верю**, что ты вернешься; *Сен урок эртт=ир=ер=иң=ге таарзынар-дыр мен.*— Мне **нравится**, как ты проводишь уроки.

Особенность этих оценок, отличающая их рассмотренных выше, состоит в том, что они не раскладываются по шкале «хорошо — плохо». Таких предикатов довольно много, и они не синонимичны и не антонимичны друг другу, т. е. не являются отрицанием друг для друга. Им всем соответствует одна шкала, полюса которой задаются положительной и отрицательной формами самих конкретных прилагательных, например *каттырынчыг* = *каттырынчыг эвес* («смешно — не смешно»), а степень признака при необходимости передается словом *кончуг* 'очень'.

Бо кижиниң тывала=ар=ы каттырынчыг.— То, как этот человек говорит по-тувински, **смешно**; *Уругларның аарыг бичии уругну хорададып, ону дажап тур=ар=ы каттырынчыг эвес.*— То, что дети дразнили больную девочку, бросали в нее камни, **не смешно**; *Ховуга чангыс хон=ар=ы бичии уругга коргунчуг болур.*— В степи одной ночевать, (то) маленькой девочке **страшно**.

К этой группе примыкают и конструкции с эмоционально-оценочными предикатами, выраженными существительными, образованными от тех же корней, и прилагательные, или от других.

Аныяк улустуң арага иже-ер=и кончуг багай-дыр.— Когда молодые люди пьют араку, **очень плохо**; *Тыва кижиси кырган улусту хомудад-ыр=ы кончуг багай.*— Когда тувинец обидит стариков, **очень плохо**; *Арга-арыгның өрттенип тур-ар=ы — улуг халап.*— То, что леса горят — **большая беда**; *Аныяк оолдарның арагалап алгаш, өлүржүп тур-ар=ы — улуг халап.*— То, что молодые парни, напившись, убивают друг друга, — **большая беда**; *Өскүстү хомудад=ыр=ы багай.*— Сироту обижать — **плохо**; *Райондан эмчиниң чедип кел=ген=и, аас-кежиим болган, оон башка оглум чок болур турган.*— **Мое счастье**, что из района приехал врач, а то бы ребенок умер; *Кирип четтигим=кен=им аас-кежиим болган, оон башка өлүр ийик мен.*— **Мое счастье**, что я успела войти в дом, а то бы убило; *Уругнуң оол божа=ан=ы кырган ада-иеге улуг өөрүшкү болган.*— То, что дочка родила сына, стари-

кам-родителям было **большой радостью**; *Ооң Новосибирск университетин дооскаш аспирантураже кирип ал=ган=ы ада-иезинге улуг өөрүшкү болган.* — То, что она, окончив Новосибирский университет, поступила в аспирантуру, родителям ее было **большой радостью**.

7) Особую группу оценок составляют экспрессивные оценки событий. Они выносятся в зависимости от силы впечатления, которое испытал человек, выносящий оценку. Эти оценки довольно близки к эмоциональным, хотя и отличаются от них. Здесь не выражается качество впечатления, характер, но только сила испытанной эмоции: *аажок* 'очень', *халап чоор, аттыг чоор* 'ужасно'.

Ону улустун хүндүлэ=эр=и аажок (ОСО, 179). — Его люди **очень** уважали (букв.: Его люди уважали — (то) **очень**); *Хойлаар-оолдун амыра=ар=ы аажок, чолдак кудуруу черге дегбес маннап турар* (КК, I, 233). — Радость Хойлар-оола — **очень** (настолько), скачет так, что короткий хвост до земли не касается.

Заметим, что здесь *чолдак кудуруу черге дегбес* 'короткий хвост земли не касался' — фразеологический оборот, характеризующий внешнее проявление сильной радости человека (прыгал от радости). Ср.: *чолдак кудуруу чер эттеп халып турган* 'бить коротким хвостом по земле'.

В тувинско-русском фразеологическом словаре Я. Ш. Хертека находим: *Кудуруун мунар* 'струсить' (букв.: 'сесть верхом на свой хвост', ср. русск.: поджать хвост) [Хертек 1985, 114]. Наш пример в словаре не отмечен.

Ыттын мээң эдээмден сөөртүп тур=ган=ы халап чоор. — То, как (собака) тащила меня за подол, — **ужасно**; *Ооң кадайының хорарда=ан=ы аттыг чоор.* — То, как рассердилась его жена, — **ужасно сильно**; *Амырааным аттыг* — ужасно обрадовался. (букв.: То, как я обрадовался, — **ужасно (сильно)**).

Конечным предикатом в подобных предложениях могут быть также слова *кайда* 'где', *кандыг* 'каково', которые теряют свое значение и становятся маркером экспрессии. Характер такой экспрессии не уточняется, словами не выражается.

Кадыр-оолга танывазы кижиниң 3 (үш) дузак бер=ген=и кандыг-дыр? — То, что незнакомый человек Кадыру подарил 3 капкана, — каково? (букв.: 'как'); *Чайганыышка чайган=ган=ывыс кайыл ынчани?* — А то, что мы будем кататься (летать) на карусели, — ну где же (когда же это) наконец?

8) Отдельную группу составляют предикаты, выражающие количественные оценки. Предикаты *хөй* 'много' и *эвэши, шоолуг эвес* 'мало', формирующие такие предложения, выражают оценку достаточности или недостаточности наблюдаемого или предполагаемого действия с

точки зрения результативности. По системе ценностей, входящих в позитивную (нормативную) картину мира, большое количество признается желательным, а малое — нежелательным. Как отмечает Е. М. Вольф, «когда оценка вторгается в область цифр и величин, плохо указывает на малое количество, а хорошо — на большое» [Вольф 1985, 137].

Школаның сургуулдарны хүрээ-хиит ажылдакчылары-биле ужураштырып тур=ган=ы эвэши эвес. — То, что школа устраивала встречи учащихся с работниками дацана, — **немало** (букв.: 'мало не есть'); *Мишель Камдесюнуң бо хүннерде Россияда чедип кел=ген=и — улуг херек.* — То, что именно сейчас Мишель Камдесю приехал в Россию, — **большое дело** (=немало); *Часкы өрт соонда өмт-сигенниц өзүп кел=ген=и, куштарның көстүп кел=ген=и — эки херек.* — То, что в лесу после пожара весной снова начала расти трава и появились птицы, — **хорошее дело** (=немало); *Оларның мындаа хурал даргаларының аразында көстүп кел=ген=и ужурлуг херек бооп-тур* (КК, I, 216). — То, что они тогда появились среди организаторов (букв.: начальников) хурала, — **большое дело** ведь; *Эжиниң хенертен байый бер=ген=и кара кайгамчыг херек болган* (КК, I, 271). — То, что друг=его вдруг разбогател, было **удивительно** (букв.: черное удивительное дело=сильно удивился).

Количественная квалификация события может относиться к его повторяемости во времени («часто — редко»): *ховар, хаая* 'редко', *хаая эвес* 'нередко', *узун* 'долго'.

Ынчан суурнуң чагыларынга сырбык олур=ар=ы хаая эвес турган (Д., ЧЧ, 24). — Тогда то, что белки сидели на столбах поселка, **нередко бывало**; *Ынчан чонга эрге-чагырганың планнарын тайылбырлап тур=ган=ы хаая эвес турган.* — Тогда то, что народу объясняли планы правительства — **нередко было**; *Автобустарның расписание ёзугаар чоруп тур=ар=ы ховар.* — То, что автобусы ходят по расписанию, **редко**; *Сөөлгү үеде аныяктарның хүрээ барып тур=ар=ы көвүдээн.* — В последнее время молодежь стала больше ходить в церковь (букв.: То, что молодежь ходит в церковь, **ускорилося=увеличилось**); *Демир дестиге чедип ал=ыр=ы — узун орук* (КК, I, 196). — Добраться до железного корыта — **долгая дорога**.

Интенсивность протекания события передается конструкцией с главным сказуемым — словом со значением *кончуг, аажок* 'очень'.

Совет эмчини ол аңчы ашактын кайга=ар=ы-ли кончуг болган (УХ-49, 136). — Советского врача этот старик-охотник **сильно разглядывал** (букв.: то, что он разглядывал, **очень было**).

В этой же позиции используется и слово *чок* 'нет'.

Кайыын бээр чедип келген орус оолдун чүгө чоруп=кан=ы база ка-
жасан келир дэ-эн=и Саиданың сагыжынга чок турган.— Зачем отпра-
вился откуда-то пришедший русский парень и когда вернется, в мыслях
Саиды это отсутствовало; Силерни мынча ботка чангыс хому-
дат=кан=ым чок.— То, что Вас до сих пор хоть раз обижал я — нет.

К той же группе предложений относятся также конструкции с пре-
дикативным подлежащим, с помощью которых выражаются в тувин-
ском языке оценки временных интервалов между событием и моментом
речи: шаг, үр 'долго' — чаа 'недавно'.

Мээң маңаа кел=бэ=эн=им үр апарган.— Я не был здесь очень дав-
но (букв.: То, что я не был здесь — очень давно, келбээн=им — типич-
ная форма зависимого сказуемого, подчиненного конечному сказуемо-
му үр апарган); Салчактын Ак-Довуракче дезип=кен=и чоокта чаа бол-
ган.— То, что Салчак бежал в Ак-Довурак, (было) совсем недавно;
Эртен үнген хуннун чырык херелдери алаакты чырыдып тур=ган=ы
шагда эрткен.— С тех пор как светлые лучи взошедшего утреннего
солнца рассеялись по всей долине, прошло много времени (давно).

Итак, мы рассмотрели подлежащие ППК, выражающие оценку.
Субъект зависимой ПЕ выражается личным показателем сказуемого. Он
также выражается и лексически, имея форму родительного и неопреде-
ленного падежей. Зависимое сказуемое оценочных ППК получает обя-
зательное личное оформление аффиксами притяжательного типа спря-
жения.

Назначение этих конструкций в том, чтобы фиксировать результаты
мыслительных операций над событиями действительности. Семантика
предикатов, формирующих эти ППК, отражена в обобщающем значе-
нии таких слов, как суждение, мнение, утверждение, сообщение, факт и
пр., и в конкретном значении соотносительного с ними изъяснительного
придаточного. Они составляют основной пласт предикатов, обслужи-
вающих оценочные конструкции.

6. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Общая характеристика. Определительные ППК составляют осо-
бый структурно-функциональный тип, отличный от рассмотренных
управляемых ППК, а также отличный и от ППК детерминантной, об-
стоятельственной ЗПЕ. Внутри определительного типа выделяются свои
модели ППК, которые объединяются по разным признакам в опреде-
ленные группы.

Определительные полипредикативные конструкции выражают атри-
бутивные (определительные) отношения между двумя событиями. Атри-
бутивные отношения заключаются в том, что атрибут, т. е. опреде-
ляющий компонент, включает в себе вторую, дополнительную инфор-
мацию о предметном участнике ситуации, описываемой основной
частью предложения. Атрибутивный компонент может представлять
собою отдельное слово, словосочетание или предикативную единицу.

Особенность определительных отношений между частями ППК, от-
личающая эти отношения от обстоятельственных отношений, состоит в
том, что информация, заключенная в зависимой, определяющей части,
может быть логически никак не связана с информацией, выраженной
основной частью предложения. Например, мы видим ситуацию: «ребен-
нок плачет», видим также, что этот ребенок лежит в «красивой коляс-
ке». Эти две информации внутренне между собой не связаны. Они и не
обязательно одновременны: мы могли бы вспомнить, что вчера у мага-
зина видели красивую коляску с ребенком или еще что-то, но именно о
ребенке.

В языке действует постоянная установка на компрессию, на сжатие
информации. Этой цели прежде всего и служат определительные конст-
рукции. Они позволяют вместить две информации в одно предложение
за счет того, что одна из них теряет самостоятельность, подчиняется
другой. Например, мы можем сказать: «ребенок, который лежит в кра-
сивой коляске, плачет». Или еще короче: «Ребенок в красивой коляске
плачет» — говорящие чаще всего предпочитают краткие варианты.

Л. Теньер писал о двух видах определительных придаточных («су-
щественных» и «второстепенных»), в зависимости от того, являются ли
они необходимыми или нет для смысла главного предложения [Теньер
1988, 545]. Рассмотрим предложение: *Сессиязын эки демдекке дужаан
студентилер өстүрген стипендия ап турарлар* — Студенты, которые
сдают сессию на отлично, получают повышенную стипендию. Если
элиминировать ЗПЕ: *Сессиязын эки демдекке дужаан* — 'которые сда-
ют сессию на отлично', — получим главное предложение: *Студентилер
өстүрген стипендия ап турарлар* — Студенты получают повышенную
стипендию. В результате преобразования — другой смысл: все студен-
ты получают повышенную стипендию, и те, кто отлично сдает сессию, и
те, кто удовлетворительно.

Особенность атрибутивных отношений и состоит в том, что инфор-
мация, заключенная в атрибутивном компоненте, — это добавочная, до-
полнительная информация, которая относится не к ситуации, описанной
в ГПЕ в целом, а только к одному из предметных участников этой си-
туации.

Сказанное не означает, что между частями атрибутивного ППК внутренняя, логическая связь невозможна. Если такая связь между событиями усматривается, если в процессе понимания фразы мы улавливаем какие-то внутренние отношения, то они добавляются к собственно атрибутивным. Так, в рассмотренном выше предложении усматриваются отношения обусловленности. Это значит, что на выраженные атрибутивные отношения (те студенты, которые...) наслаиваются условные (если сдают, то...), специального выражения не получающие.

Всякое определение представляет собою «свернутое» сказуемое, которое оценено самим говорящим как менее актуальное в данный момент по сравнению с главным сказуемым предложения. Располагая двумя знаниями об одном предмете, говорящий в процессе речи автоматически ранжирует их, решая, какая информация сейчас важнее. Так, если важно подчеркнуть, что ребенок плачет и рядом никого нет — это главное, а второе — красивая коляска — второстепенное, уточняющее: плачет ребенок в красивой коляске.

Определительные ППК в разных языках конструируются по-разному. Для тувинского языка характерно использование схемы перестройки, т. е. зависимая, определяющая ПЕ возникает в результате определенного преобразования самостоятельного предложения. Однако это предложение «не состоялось»: перестройка произошла до его произнесения. Эта нереализованная структура называется «экс-предложением» [Черемисина 1998].

Важнейший момент перестройки состоит в том, что из экс-предложения устраняется имя существительное, называющее тот предмет или лицо, которое участвует в обеих ситуациях. Именно это слово в составе главной части становится определяемым именем. В зависимой же ПЕ позиция этого имени может замещаться относительным (релятивным) местоименным указателем (как, например, в русском — местоимениями 'который', 'чей', 'где' и др.). Она может оставаться пустой, как в тувинском языке.

Например, возьмем два предложения с общим участником 'книга' (важно, что это одна и та же книга):

(1) *Нү...ну библиотекадан ап алдың бе?* — Ты книгу в библиотеке взял?

(2) *Ном стол кырында чыдыр.* — Книга лежит на столе.

Выберем то предложение, которое для нас в данный момент важнее. Например, первое предложение. Тогда второе подвергается описанной перестройке: слово 'книга' изымается; в составе главного предложения оно становится определяемым словом, а в зависимой части в его позиции — в позиции подлежащего — остается пустое место, лакуна. Ника-

кое другое слово в нее войти не может. Зависимая ПЕ ставится непосредственно перед определяемым существительным 'книга'. Глагол 'лежит' замещается причастием 'лежащая'. Получается следующее предложение:

(3) *Столда чыдар номну библиотекадан ап алдың бе?* — Лежащую на столе книгу ты взял в библиотеке?

Если бы в качестве главного было выбрано второе предложение, тогда аналогичной перестройке подверглось бы первое: из него было бы изъято то же слово 'книга' (прямое дополнение); на месте этого слова остается лакуна. В составе главной части определяемое имя 'книга' является подлежащим, и зависимая ПЕ становится непосредственно перед ним.

(4) *Библиотекадан ап алган номун стол кырында чыдыр.* — Книга, которую ты взял в библиотеке, лежит на столе.

Термином «лакуна» называют пустоту, которая возникает в зависимой части в результате устранения из нее существительного, — имени общего участника обеих ситуаций. Лакуна — это значимая пустота. Она не может быть заполнена без полного нарушения норм языка. Из поверхностной структуры предложения устраняется слово, игравшее в нем определенную роль — подлежащего, дополнения, обстоятельства или определения. Но сам этот компонент предложения остается необходимым для понимания ситуации, он «незримо присутствует» в предложении. Устранение его из плана выражения предложения не устраняет его из плана содержания. Лакуной, таким образом, называют одностороннюю, ощущаемую нами пустоту в плане выражения, которая требует мысленного восполнения, т. е. не является пустотой в плане содержания [Структурные, 207–229].

Устранение одного из именных членов предложения делает определительную конструкцию синтаксически дефектной: она уже не может функционировать как самостоятельное предложение, но только как зависимая часть ППК. А в соответствии с этим перестраивается и предикативный узел зависимой ПЕ: ее сказуемое утрачивает свою финитно-глагольную форму и принимает причастную.

В зависимости от того, какую синтаксическую роль играло устраненное существительное, различаются основные структурно-семантические типы определительных ППК [Оюн 1985, 117].

Специальному исследованию определительных ППК тувинского языка посвящены работы М. В. Оюн, поэтому мы их подробно не анализируем [1983, 46–56; 1985, 117; 1986, 98–104]. Охарактеризуем только состав и семантику причастных форм, используемых в определительных ППК.

Типы предикатов в зависимой части определительных полипредикативных конструкций. В роли сказуемых зависимой части полипредикативных предложений с определительной зависимой частью обычно выступают причастия [Оюн 1988, 5]: прошедшего времени на =ган, а также, хотя и реже, его отрицательный аналог на =ба=ан, причастие настояще-будущего времени на =ар и его отрицательный аналог — форма на =бас. Причастие еще не совершившегося действия на =галак, «причастие возможности» на =гу дег. Существуют также сложные предложения, сказуемым зависимой (определяющей) части которых являются именные формы, но они составляют периферийную систему.

1) Причастие прошедшего времени на =ган в рассматриваемой позиции — самое регулярное в этой роли. Оно представляет определяющее действие как реальное, которое может как предшествовать главному событию, лежащему в прошлом, приобретая значение предпрошедшего, так и протекать параллельно с главным действием в прошлом, выражая отношения одновременности.

Отношения предшествования — действие зависимой части предстает как завершившееся к моменту главного действия:

Ивижи кыстың сал=ган чемин чаа-ла дайнап олурган (ЛЧ, 222).— Он набросился на еду, (которую) подала девушка-оленовод.

Отношения одновременности — действия главной и зависимой части протекают параллельно:

Эдээнйе малдар ытта=ан. Эртинелиг Бай-ла-Тайгам (нар. песня).— Богатая моя Бай-тайга. У подножия которой пасется скот (форма на =ган в значении широкого настоящего); ...чечек шыткан делгем таптыг хову-биле чоргаар челзип чоруп ор мен (ТД, 164).— Гордо скачу по степи, где растут цветы.

Каждое из этих отношений выражается своими наборами формальных средств, в частности, использованием разных аналитических форм причастия и финитного глагола — с семантикой завершенного действия (типа *Tv=n + бер=...*) или длящегося действия (типа *Tv=n тур=, =п чыт=*), форм прошедшего или настоящего времени конечного глагола, лексических указаний типа 'вчера' и др.

2) Причастие будущего времени на =ар (=бас) в рассматриваемой позиции встречается реже, чем форма на =ган. Часто с модальными оттенками возможности/невозможности, долженствования.

Бил=ур=им черлер көстүп келгилээн (СТ, 110).— Показались места, которые я знаю; *Кижилер кылып тур=ар чүвени кижги чоп кылып шыдаваас деп*.— Почему человек не может (т. е. я не могу) делать то (вещь), что делают люди; ...*кыдыг-кызыгаары көзүл=бес хоорай чатты берген* (СТ, 191).— Раскинулся город, (у которого) не видно ни конца, ни края.

3) Причастие еще не совершившегося действия на =галак в определительных ЗПЕ выражает присущее именно ему значение, но встречается очень редко.

Тараазын кезип доос=калак шөлдер орукту дургаар шөйлүп чоруткан.— Вдоль дороги протянулись поля, хлеба которых вот-вот должны скосить; *Ажсылын доос=калак улус мацаа демдегледип алынар*.— Те, кто вот-вот закончит свою работу, отмечайтесь здесь.

4) Причастие на =гу дег имеет не столько временное, сколько модальное или модально-сравнительное значение.

Ол ол-бо кыдыынче көрүнгөн: хол чедип=ки дег черде аасче кааттар, өс эдип=ки дег шаңгыр-даа кат чок (АД, 63).— Осмотрелся по сторонам: на расстоянии, куда бы можно было достать рукой, нет даже зеленой незрелой ягоды, чтобы можно поесть; *Ол-ла кажсага аажок бай болгаш онзагай дериглерлиг, хаанның бодунуу бол=гу дег, б аът база тывылган* (УТЯ, 145).— В той же перегородке нашли с очень богатой и особенной сбруей шесть лошадей, которые, казалось бы, принадлежали самому хану.

5) Кроме причастий, как было сказано выше, предикатами зависимой части определительных конструкций могут быть некоторые именные формы. Это, во-первых, имена наличия и отсутствия — *бар* и *чок*, *кижи* 'человек' и функционально близкие к ним имена с семантикой количественной характеристики — *хөй* 'много', *эвээш* 'мало' и их синонимы.

— *Эр хей! Сен-даа бижикке дораан өөренир кижги-дир сен* (КК, I, 115).— Эй, парень, даже тебе письму сразу обучиться под силу (букв.: обучиться человек=ведь ты); *Чүгле кырган иези бар хостуг бажыңныг база чадаваас* (КК, Ырл., 115).— Наверно, имеет свободную квартиру, где есть только старая мать.

Во-вторых, в роли предикатов ЗПЕ выступают иногда имена в формах обладания, оформленные аффиксом =лыг (или его фонетическими вариантами).

Даштында хөй ыяштар=лыг бажыңда бичии уруглар сады кылып каан.— В доме, во дворе которого много деревьев, открыли детский сад.

Разнообразие модально-временных отношений, передаваемых основными причастиями, еще возрастает за счет того, что в роли определения могут выступать и сложные глагольные формы, сохраняющие присущие им аспектуально-темпоральные смыслы, вносимые различными вспомогательными глаголами, например глаголы статического состояния:

...*Бяшты дилип, доора=n тур=ар тилорамалыг-дыр бис* (СТ, 181).— Имеем пилораму, которая пилит дерево вдоль и поперек; *Курган-Дагның эдээнде ырак эвес черде акым Бежендейниц хөлечикте=n*

тур=ар=ы кожайынын өө бар чүве болгай (СТ, 18).— На месте недалеко от подножия Курган-Дага есть юрта богача, у которого батрачит мой брат Бежендей.

Исследование показало, что в сфере определительных конструкций действуют в принципе те же закономерности, которым подчиняются полипредикативные конструкции обстоятельственные и управляемые, хотя, конечно, каждый функциональный тип характеризуется и специфическими, свойственными только ему закономерностями.

Ведущим признаком, характеризующим структуру определительных конструкций, оказывается роль определяемого имени по отношению к ситуации, названной ЗПЕ. Самый распространенный способ выражения этой роли — лакуна на месте той синтаксической позиции, которую ОИ заполняло бы в простом предложении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные структурные типы полипредикативных конструкций тувинского языка с синтетическими и аналитико-синтетическими показателями связи, в которых используются специфические средства зависимой предикации.

Объектом анализа было сложное (полипредикативное) предложение тувинского языка, состоящее только из двух предикативных частей. Одна из частей — вторая — сохраняет структурное подобие простому предложению. Но первая часть СП организуется качественно иначе, в соответствии с другими принципами. Действуют два механизма предикации: один из них реализуется в составе простого предложения и главной части СП, другой — в составе препозитивной части сложного предложения. Предикативная единица, устроенная по этому принципу, всегда является зависимой и самой формой выражает и факт своей «несвободы», и характер зависимости, связывающей ее с другой предикативной частью.

Важнейшие структурные особенности предикативных частей, построенных по принципу зависимой предикации, заключаются в том, что в роли сказуемого здесь используются инфинитные формы глагола. Предикативные отношения между подлежащим и сказуемым зависимой части выражаются с помощью личных показателей сказуемого, координированных в лице с подлежащим. В этой роли выступают две системы показателей, те — которые используются при спряжении финитных глаголов, и те, которые используются для выражения посессивных отношений.

Важно то, как организованы части в системе СП, поскольку от этого может зависеть характер синтаксической связи. Функциональная семантика СП, т. е. обобщенный характер формируемого ею представления об отношениях, связывающих два события, прогнозирует, предопределяет способ синтаксической связи частей и конкретные средства ее выражения. Показатель синтаксической связи частей полипредикативной конструкции является важнейшим компонентом всякого полипредикативного предложения. Это важнейший классифицирующий и типологический признак СП.

Исследование показало, что ЗПЕ представляет собой важнейшую часть ППК, ее устройство предопределяет строение ППК в целом. Это позволило использовать символическую запись ЗПЕ и даже только ее сказуемого для наглядного представления моделей СП в целом.

Предикативные узлы зависимой части ППК имеют специфическую внутреннюю организацию; ее особенности заключаются в следующем.

1. Синтаксические отношения подчинения ЗПЕ выражаются аффиксами падежей (склонение). Инфинитивные формы в составе зависимого предиката, за исключением деепричастий, имеют обязательное личное оформление. Зависимое сказуемое регулярно оформляется аффиксами грамматического лица, т.е. спрягается. Установлено, что подлинным объектом спряжения является не причастное или именное сказуемое зависимой части, а та предикативная единица, наиболее значимым в конструктивном и семантическом плане элементом которой выступает сказуемое, принимающее на себя аффикс лица.

Спряжение ЗПЕ характеризуется следующими признаками: во-первых, спряжение лично-финитного типа противостоит спряжению притяжательного типа; во-вторых, разные зависимые сказуемые, иногда даже формально однотипные, имеют различные модели спряжения.

Для спряжения ЗПЕ лично-финитного типа спряжения релевантно следующее: 1) подлежащее имеет форму неопределенного падежа; 2) сказуемое ЗПЕ получает оформление аффиксами, хотя материально и тождественными possessивным, но формирующими не притяжательное, а личное оформление — с нулевым показателем в 3-м лице.

Спряжение ЗПЕ притяжательного типа имеет другие формальные особенности: 1) подлежащее в темпоральных ППК в большинстве случаев принимает форму неопределенного падежа, хотя возможен и родительный падеж. В присловных ППК падеж подлежащего — родительный. Возможность использования родительного падежа характеризует подсистему управляемых конструкций в противопоставлении обстоятельственным; 2) сказуемое последовательно оформляется притяжательными аффиксами не только в 1-м и 2-м лице, но и в 3-м лице.

Эта яркая специфическая особенность тувинского языка, отличающая его от многих других тюркских языков (в частности, от хакасского и алтайского).

2. Сказуемое зависимой части может быть выражено как простыми инфинитивными формами, так и аналитическими конструкциями: сочетанием причастия в форме одного из косвенных падежей с послелогом или в форме прямого или родительного падежа со служебными именами.

3. Специфика конструкций со сказуемым ЗПЕ, выраженным сочетанием причастия со служебным именем, состоит в том, что ЗПЕ здесь строится по принципу изафетной конструкции. Но отношения, которые устанавливаются между составляющими этой конструкции, носят предикативный характер. Эти конструкции (аналитические формы зависимых сказуемых) регулярно сочетаются с подлежащим в прямом падеже

и оформляются показателями грамматического лица, т.е. спрягаются. Мы различаем модели спряжения лично-финитного и притяжательного типов причастно-послеложных ППК.

4. Важной задачей нашего исследования мы считали выделение и описание основных моделей, входящих в каждый структурный тип. Итогом явились инвентарные списки моделей ППК. Общая совокупность моделей тувинского языка представляет собой систему, т.е. все модели связаны между собой разного рода отношениями.

5. Основными функциональными типами ППК тувинского языка являются класс присловных ППК (изъяснительные и определительные) и класс ППК, в которых придаточное относится ко всему главному предложению (обстоятельственные). Наиболее нагруженным оказался тип обстоятельственных конструкций, который включает более десяти подсистем, объединенных общностью устанавливаемого между событиями отношения. Это прежде всего временные конструкции — самая крупная подсистема. Причина, условие, уступка, цель, сравнительно-сопоставительные ППК объединяются в понятие предложений обусловленности.

6. Семантические типы СП, выделенные в соответствии с общим характером выражаемых отношений, обнаруживают отчетливую координацию с функцией компонентов простого предложения и одновременно — с определенными структурными типами. Аналогию с простыми членами предложения (прямым и косвенным дополнением, подлежащим) обнаруживают модели с управляемой зависимой частью, сказуемое которой выражено падежной формой причастия. Аналогию с различными обстоятельствами обнаруживают СП с неуправляемой зависимой частью, сказуемое которых выражается неуправляемыми падежными или причастно-послеложными, деепричастными формами.

7. Кроме связей, имеющих прямые аналоги среди связей слов в простом предложении (управление, примыкание, изафет), между частями сложного предложения могут устанавливаться специфические синтаксические связи. Это прежде всего союзная связь.

В отличие от языков европейского типа, где союз является выражителем и сочинительной, и подчинительной связи, в тувинском языке подчинение всегда выражается морфологическими средствами, а использование союзов представляет собою другой способ связи, выражает другой тип смысловой информации целого. Союзов в тувинском немного, и большинство из них однозначно соответствуют сочинительным отношениям. Однако развитие литературного языка, художественной литературы предопределяют появление и развитие новых аналитических связующих элементов. Вопрос только заключается в том, в какой

мере они соответствуют или не соответствуют традиционному представлению о союзах.

Исследование показало, что в тувинском языке активно используются аналитические скрепы. Они представлены, с одной стороны, грамматализованной формой глагола говорения *de=* (*den*), с другой — прономинальными скрепами внутрифразового и межфразового типа.

8. Прономинальные скрепы формируют ППК, выражающие другой тип отношений, отличный от отношений, рассмотренных в данной работе. Это сочинительные отношения: соединительные, противительные, разделительные, отношения несоответствия, выражаемые также и собственно сочинительными союзами.

Исследование этого типа СП тувинского языка — задача дальнейшего исследования.

МОДЕЛИ ППК ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

I. Обстоятельственные ППК:

1. Темпоральные:

A. Причастно-падежные ППК

1) обобщенная формула причастно-падежных ППК:

($N_1 \leftrightarrow Tv=prч//пад$) (ГПЕ).

Модели сказуемого ЗПЕ:

(... $T_V=ap//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=n V^{спом}=ap//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=ap//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=n V^{спом}=ap//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=bas//ka$) 'когда не'

(... $T_V=gan//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=n V^{спом}=gan тур//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=n V^{спом}=gan//\delta a$) 'когда'

(... $T_V=ba=an//\delta a$) 'пока не'

(... $T_V=galak//ta$) 'когда еще не'

(... $T_V=galak чор//\delta a$) 'когда еще не'

(... $T_V=ap//\emptyset$ -биле) 'как только'

2) ППК с формами на =са и =гыже:

($N_1 \leftrightarrow Tv=ca//\delta a$) (ГПЕ)

(... $T_V=ca//\delta a$) 'когда'

($N_1 \leftrightarrow Tv=гыже$) (ГПЕ)

(... $T_V=гыже$) 'пока'

(... $T_V=ba=аже$) 'пока не'

(... $T_V=гыже//ge$) 'до тех пор пока'

(... $T_V=гыже//ge чедир$) 'до тех пор пока'

3) ППК с частицей -ла:

(... $T_V=ap//\delta a-ла$) 'как только'

(... $T_V=ap//\delta a-ла$) 'как только'

(... $T_V=galak//ta-ла$) 'когда еще не'

(... $T_V=ca//\delta a-ла$) 'как только'

Б. Причастно-последложные ППК

1) последложные конструкции без падежного оформления —

обобщенная формула: ($N_1 \leftrightarrow Tv=prч//\emptyset$ последлог) (ГПЕ)

Модели сказуемого ЗПЕ:

- (... $T_V=ap//=\emptyset$ орта) 'как только'
 (... $T_V=ap//!=\emptyset$ билек) 'как только'
 (... $T_V=ган//=\emptyset$ соон дарый) 'как только ... сразу'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ дораан) 'как только ... сразу'
 (... $T_V=ган//!=\emptyset$ тудум) 'по мере того как'
 (... $T_V=ган//!=\emptyset$ ояар) 'с тех пор как'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ олчаан) 'с тех пор как'
 (... $T_V=ба=ан=\emptyset$ шаа//= \emptyset да) 'пока не'
 (... $T_V=ар=\emptyset$ шаа//= \emptyset да) 'когда, пока'

2) послеложные конструкции с причастием в форме исходного падежа — обобщенная формула: ($N_{1(2)} \leftrightarrow T_V=прч//!=пад$ послелог) (ГПЕ)

- (... $T_V=ган/(!)/=дан$ бээр) 'с тех пор как'
 (... $T_V=ар/(!)/=дан$ бээр) 'до того как'
 (... $T_V=ган//!=дан$ соңгаар) 'после того как'

Примечание: $/(!)/$ - круглые скобки — факультативная позиция притяжательного аффикса $=ы/=и$.

3) послеложные конструкции с причастием в форме дательного падежа — обобщенная формула: ($N_{1(2)} \leftrightarrow T_V=прч//!=пад$ послелог) (ГПЕ)

- (... $T_V=ар/(!)/=га$ чедир) 'до тех пор пока'

Примечание: $/(!)/$ - круглые скобки - факультативная позиция притяжательного аффикса $=ы/=и$.

4) послеложные конструкции с причастием в форме родительного падежа — обобщенная формула: ($N_{1(2)} \leftrightarrow T_V=прч//!=пад$ послелог) (ГПЕ)

Модели сказуемого ЗПЕ:

Примечание: (=нын) - круглые скобки - факультативное оформление причастия аффиксом родительного падежа

- (... $T_V=ган//!=(нын)$ соонда) 'после того как'
 (... $T_V=ган//!=(нын)$ сөөлүндө) 'после того как'
 (... $T_V=ган//!=(нын)$ мурнуу чарында) 'прежде чем'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ мурнунда) 'прежде чем'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ бетинде) 'прежде чем'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ бертинде) 'прежде чем'
 (... $T_V=ар$ үе//= \emptyset ге чедир) 'к тому времени как'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ өйүндө) 'в течение того времени как'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ үеде) 'в то время когда'
 (... $T_V=ган//!=(нын)$ аразында) 'в то время когда'
 (... $T_V=ган$ үе//=(нин) дургузунда) 'в течение того времени'
 (... $T_V=ар$ =(нын) сан//= \emptyset да-ла) 'всякий раз когда'
 (... $T_V=ган$ =(нын) сан//= \emptyset да-ла) 'всякий раз когда'

В. Деепричастные ППК:

- (... $T_V=кала$) (ГПЕ) 'с тех пор как'
 (... $T_V=гаи$) (ГПЕ) 'после; когда'
 (... $T_V=н$) (ГПЕ) 'в то время когда'
 (... $T_V=а$) (ГПЕ) 'в то время когда'
 (... $T_V=пайн$) (ГПЕ) 'в то время когда не'
 (... $T_V=пышаан$) (ГПЕ) 'одновременно с тем как'

2. ППК обусловленности

А. Причинные ППК.

1) причастно-падежные ППК — обобщенная формула:

($N_{1-2} \leftrightarrow T_V=прч//!=пад$) (ГПЕ)

Модели сказуемого ЗПЕ:

- (... $T_V=ган//!=дан$) 'оттого что'
 (... $T_V=ган//!=да$) 'раз'
 (... $T_V=ар//!=дан$) 'оттого что'
 (... $T_V=бас//!=дан$) 'оттого что не'
 (... $T_V=ган//!=биле$) 'в связи с тем, что; оттого что; благодаря'

2) причастно-послеложные ППК — обобщенная формула:

($N_{1-2} \leftrightarrow T_V=прч//!=(пад)$ послелог) (ГПЕ)

- (... $T_V=ган//!=(нын)$ ужсурунда) 'из-за того что'
 (... $T_V=ган//!=(нын)$ ужсун) 'благодаря; из-за того что'
 (... $T_V=ар//!=(нын)$ ужсун) 'из-за того что'
 (... $T_V=ган//!=нын$ хараазында) 'по причине того что'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ төлээде) 'потому что'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ төлээде) 'раз'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ болгаи) 'так как; благодаря'
 (...чок/бар боорга) 'из-за того что'; 'так как'
 (... $T_V=ган=\emptyset$ боорга) 'так как; потому что'
 (... $T_V=ган//!=\emptyset$ дээш) 'за то что'

3) деепричастные ППК:

- (... $T_V=гаи$) (ГПЕ) 'поскольку'
 (... $T_V=н$) (ГПЕ) 'поскольку'
 (... $T_V=пайн$) (ГПЕ) 'так как не'

4) ППК с прономинальными скрепами:

- (ЗПЕ)...Оон ужсурундан (ГПЕ) 'из-за'
 (ЗПЕ)...чүге дизе (ГПЕ) 'потому что'
 (ЗПЕ)...чүге дээрге (ГПЕ) 'поскольку'

Б. Следственные ППК:

1) ППК с прономинальными скрепами:

(ЗПЕ)...*ынчагаш* (ГПЕ) 'поэтому'

(ЗПЕ)...*ындыг болганда* (ГПЕ) 'поэтому'

(ЗПЕ)...*ындыг төлээде* (ГПЕ) 'раз так, следовательно'

(ЗПЕ)...*оон башка* (ГПЕ) 'иначе, а то'

В. ППК цели:

1) ($N_{1,2} \leftrightarrow T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ послелог) (ГПЕ)

(... $T_V = \text{ар} // \neq \emptyset$ *дээш*) 'чтобы'

(... $T_V = \text{ар} // \neq \emptyset$ *төлээде*) 'чтобы'

(... $T_V = \text{ар} // (= \text{ныц})$ *ужун*) 'чтобы'

(... $T_V = \text{зын деп}$) 'чтобы'

(... $T_V = \text{зын дээш}$) 'чтобы'

2) ($N_{1,2} \leftrightarrow T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ пад) (ГПЕ)

(... $T_V = \text{ар} // -\text{биле}$) 'чтобы'

Г. ППК условия:

(... $T_V = \text{са} // = \text{за}$) 'если'

(*Бир эвес*... $T_V = \text{са} // = \text{за}$) 'если'

(*Бир тээ*... $T_V = \text{са} // = \text{за}$) 'если'

(... $T_V = \text{ган} = \emptyset$ *бол // = за*) (Mod. ^{исзнавиях}) 'если... возможно/наверное'

(... $T_V = \text{ган} = \emptyset$ *бол // = за*) (= *ар/ган ийш*) 'если бы'

(ПЕ_{фин}) *эвес болза* (ПЕ_{фин}) 'если'

...*ындыг болза* 'раз так'

Д. Уступительные ППК:

1) ППК с формой на =са-:

(... $T_V = \text{са-даа}$) (ГПЕ) 'хотя'

2) причастные ППК:

(... $T_V = \text{ар} // = \text{га-даа}$) 'хотя'

(... $T_V = \text{ар} // = \text{да-даа}$) 'хотя'

(... $T_V = \text{прч} = \emptyset$ *бол = за-даа*) 'хотя'

(... $T_V = \text{п тур} = \text{да-ла}$) 'хотя'

(... $T_V = \text{прч} = \emptyset$ *хире // = де*) 'хотя'

(... $T_V = \text{ган} = \emptyset$ *эртип*) 'хотя'

(... $T_V = \text{бас} = \emptyset$ *эртип*) 'хотя не'

3) ППК с именными формами:

(... N -*даа бол = за*) 'хотя'

(... N *эртип*) 'хотя'

4) деепричастные ППК:

(... $T_V = \text{гаш-даа}$) 'хотя'

5) ППК с проминальными скрепами:

(ЗПЕ) *ындыг болза-даа* 'хотя и так, но; однако'

(ЗПЕ) *ынчалза-даа* 'хотя'

(ЗПЕ) *ынчанмыже* (ГПЕ) 'хотя'

(ЗПЕ) *ынчалзажок* (ГПЕ) 'хотя'

(ЗПЕ) *турбуже* (ГПЕ) 'несмотря на'

(ЗПЕ) *турзажок* 'несмотря на'

(ЗПЕ) *ол хирезинде* 'несмотря на'

3. ППК исключения/включения:

А. ($N_1 \leftrightarrow T_V = \text{прч} // = \text{пад}$ послелог) (ГПЕ)

а) включение

(... $T_V = \text{прч} // = \text{дан}$ *ангыда*) 'кроме того, еще и'

(... $T_V = \text{прч} // = \text{дан}$ *кадына*) 'кроме того, еще и'

(... *оон ангыда*) 'кроме того, еще и'

б) исключение

(... $T_V = \text{прч} // = \text{дан}$ *еске*) 'кроме'

(... $T_V = \text{прч} // = \text{дан}$ *башка*) 'кроме'

4. Заместительные ППК:

($N_1 \leftrightarrow T_V = \text{прч} // = \text{пад}$ послелог) (ГПЕ)

(... $T_V = \text{ар} // = \text{ныц}$ *орнунга*) ... $L^{\text{оп}}$ 'чем... лучше'

(... $T_V = \text{ар} // = \text{ныц}$ *орнунга*) 'вместо того, чтобы'

5. Сравнительные ППК:

($N_1 \leftrightarrow T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ послелог) (ГПЕ)

(... $T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ *ышкаш*) 'словно'

(... $T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ *дег*) 'словно, будто'

(... $T_V = \text{ган} // \neq \emptyset$ *чүве дег*) 'словно'

(... $T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ *кылдыр*) 'так, словно'

(... $T_V = \text{прч} // = \text{зыг}$) 'наподобие того как'

6. Сопоставительные ППК:

(... $T_V = \text{прч} // \neq \emptyset$ *тудум*) 'чем... тем'

(... $T_V = \text{ган} // \neq \emptyset$ *дан*... $L^{\text{српг}}$) 'чем... лучше'

(... $T_V = \text{ган} // \neq \emptyset$ *эзугаар*) 'в соответствии; так, как'

7. «Заместительно-возместительные»

(... $T_V = \text{прч}$ *хамаан чок/хамаанчок*) 'где уж там..., когда; не то чтобы...'

II. Присловные ППК

1. Изъяснительные ППК — обобщенная формула:

$N_2 \leftrightarrow T_V = \text{прч} // = \text{пад}$ ($N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}}$)

А. Модели сказуемого причастно-падежных ЗПЕ:

(... $T_V = \text{прч} // = \text{ны}$) $V^{\text{оп}}$ 'оперирование информацией'

(... $T_V = \text{прч} // = \text{га}$) ... $V^{\text{эм}}$ 'эмоциональная реакция'

(... $T_V=прч!/!=\emptyset$) ... $V^{укл}$ 'реакция уклонения, отрицательная эмоциональная реакция'

(... $T_V=прч!/!=\emptyset$) (... $V^{кауз.эм}$) 'каузация эмоций'

(... $T_V=прч!/!=\emptyset$) (... $L^{оц/эм}$) 'оценка, эмоциональное состояние'

Б. Модели сказуемого ЗПЕ со скрепой деп:

Формула разносубъектных ППК:

($N_1 \leftrightarrow V_{инфн} /!=\emptyset$) деп \leftrightarrow (... $V^{оц}$);

($N_4 \leftrightarrow V_{инфн} /!=\emptyset; !=!$) деп \leftrightarrow (... $V^{оц}$)

($N_1 \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset; !=!$) деп \leftrightarrow (... $V^{эм}$)

($N_4 \leftrightarrow V_{инфн} /!=\emptyset$) деп \leftrightarrow (... $V^{эм}$)

Формула моносубъектных ППК:

($N_1 \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset$) деп \leftrightarrow (... $V^{оц}$)

2. Определительные ППК:

[($N_1 \leftrightarrow T_V=прч=\emptyset$) (N_i)] 'определение субъектное'

($N_2 \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset$) N// ... 'определение по действию, производимому над определяемым'

вар-ты: ($N_2 \leftrightarrow T_V=прч /!=\emptyset$) N_i ; ($N_2 \leftrightarrow T_V=прч.$) N//;

($N_2 \leftrightarrow T_V=прч./!$) N//

$N_1 \leftrightarrow T_V=прч=\emptyset$ деп (ГПЕ)

$N_{2-1} \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset$ дээн (ГПЕ)

$N_1 \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset$ дээр (ГПЕ)

($N_{1-2} \leftrightarrow T_V=прч!/!=\emptyset$) дугайында) $N^{оц}$

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. АД А. Даржай. Чуртаарын күзезинзе. Кызыл, 1993.
2. Ак-көк Ак-Көк хемнер. Чогаалдар чыындызы, 2. Кызыл, 1993.
3. Ак С. Сүрүн-оол. Ак анай биле Абай-оол. Кызыл, 1978.
4. Ам Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис. Кызыл, 1966 (1980; 1983).
5. Анк., 97 Анкетные данные
6. Аракчаа К. Аракчаа. Кара-Ашактың кускуну. Кызыл, 1990.
7. Аялга К. Черлик-оол. Аялга. Кызыл, 1990.
8. Белек С. Сарыг-оол. Белек. Кызыл, 1976.
9. БХ Байкара Хөвөңмей. Кым улугул? Кызыл, 1995.
10. ВМ «Б.б.х.» В. Монгуш. Боданганы ботка херек. Кызыл, 1990.
11. ГТЯ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
12. Дам. Дамырак 2. Кызыл, 1982.
13. ДМ «Р.ч.а.» Д. Медведев. Ровно чоогунун аргаларына. Кызыл.
14. Дунзаа Кызыл-Эник Кудажы. Дунзаа. Кызыл, 1988.
15. ДС Дандар-оол Сарыкай. Бүстүнмаан үүже. Кызыл, 1978.
16. Д. ЧЧ Донгак Э. Л. Чолдак-аңчының чугаалары. Кызыл 1982.
17. ЕТ Е. Танова. Акым дугайында тоожу. Кызыл, 1976.
18. Иль. Е. Ильина. Дөрткү бедик. Кызыл, 1988.
19. К К. -Э. Кудажы. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1975. Т.2
20. Каң.-Мерген Каңгывай - Мерген. Чурукчу Макар Монгуш каасмаан. Кызыл, 1979.
21. КК, I К. -Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1989, т.1.
22. КК, ТК Кызыл-Эник Кудажы. Танды кежи. Кызыл, 1984.

23. КК, Ырак К. -Э. Кудажы. Ырак булут. Кызыл, 1971.
24. КК, Ырж. Кызыл-Эник Кудажы. Ыржым-Булун. Кызыл, 1967.
25. КК, Ырл. К. -Э. Кудажы. Ырлыг булак. Кызыл, 1994, т. 2.
26. К-Л Монгуш Кенин-Лопсан. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1975.
27. К-Л, 1-2 М. Кенин-Лопсан - Чогаалдар чыындызы. 1-2 т. Кызыл, 1993.
28. К-Л, ТЧБУ Монгуш Кенин-Лопсан. Тыва чоннун бурунгу ужурулары. Кызыл, 1994.
29. К-Л, ХЧ Монгуш Кенин-Лопсан. Херээженниң чоргааралы. Кызыл, 1975.
30. К-Л, ЧС М. Кенин-Лопсан. Чүгүрүк Сарала. Кызыл, 1975.
31. ЛЧ Л. Чадамба. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1982.
32. МК, «Т.ч.ы.» Монгуш Көжелдей. Төрээн черден ыракка. Кызыл.
33. НФ Катанов Н. Ф. Опыт исследования...
34. Орук Дандар-оол Сарыкай. Орук. Кызыл, 1994.
35. ОСО Олег Саган-оол. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1975.
36. РТС Монгуш Д. А. Русско-тувинский словарь. М., 1980.
37. Сам. Самбукайнын чугаазы. Кызыл, 1987.
38. Суван Шаңгыр-оол Суван. Хүн-Херелден аалчылар. Кызыл.
39. СТ С. Тока. Араттын сөзү. Кызыл, 1967.
40. СТ, I С. Тока. Чогаалдар чыындызы. Т. I. Кызыл, 1976.
41. СС, А С. Сарыг-оол, Аңгыр-оолдун тоожузу, Кызыл, 1978.
42. СС, ТК Салим Сүрүн-оол. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.
43. Сүр., ЧЧ Степан Сүрүн -оол. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1974.
44. Там. С. Тамба. Уелерниң үскүлежи. Кызыл, 1984.
45. ТД Тыва дыл. Кызыл, 1968.
46. Тыва дыл М. Д. Биче-оол, Д. А. Монгуш. Тыва дыл. Кызыл, 1989.
47. ТРС Тувинско-русский словарь. М., 1968.
48. УТЯ Е. Б. Салзынмаа. Учебник тувинского языка. Кызыл, 1980.

49. УХ-49 Альманах «Улуг-Хем». Кызыл, 1982, № 49.
50. УХ-61 Альманах «Улуг-Хем». Кызыл, 1985. № 61
51. ХО Хөвенмей Ойдан-оол. Чайык соонда. Кызыл, 1978.
52. ЧХ Часкы хөөннер. Кызыл, 1994.
53. ЧЧ Чоннун чечени. Кызыл, 1976.
54. ШК, АЧ Ш. Куулар. Амыдыралдың киргилчиннери. Кызыл, 1994.
55. ШК, Б Ш. Куулар. Баглааш. Кызыл, 1988.
56. ШЧС Сат Шулуу Чыргал-оолович. Придаточные предикативные единицы тувинского языка // Структурные и функциональные типы СП. Новосибирск, 1982.
57. ЭД, ЭХ Э. Донгак. Эрги хонаштар. Кызыл, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев С. Н.** Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982. С. 90–109.
- Абдуллаев С. Н.** Сложные предложения аналитико-синтетического типа со значением времени в тюркских языках // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 108–122.
- Аврорин В. А.** Особый способ синтаксической связи // Вопросы грамматики (Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова). М.-Л., 1960. С. 41–43.
- Аврорин В. Л.** Грамматика нанайского языка. Т. II. М.-Л., 1961.
- Аврорин В. А.** Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981.
- Адмони В. Г.** Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
- Адмони В. Г.** Сложносвязное предложение в тюркских языках // Советская тюркология. Баку, 1982, № 3. С. 30–36.
- Алиев У. Б.** Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
- Алисова Т. Б.** Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Алпатов В. М.** Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979.
- Алпатов В. М.** Замечания о японской падежной системе // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 66–79.
- Апресян Ю. Д.** Опыт экспериментального исследования семантики русского глагола. М., 1967.
- Арнольд И. В.** Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.
- Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. М., 1998.
- Аскарлова М. А.** Сложные предложения с придаточным дополнительным в узбекском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 160–165.
- Аскарлова М. А.** Способы подчинения и типы придаточных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1963.

- Аскарлова М. А.** К критериям придаточных предложений в современном узбекском языке // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 148–155.
- Ахманова О. А.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабалова Л. Л.** Семантическая разновидность причинных и условных предложений в современном русском языке. АКД. М., 1974.
- Бабушкин Г. Ф.** О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. 7. С. 93.
- Бабушкин Г. Ф.** О структуре придаточных предложений в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ, Кызыл, 1960. Вып. 8. С. 127–138.
- Балакаев М. Б.** Основные вопросы синтаксиса простого предложения в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1950.
- Балакаев М. Б.** Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М., 1950.
- Балтабаева Ж. К.** Семантико-стилистические функции неоформленного родительного и винительного падежей в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1984.
- Баскаков Н. А.** Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис. М., 1961. С. 111–121.
- Батманов И. А.** Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
- Белимов Э. И.** Кетский синтаксис. Новосибирск, 1991.
- Беличева-Кржижкова Х.** Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985. С. 407–433.
- Белашанкова В. А.** Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белашанкова В. А.** Синтаксис // Современный русский язык. М., 1981. С. 363–552.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А.** Система переключения референции в тувинском языке // Советская тюркология. 1987. № 2. С. 16–32.
- Биренбаум Я. Г.** Сложноподчиненное предложение в современном английском языке. АКД. Магнитогорск, 1980.
- Благова Г. Ф.** Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 51–76.

Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982.

Бондаренко И. В. О типах полипредикативных конструкций с инфинитивом в функции предиката зависимой части // Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980. С. 134–142.

Бондаренко И. В. Союзные инфинитные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке. АКД. Томск, 1982.

Боргоякова Т. Н. Полипредикативные конструкции с причастно-послеложной зависимой частью (на материале хакасского языка) // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982. С. 80–95.

Боргоякова Т. Н. Падежные формы предикативных причастий как средство выражения связи частей в темпоральных полипредикативных конструкциях // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 63–77.

Бродская Л. М. Синтаксические функции причастий в эвенкийском языке. АКД. Новосибирск, 1967.

Бродская Л. М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке // Вопросы языка и фольклора народов Севера. Якутск, 1972. С. 19–33.

Бродская Л. М. Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчиненного предложения эвенкийского языка // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 36–54.

Бродская Л. М. Придаточное как член парадигмы предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 181–184.

Бродская Л. М. Значение склоняемых предикативных единиц в эвенкийском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках Сибири. Новосибирск, 1981. С. 39–65.

Бродская Л. М. Притяжательное оформление определяемого слова как средство связи в определительных сложноподчиненных предложениях эвенкийского языка // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 21–37.

Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988.

Вахтин Н. Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995.

Везбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Володин А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974. С. 261–291.

Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I–II. Махачкала, 1963.

Гаджиева Н. З. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 112–118.

Гаджиева Н. З. Типы придаточных в современном азербайджанском языке. АКД. М., 1961.

Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 85–102.

Гак В. Г. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. М., 1996.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Гладкий А. В. О значении союза «если» // Семантика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 153–183.

Головин И. В. Введение в синтаксис современного японского языка. М., 1979.

Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.

Горелова Л. М. О специфике аналитических форм эвенкийского глагола // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 55–75.

Горелова Л. М. Функции эвенкийских причастий в их отношении к деепричастиям // Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1979. С. 3–31.

Горелова Л. М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 83–90.

Горелова Л. М. Условно-временные формы в эвенкийском языке // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 72–83.

Горелова Л. М. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982. С. 40–56.

Грамматика алтайского языка (составленная членами алтайской миссии). Казань, 1869.

Грамматика русского языка. Т. I, II (ч. 1 и 2). М., 1960.

Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.

Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Гришина Н. М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. АКД. Л., 1979.

Грунина Э. А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке. АКД. М., 1952.

Грунина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис. М., 1962. С. 134–163.

Гузев В. Г. О разграничении понятий «финитная форма» и «личная форма» // Ученые записки С.-Петерб. гос. ун-та.— СПб., 1993. № 34. Сер. востоковед. наук. Вып. 18. С. 36–42.

Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.

Демесинова Н. Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата, 1974.

Демесинова Н. Х. Синтаксические конструкции с объектно-изъяснительными отношениями в системе сложного предложения современного казахского языка // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1974. № 2. С. 3–12.

Демесинова Н. Х. Типы сложноподчиненного предложения и вопросы синтаксической синонимии // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 84–91.

Демесинова Н. Х. Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху. АКД. Алма-Ата, 1981.

Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.

Дмитриев Н. К. Сложноподчиненное предложение // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 388–392.

Дубровина З. М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977. С. 34–74.

Дульзон А. П. Кетские послелогои // Кетский сборник. М., 1968. С. 247–250.

Дьяконов И. М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 95–115.

Дьяконов И. М. Шумерский язык // Языки Азии и Африки. III. М., 1979. С. 7–36.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1941.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М., 1941.

Есенов Х. М. Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений // Советская тюркология. Баку, 1972. № 4. С. 17–22.

Есенов Х. М. Сложноподчиненные предложения с падежно-последовательными формами причастий в казахском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 89–97.

Есенов Х. М. Осложненные предложения со смыкающимися оборотами в казахском языке // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 38–47.

Есенов Х. М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1983.

Есипова А. В. Определительная функция причастия в шорском языке. Новосибирск, 1993.

Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения якутского языка, выражающие простую одновременность // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981. С. 51–59.

Ефремов Н. Н. Якутские полипредикативные предложения с формой на =тагына // Тюркские языки Сибири, Новосибирск, 1983. С. 165–169.

Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. М., 1984.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Новосибирск, 1998.

Закеев М. З. О наличии придаточных предложений в татарском языке // Уч. зап. Казанск. ун-та. Казань, 1961. Т. 119. Кн. 5. С. 312–320.

Закеев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–101.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Иванов С. Н. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи // Уч. зап. ЛГУ. № 282. Л., 1959. Сер. востоковедческих наук. Вып. 11. С. 189–196.

Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности // Советская тюркология. Баку, 1973. № 1. С. 26–32.

Иванов С. Н. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках. (Изыскательные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформации) // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 109–116.

Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV в. на арабском языке / Пер. Э. И. Фазылова, М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978.

Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. АКД. Л., 1964.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.

Касевич В. Б. О семантике некоторых условных конструкций // Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998. С. 282–292.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кенесбаев С. К., Карашева Н. Б. Казахский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966. С. 320–339.

Климов Г. А. Типология языков активного строя. М., 1977.

Коваленко Н. Н. Выражение субъекта зависимой части подпредикативного временного предложения в ананасанском языке // Структурные функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982. С. 110–114.

Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.-Л., 1966.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.

Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941.

Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л., 1980.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.

Константинова О. А. Эвенкийский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 68–87.

Копыленко М. М. Теория сложноподчиненного предложения в русском языкознании. Одесса, 1954.

Коркина Е. И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1971.

Коркина Е. И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск, 1985.

Кормушин И. В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.

Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). АКД. М., 1979.

Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1977.

Кузнецов П. И. Условное наклонение в турецком языке // Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.

Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола в турецком языке // Советская тюркология. Баку, 1982. № 1. С. 3–21.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Липеровский В. П. Сложные предложения в хинди. Опыт структурно-семантического описания. М., 1972.

Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М.-Л., 1957.

Мураталиев М. Придаточные предложения времени в киргизском языке. АКД. Алма-Ата, 1953.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

Маслиева О. В. Становление категории причинности. Л., 1980.

Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. Синтаксис. СПб., 1897.

Меновицков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. Л., 1967.

Меновицков Г. А., Вахтин Н. Б. Эскимосский язык. Л., 1983.

Мещанинов И. И. Структура предложения. М.-Л., 1963.

Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М., 1978.

Монгуш Д. А. О временных формах в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. VII. С. 85–92.

Монгуш Д. А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.

Монгуш Д. А. О служебных функциях слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 12–35.

Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых (на материале тувинского языка) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 122–153.

- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. Т. 2. Москва — Вена, 1998.
- Москальская О. И.** Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
- Наделяев В. М.** Современный монгольский язык. Новосибирск, 1988.
- Невская И. А.** Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск, 1993.
- Оралбаева Н., Балтабаева Ж.** Дифференциация функции аффиксальной и нулевой формы винительного падежа // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
- Оюн М. В.** Придаточные определительные предложения, вводимые служебными словами *деп*, *дээр*, *дээн* в тувинском языке // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 40–55.
- Оюн М. В.** Об одном типе определительных ППК тувинского языка // Полипредикативные конструкции в языках разных систем. Новосибирск, 1985. С. 114–124.
- Оюн М. В.** Семантика тувинских сложных определительных конструкций со служебным словом *дугайында* // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 98–104.
- Оюн М. В.** Определительные конструкции в тувинском языке. АКД. Алма-Ата, 1988.
- Падучева Е. В.** О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева Е. В.** Семантические исследования. М., 1996.
- Пешиковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Плоткин В. Я.** Грамматические системы в английском языке. Кишинев, 1975.
- Плунгян В. А.** Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Подлеская В. И.** Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999.
- Попова Н. И.** Атрибутивная функция причастных форм якутского языка // Исследования по грамматике якутского языка. Якутск, 1983. С. 104–109.
- Поркшеян Е. М.** Сравнительные конструкции современного русского языка и их структурно-семантические разновидности. АКД. Ростов-на-Дону, 1991.
- Поцелуевский А. П.** Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.
- Поцелуевский Е. А.** Тюркский трехчлен. М., 1967.

- Предикативное** склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.
- Пюрбеев Г. Ц.** Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
- Пюрбеев Г. Ц.** Специфика падежного оформления субъекта в инфинитивных конструкциях монгольских языков // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 80–88.
- Рамstedт Г. И.** Введение в алтайское языкознание. М., 1959.
- Распопов И. П.** Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
- Рассадин В. И.** Морфология тофаларского языка. М., 1978.
- Ревзин И. И.** Модели языка. М., 1962.
- Рифтин А. П.** О двух путях развития сложного предложения в акадском языке // Советское языкознание. Т. 3. Л., 1937.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Русская** грамматика. Т. I–II. М., 1980.
- Русский** язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Рыжова Е. Ю.** Система причастий в северном диалекте энецкого языка // Советское финно-угроведение. 1982. № 3. С. 205–209.
- Сайнахова А. И.** Служебные слова в мансийском языке. АКД. Л., 1966.
- Сам Ш. Ч.** Тувинско-русский словарь. М., 1955.
- Сам Ш. Ч.** Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960.
- Сам Ш. Ч.** Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис. Кызыл, 1966.
- Сам Ш. Ч.** Роль служебных слов *деп*, *дээн* в сложноподчиненном предложении тувинского языка // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 112–115.
- Сам Ш. Ч.** Придаточные предикативные единицы в тувинском языке // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 48–60.
- Сауранбаев Н. Т.** Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1944.
- Севортян Э. В.** Категория падежа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. М., 1956. С. 45–64.
- Семантические** типы предикатов. М., 1982.
- Серебренников Б. А.** Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Скаличка В.* Типология и тождественность языков // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 32–34.
- Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. Ч. II. Л., 1977.
- Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.
- Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Соколов С. Л.* К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 156–164.
- Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М. 1981.
- Структурные* типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.
- Субракова О. В.* Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 22–39.
- Суник О. П.* Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
- Суник О. П.* Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982.
- Сыромятников Н. А.* Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
- Сыромятников Н. А.* Развитие новояпонского языка. М., 1978.
- Тадыкин В. Н.* Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
- Тенишев Э. В.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- Тенишев Э. В.* Строй саларского языка. М., 1976.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Тереценко Н. М.* Нганасанский язык. Л., 1979.
- Теория* функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Теория* функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
- Типология* условных конструкций. СПб., 1988.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Тумашева Д. Г.* Татарский глагол. Казань, 1987.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. М.-Л., 1960.
- Убрятова Е. И.* О вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских и якутском языке // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958. С. 221–225.

- Убрятова Е. И.* Согласование в якутском языке // Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962. С. 101–188.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1–2. Новосибирск, 1976.
- Умаров А.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в русском языке и способы их перевода на каракалпакский язык. АКД. Ташкент, 1965.
- Фельдман Н. И.* О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке // Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М., 1952. Т. IV. С. 230–276.
- Фидлер В.* Условные предложения в албанском // Проблема синтаксиса языков албанского ареала. Л., 1979. С. 226–249.
- Филистович Т. П.* Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка. Новосибирск, 1991.
- Хаямагомедов Б. Г.-К.* Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.
- Храковский В. С.* Условные конструкции (проблемы типологического анализа) // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- Ханмурзаева Э. А.* Полипредикативные конструкции в кумыкском и ненецком языках. Принцип сравнения // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982. С. 143–147.
- Черемисина М. И.* Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 3–28.
- Черемисина М. И.* Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.
- Черемисина М. И.* Моноsubjектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 6–34.
- Черемисина М. И.* Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения) // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981. С. 3–36.
- Черемисина М. И.* Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 3–20.
- Черемисина М. И.* Теоретические итоги исследования сложных предложений в алтайских языках Сибири // Изв. СО АН СССР. Ново-

сибирск, 1984. № 14. Серия истории, филол. и филос. Вып. 3. С. 15–20.

Черемисина М. И., Боргоякова Т. Н. О хакасском причастии на *-галах/-гелек* в роли зависимого предиката // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982. С. 70–82.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последложных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 38–76.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Черемисина М. И. Лекции по синтаксису сложного предложения в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1998 (рукопись).

Чиликина Н. Г. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке. АКД. Львов, 1955.

Чисняков Э. Ф. Придаточные предложения в шорском языке. АКД. Томск, 1973.

Чонбашев К. С. Сложные предложения в русском и киргизском языках. Фрунзе, 1968.

Шамина Л. А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 12–30.

Шамина Л. А., Черемисина М. И. Причастие на *-галах* (*-калак*) в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 57–70.

Шамина Л. А. Использование структурной схемы изафетной конструкции в организации сложного предложения тувинского языка // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984. С. 94–108.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск: Наука, 1987.

Шамина Л. А. Тувинское служебное слово *дег*: синтаксический статус и функции // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990. С. 126–141.

Шамина Л. А. Уступительные конструкции тувинского языка // Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Новосибирск: Наука, 1991. С. 32–43.

Шамина Л. А. Система многозначных моделей темпоральной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1997. № 4. С. 70–76.

Шамина Л. А. Структурно-семантические типы изъяснительных ППК с глагольными сказуемыми в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1998. № 4. С. 81–86.

Шамина Л. А. Структурно-функциональные типы сложного предложения в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: 1999. № 4. С. 74–78.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шенцова И. В. Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование. АДД. М., 1998.

Ширалиев М. Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 93–99.

Ширалиев М. Ш. Проблема сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 153–159.

Шубина Т. П. Основные виды условных конструкций современного алтайского языка с формой на *-са/-за* в зависимой части // Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983. С. 99–107.

Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов в X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.

Щербак А. М. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках // Советская тюркология. Баку, 1970. № 2. С. 13–22.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.

Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1987.

Эсхаджиев Я. Ц. Способы выражения сложноподчиненного предложения в чеченском литературном языке. АКД. Грозный, 1971.

Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 95–113.

Яковлев Н. Ф. (при участии А. Х. Хумпарова, М. С. Саидова и А. С. Бекоева). Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940.

Языки мира // Тюркские языки. Бишкек, 1997.

Andrews A. D. III. Studies in the syntax of relative and comparative clauses. N. Y.; L.: Garland, 1986.

Banys W. Conditionnel. «meme si-conditionnel», contraposition et modus tollens // Linguistica Silesiana. Kielce, 1991. Vol. 13. P. 61–75.

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik. SPb., 1854.

Castren M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1984. Die deutsche Sprachbau. M.-Jl., 1966.

Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / W. Chafe and J. Nichols (eds.). Ablex Publishing Corporation. Norwood. New Jersey, 1986.

Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Grunina E. A. К истории праторкской претемпоральной системы // Symbolae Turcologicae, eds. A. Berta, B. Brendemoen, C. Schönig. Swedish Research Institute in Istanbul. Transactions. Vol. 6 (Uppsala 1996). 109–117.

Kaneva H. T. Ways of expressing concession in Sumerian / Kaneva I. T. // Sulmiv. Everyday life in Ancient Near East. Papers pres. At the intern conf., Poznan, 19–22 Sept. 1989. Poznan, 1993. P. 129–133.

Comrie B. Tense. Cambridge University Press 1985.

Krueger J. R. Tuvan Manual. University, UAS, Vol. 126. 1977.

Martin C. B. Dispositions and conditionals // Philos. quart. St. Andrews, 1994. Vol. 44. № 179. P. 1–8.

Menges K. H. Das Sojonische und Karagassische. Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. S. 640–670.

Nicol'skaya E. K., Goldenberg M. J. Grammaire française. M., 1977.

Shamina L. Polypredicative sentence in the Tuvan Language // Tenth International Conference on Turkish Linguistics. Boğaziçi Üniversitesi. Istanbul, 2000.

Schönig C. Relativsatzbantypen in den sogenannten altaischen Sprachen // Acta orientalia. Budapest, 1992/93. T. 46. Fasc. 2/3. S. 327–338.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общее представление о сложном предложении тувинского языка	8
1. Понятие сложного предложения	8
2. Структура предикативного узла ЗПЕ	14
3. Способы выражения синтаксических связей между предикативными единицами	26
Глава 2. Структурные типы сложных предложений тувинского языка	33
1. Обобщенное представление структурной типологии сложных предложений тувинского языка	33
2. Сложноспаянные «одночленные» предложения с присловной зависимой частью	36
3. Сложноподчиненное синтетическое предложение («расчлененной структуры») с обстоятельственной зависимой частью	45
4. Средства связи союзного типа в тувинском языке	118
Глава 3. Функционально-семантические типы сложных предложений тувинского языка	129
1. Общая характеристика функционально-семантических типов ППК	129
2. Сложные предложения, выражающие темпоральные отношения между событиями	130
3. Сложные предложения, выражающие каузальные отношения между событиями	161
4. Сравнительно-сопоставительные ППК	190
5. Сложные предложения, выражающие изъяснительные отношения	194
6. Сложные предложения, выражающие определительные отношения	214
Заключение	221
Приложение 1. Модели ППК тувинского языка	225
Приложение 2. Источники материала	231
Библиография	234